

Владимир Архангельский

**ТО ЮНОСТИ
СТРЕМИТЕЛЬНЫЕ ГОДЫ...**

Повесть

ПОРХАЮЩАЯ БАБОЧКА ОГНЯ

Стихи разных лет

Москва

2012 г.

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках книгу, автор которой мне хорошо знаком, поскольку последние годы мы плодотворно работаем вместе, занимаясь просветительской издательской деятельностью. Это обстоятельство, на мой взгляд, дает мне право немного рассказать об этом человеке и поделиться своими мыслями о его творчестве.

Владимир Архангельский (это творческий псевдоним, а настоящее его имя Шишкин Владимир Витальевич) — человек оригинальной, по-своему, судьбы, своеобразные перипетии которой Вы узнаете, прочитав эту книгу. На страницах ее оживают уже далекие теперь годы юности писателя, о чем свидетельствует и само название сборника.

Сталкиваясь с творчеством того или иного художника, мы всегда стремимся как бы увидеть скрытые от внешнего мира «крылья вдохновения», понять его истоки, осознать, что двигало автором при создании художественного произведения.

Таким источником творчества Владимира Архангельского, по-моему, является сама его несколько необычная биография, волею судьбы объединившая в этом человеке «лед и пламень» двух столь различных народов, языков и культур.

Дело в том, что автор этой книги родился в старинном русском северном городе Архангельске (отсюда и его творческий псевдоним). Случилось это в 1955 году. Отец его — потомок славных русских поморов, земляков М.В. Ломоносова — сам долгие годы жизни в этом городе был «речником» и «ходил» механиком на пассажирских пароходах и теплоходах по Северной Двине. А вот мать писателя — дочь абхазского крестьянина — родилась и выросла в городе Гагра — знаменитом черноморском курорте.

И как это бывает в жизни, общая судьба народов нашей огромной страны свела русского северянина и абхазскую девушку в семейном союзе. Поэтому детство будущего писателя прошло на русском Севере, а годы юности — в солнечной Абхазии, куда семья переехала в 1969 году.

Страницы романтической повести, открывающей эту книгу, расскажут Вам, уважаемый читатель, историю любви юноши и девушки, которые случайно встретились в свое время на абхазском курорте, чтобы не расставаться уже никогда. Прекрасные чувства этой юной любви подарили писателю те самые «крылья вдохновения», крылья его поэтического творчества.

Стихи, представленные на страницах сборника — это счастье и боль, радость и печаль, тревоги и сомнения поэта, это его жизнь и любовь. И, на мой взгляд, Любовь, в широком понимании этого восхитительного чувства, и является тем благодатным зерном, из которого произрастает творчество члена Союза писателей России Владимира Архангельского.

Вряд ли кто не согласится с моим мнением, что именно сияние высокого чувства любви в отношении человека к окружающему миру — природе и людям — позволяет каждому из нас ощущать в своей душе трепетное приобщение к чему-то божественно прекрасному. Ибо, как сказано в древней священной книге: «Бог есть Любовь, и пребывающий в Любви пребывает в Боге, и Бог есть в нём».

И я уверен, что лирические страницы этой небольшой, но проникновенной книги оживят в Вашей душе, уважаемый читатель, всё самое чистое, светлое и возвышенное.

Академик
Кирилл Москаленко,
генеральный директор
Издательского Дома
«Панорама» (г. Москва)

**ТО ЮНОСТИ
СТРЕМИТЕЛЬНЫЕ ГОДЫ...**

Повесть

*Моим друзьям, моей любви,
Расцветшей в годы юных страстей...*

Часть первая

Лето любви

I

Вечер обещал быть таким же скучным и бестолковым, как и многие другие, ничем и никем не занятые вечера. Виталий решил выйти прогуляться, подышать воздухом — он почти весь день просидел за учебниками. Начиналась сессия, заключительная сессия на первом курсе. На душе от этого было немного тревожно, натянуто, хотя он и ходил в течение года в хороших студентах. Но первая курсовая сессия, как и всё непознанное, ожидалась с волнением.

Солнце уже садилось, и его лучи выстреливали вспышками сквозь ветви кипарисов и лиственниц, ярко проблёскивали меж листвы многочисленных фруктовых деревьев. Их двор славился обилием и разнообразием зелени. Многие из жильцов их микрорайона, образуемого шестью трехэтажными двухподъездными домами, стоящими в ста пятидесяти метрах от берега моря, любили поработать на своих маленьких огородах, нарезанных на клочках земли между асфальтированными дорожками. Южное богатство и пышность зелени украшало их район и вызывало чувство благодарности к людям, здесь живущим.

Хотя люди, как и везде, жили здесь разные... На одной лестничной площадке могли находиться квартиры профессора и теневого дельца, ответственный партийный работник мог быть соседом вора «в законе» — их машины во дворе стояли рядом. Людской «дендрарий» был не менее разнообразен растительного.

На памяти Виталия был один интересный случай, когда вдруг во дворе все пацаны с каким-то восторженным придыханием стали говорить о том, что «откинулся» и вернулся домой какой-то Юра, знаменитый вор «в законе» всесоюзного значения. По словам друзей, его семья проживала в соседнем доме, но Юра, как истинный «бродяга» редко бывал в родных пенатах. Каково же было удивление пятнадцатилетних тогда пацанов, когда в один прекрасный, как говорится, день у подъезда Юриного дома засверкал «металликом» синий «Мерседес» — подарок местной воровской братвы. В те времена самой «уважаемой» и солидной машиной считалась «Волга» — все соседские партийные боссы и начальники разъезжали с персональными

То юности стремительные годы...

ми шоферами на чёрных и белых «волжанках», которые в большом количестве «паслись» в их дворе. А тут — настоящий «мерс» как из западного фильма, да еще и у порога дома, хоть и знаменитого и «авторитетного», но вора.

Тогда Виталий впервые подумал о том, что в жизни не всегда только добродетель вознаграждается по заслугам, оказывается, и преступник может быть вполне уважаемым и респектабельным человеком.

Как мало он тогда знал и понимал в жизни...

— Виталик! — окликнул его кто-то, прервав медлительные, спокойные размышления.

Обернувшись на зов, он увидел Томаза, машущего ему издали рукой. Взмахнув в ответ, Виталий пошёл ему навстречу. Томаз жил в соседнем доме, был старше Виталия лет на десять, но принадлежал к тем странноватым людям, которым нравится всё модное, молодёжное, ультра-современное. Он, как и Виталий, увлекался современной эстрадной и рок музыкой, собирал грампластинки, магнитофонные записи. Виталик время от времени забегал к нему послушать музыку, узнать последние местные новости — Томаз был любителем посплетничать.

— Привет, куда собрался?

— Так, гуляю, скучаю, дышу воздухом. А ты далеко?

— Пойдём со мной, Вит, не пожалеешь. Познакомлю с хорошими девочками — отдыхают на турбазе. Москвички. Понимаешь, их двое, а я один пока. Идёшь?

— Пошли, делать всё равно нечего.

Они неторопливо зашагали в сторону турбазы по дороге, вдоль которой стеной стояли кипарисы вперемешку с олеандрами, отделяя тротуар от шоссе, рычавшего мчавшимися нескончаемым потоком и в ту, и в другую сторону машинами.

«Одурели люди с этими машинами, что ли? — подумал Виталий. — Прямо мания какая-то — купить машину, сесть за руль, догнать и обогнать такого же озабоченного, как он сам. Неужели не лучше вот так топтать вечером по дороге вдоль кипарисовой стены, сквозь которую бьют в глаза вечерние лучи солнца?..»

— Слышь, Вит, — прервал ход его мыслей Томаз, — одна из них по-выше, блондинка, другая — маленькая, брюнетка. Тебе по росту больше брюнетка подойдёт, я думаю.

— Поглядим, — неопределенно ответил Виталий.

Томаз был действительно чуть выше ростом, но Виталий не любил дешёвых договоров «твоя-моя», тем более, когда дело касалось такого «тонкого предмета», как девушки. Он предпочитал взаимную свободу выбора — так легче строить отношения.

Впрочем, ни о каких «отношениях» он тогда не думал, поскольку вообще не придавал особого значения предстоящей встрече. Впереди

была сессия, и у него просто не было времени для каких-либо длительных «отношений». Так, вечерок провести, прогуляться, поболтать и — «гуд-бай, киска». Тем более что с «кисками» в их курортном городе в летнюю пору — всегда без проблем. Было бы время и желание, а там — выбирай на вкус, все пляжи ломятся от полуобнаженных женских тел в различной стадии возраста и загара.

Однако особого опыта пляжных знакомств у Виталия пока не было, да он не очень-то и стремился его приобрести. Было противно ставить себя «на одну доску» с «половыми гангстерами» (так они называли в своём дружеском кругу этих молодых «горячих» кавказских парней), которые приходили на знойные пляжи в поисках очередной «добычи». Многие из них приехали в курортную столицу учиться или работать из маленьких прибрежных городков и горных деревень, и, конечно, это пляжное «роскошество» обнаженной женской плоти просто сводило их с ума. В горах-то, бедолага, и козочке был рад, а здесь — и глаза разбегаются, и кровь в голову бьёт, и штаны трещат от вожделения.

Местным — «столичным пацанам» — это было смешно видеть, но почему-то и на пляж, в самое полуденное пекло, «гангстеры» ходили в тёмных пиджаках внакидку (вместо бурки что ли?), и когда они, не раздеваясь, присаживались возле загорающих женщин, их вид напоминал эдаких чёрных грифов, скачущих над поверженной обнажённой жертвой.

По вечерам они тёмными стаями сбивались у ворот турбаз и домов отдыха, предлагая проходящим мимо девушкам и женщинам «погулять» или цеплялись к ним с идиотскими вопросами: «дэвушка, а сколько время?», стараясь завести знакомство.

Со стороны всё это выглядело грязно и противно, вызывало законный протест и у приезжих отдыхающих, и у многих местных жителей, которые в виду своей общей национальной принадлежности как бы несли ответственность за поведение подобных «половых гангстеров». С этим гнусным явлением старались как-то бороться — время от времени милиция устраивала рейды в места сбора любителей женских прелестей. Те разбегались по району, но вскоре вновь собирались на своей «бирже». Видимо то, что некоторым из них всё же удавалось «зацепить телку», заставляло остальных не терять надежды в своих устремлениях.

Городские местные молодые люди подходили к этому вопросу тоньше, деликатней, культурней, с меньшей жадностью и большей предвзятостью, но цель и у них была та же. Видимо, сам характер отношений с постоянно сменяющимся контингентом отдыхающих курортниц накладывал свой отпечаток на общий взгляд и подход к этому, с одной стороны, тонкому, но с другой, — ни к чему не обязывающему процессу. В общем — дело житейское, и поэтому от возможности или предложений «познакомиться с девочками» никто не отказывался, а там — как получится.

— Слушай, Томаз, а как мы пройдем? — спросил Виталий на подходе к воротам турбазы, зная, что с пропускным режимом здесь, как и во всех местах отдыха приезжих, строго.

— Не волнуйся, есть свои люди, — благосклонно бросил Томаз, спокойно вышагивая рядом с Виталием своими длинными худыми ногами.

Он оказался прав, и ворота турбазы они миновали без вопросов и без остановки. Томаз просто поздоровался с дежурным у входа — было ясно, что он здесь «свой человек».

Вся территория турбазы утопала в густой вечнозеленой растительности, среди которой уютно располагалось несколько современных корпусов. Между ними петляли узенькие асфальтированные дорожки, обсаженные по краям цветниками и декоративным кустарником.

Директор этой турбазы был большой любитель различной живности, и поэтому вместе с богатой южной флорой здесь была представлена хоть и не очень богатая, но довольно оригинальная фауна. В небольшом бассейне недалеко от ворот плавали два черных и два белых лебедя, в одном из уголков турбазовского парка проживали два павлина, время от времени оглашавшие окрестности своим диким воющим криком, особенно неприятно пугающим ночью. Рядом с турбазовской кочегаркой была оборудована большая клетка, где проживали медведь и медведица, подаренные директору друзьями из Сванетии. Недалеко от медведей, в особом загоне, содержался верблюд, мрачно взирающий через сетку на проходящих мимо людей.

Этот мини-зоопарк вызывал неизменный восторг у детей, приехавших на турбазу с родителями. Курортники дружно хвалили директора и писали многочисленные благодарственные письма за столь полное удовлетворение запросов и интересов отдыхающих. Турбаза эта и в самом деле числилась одной из лучших на черноморском побережье Кавказа.

Виталий не раз бывал здесь с друзьями, но, как правило, нелегально. Иногда, изнывая от скуки и не зная, куда себя деть, они переползали через высокую сетку, окружавшую территорию турбазы, чтобы попасть на ежевечерний танцевальный вечер или заглянуть в киношку. Визиты эти всегда были связаны с определенным риском, поскольку дежурные с повязками и милиционеры постоянно фланировали по территории, выявляя «нелегальных» гостей и выдворяя их незамедлительно, сурово указав, что в следующий раз так легко им не отделаться.

К сожалению, иногда на турбазу проникали не только скучающие местные любители «культурного отдыха», но и местные любители чужого добра, обчищавшие комнаты отдыхающих, что, естественно, приносило огромный вред репутации столь солидного курортного учреждения.

— Нам сюда, — показал рукой Томаз, сворачивая к одному из корпусов. Поднявшись на второй этаж, и пройдя по длинному коридору, они остановились у двери с номером «7».

«Счастливая цифра», — почему-то подумалось Виталию.

— Гляди веселей и, главное, не робей, — усмехнувшись сказал Томаз, и постучался в дверь. Лицо его приняло выражение суперджентльмена, рыцаря без страха и упрека, готового ради Дамы сердца в огонь и в воду.

— Да-да, — раздался звонкий женский голосок, и Томаз смело вошёл в распахнутую дверь. Виталий, вошедший следом, был как-то неожиданно ослеплён солнечным светом, бившим прямо в глаза из окна, расположенного как раз напротив двери.

Через секунду в этом солнечном сиянии он увидел девушку, сидевшую на кровати и плавными движениями приподнятых рук расчесывавшую прямые светлые волосы. Они сверкали в солнечных лучах золотистым блеском, окружая ее голову светящимся нимбом. Вся её тоненькая фигурка как бы растворялась в ярком свете, обретая мягкие расплывчатые очертания, как на полотнах великого Рембрандта.

— А вот и мы, добрый вечер! — откуда-то издалека раздался бодрый голос Томаза. — Знакомьтесь, мой друг Виталий, очень хороший молодой человек. А это Ната — наша прекрасная москвичка.

— Добрый вечер, — услышал Виталий чуть кокетливый женский голос.

Уже несколько лет он жил ожиданием какого-то чуда, ожиданием большого прекрасного чувства, которое подспудно жило и росло в нём, не давая спокойно спать по ночам, уносившего порой его мысли за далёкие призрачные и счастливые горизонты мечтаний. Он давно мечтал полюбить, мечтал встретить Её, единственную, ту, которая подарит ему неведомый и захватывающий мир Любви. Подарит навсегда, утопив его в этом чувстве, в этом счастье навеки. И он был готов броситься в неведомые и бездонные волны безбрежного чарующего океана любви, броситься безоглядно и радостно, не ведая, что ждёт его в этой влекущей, но безвестной пучине.

Ему было девятнадцать. В этот период жизни, видимо, все чего-то ждут, на что-то надеются, но Виталий каким-то внутренним чутьем осознавал, что это будет не просто что-нибудь вообще, а именно Любовь — огромная любовь на всю жизнь. Он ждал и жаждал её, верил и страдал, не встречая на своём пути той, которая принесёт ему это счастье.

Он не хотел растрчивать свои чувства по мелочам, да и не мог так поступать, живя одной мечтой и надеждой. Поэтому у него не было «подружек» или пошлых «пляжных» романов, как у большинства его друзей, не стесняющихся говорить слова любви первой встречной, лишь бы добиться желаемого. Ни одна из знакомых девушек не вызывала в нём каких-то особенных чувств, ему и в голову не приходило, что

можно просто «покадриться», тем более, что некоторые девушки из университета, где он учился, довольно прозрачно намекали на эту возможность. Но заставить себя говорить какие-то нежные, задушевные слова человеку, который тебе, в общем-то, безразличен, Виталий не мог. Он как-то подспудно сознавал, что это будет подлым предательством по отношению к тому огромному, ожидаемому им чувству, которое он постоянно вынашивал в душе и согревал в своём сердце.

Не удивительно поэтому, что он писал стихи, и, увлекшись этим занятием лет с пятнадцати-шестнадцати, поступил по окончании школы на филологический факультет республиканского университета в родном городе.

И вот сейчас прекрасный облик этой впервые увиденной им в ореоле солнечного света белокурой девушки, которую он толком-то и не разглядел, неожиданно, как вспышкой яркой искры, ожёг его душу и, ещё не осознавая случившегося, он почувствовал всем сердцем, что Она пришла, Она здесь, Она навсегда!

Девушка, всё так же сидя на кровати, взяла с тумбочки флакон с лаком и, поставив одну ногу на край постели, стала красить на ней ногти. Держалась она абсолютно непринуждённо, время от времени с улыбкой поглядывая на гостей, и одновременно плавными легкими движениями наносила яркий лак на мизерные ноготки маленьких пальчиков изящной ножки.

Казалось, её абсолютно не смущало то, что Виталий её разглядывает, как музейный экспонат или картину с выставки. На ней был совсем короткий, по моде, голубой халатик в белый горошек, довольно смело обнаживший её закинутую на кровать загорелую ногу. Ножка эта была так очаровательна и стройна, что не вызвала в голове Виталия никаких «задних» мыслей, кроме всё более растущего чувства восхищения этой нимфой.

— А вот и наша Людочка! — услышал он голос Томаза и, с трудом оторвав взгляд от белокурой девушки, увидел вошедшую в комнату большеглазую брюнетку небольшого роста, широко улыбнувшуюся при виде гостей.

— Привет, мальчики, — весело пропела девушка, взмахнув рукой. — Вы давно здесь?

— Пять минут, дорогая, — в тон ей весело ответил Томаз. — Познакомься, это Виталий, мой сосед и хороший друг.

— Людмила, — игриво прощепетала девушка, протягивая Виталию руку. Он улыбнулся в ответ и мягко пожал её пальцы.

— Очень рад, — сказал он, хотя никакой радости не испытывал, поскольку Людочка для него просто уже не существовала, как не существовали и все остальные женщины земного шара. Была одна Она. Она была здесь, Она была в нём, Она была весь мир!

Людочка, продолжая о чем-то игриво «чирикать» с Томазом, быстро подкрасила перед настольным зеркальцем глазки и губки. Ната уже закончила свой педикюр, но краситься не стала. Её округлые золотистокarie глаза, с легкой искоркой насмешливого веселья, наблюдали то за Виталием, сидящим истуканом на стуле, то живо перескакивали в сторону Томаза и Людочки, как бы оценивая их игривую болтовню.

— Так, мы почти готовы, осталось только переодеться. Поэтому, мальчики, просим подождать нас на воздухе, — всё так же игриво прошептала Людочка. — Мы быстренько.

Парни вышли во двор и присели на лавочку у входа в корпус. Виталик вытащил пачку сигарет, предложил Томазу, и они закурили, выпуская дым в темнеющее уже небо. Солнце почти зашло, первые нежные лиловые сумерки вкрадчиво окутывали всё окружающее. Небо загустело мутной синевой, которая вскоре растворится в звёздной черноте южной ночи — жаркой ночи этого благодатного и прекрасного края.

— Ну, как тебе девочки? — выпуская струю дыма, с улыбкой спросил Томаз.

— Ништяк, — не желая распространяться, Виталий ответил заведомо грубо, употребив это модное в их городке блатное словцо. Он боялся расплескать то чувство, что заполняло сейчас душу, и не хотел опошлять его ненужными и бессмысленными словами. То, что вдруг ожило в нём несколько минут назад, было выше всех слов, выше самой далёкой звезды.

— Слушай, их надо куда-нибудь повести. У тебя как с монетой? — озабоченно спросил Томаз.

— Не густо — всего пятёрка, — мрачно ответил Виталий.

Мысль о том, что продолжение знакомства потребует определённых материальных затрат как-то не пришла ему в голову. Теперь, осознав это, он расстроился.

— Ладно, у меня есть кое-что, на вечерок хватит. Тем более что я тебя сосватал на это дело, — беспечно заявил Томаз. — Сходим в какой-нибудь кабачок, раздавим пару шампанского, а там посмотрим. Договорились?

— Не возражаю, коли так, — внутренне облегченно вздохнув, ответил Виталий.

Деньги для него, студента, были, конечно, проблемой. Родители, люди простые, работающие, не очень баловали его карманными деньгами, считая, что на развлечения, которыми они сами никогда не увлекались, деньги тратить бессмысленно. Да и, к слову сказать, большие деньги в их семье никогда не водились. Поэтому Виталик «гулял», в основном, на свою небольшую студенческую стипендию, получать которую он стал совсем недавно, поскольку был студентом первого курса.

— А вот и мы, — раздался весёлый голос Людочки. — Куда ведут нас кавалеры?

— Погуляем, там посмотрим. Что понравится, то и выберем, согласны? — вставая навстречу девушкам, бодро объявил Томаз.

— Договорились, — рассмеялась Людочка, беря Нату под руку.

Они вышли из ворот турбазы так же беспрепятственно, как и вошли, и направились в сторону набережной — места всеобщих прогулок. Там же располагались и основные увеселительные заведения города — различные кофейни, бары и рестораны.

По дороге Томаз и Людочка беспрерывно болтали о разных пустяках. Парень рассказывал смешные истории и анекдоты, вызывающие у Людочки взрывы безудержного звонкого смеха. Ната держалась более сдержанно, изредка улыбаясь удачной шутке. Она как бы держалась в тени, отдав всю инициативу общения раскованной и игривой Людочке, для которой, казалось, подобные встречи были делом привычным, простым и житейским. Она была явно постарше и поопытней Наты и, видимо, ещё и поэтому как бы опекала её здесь, в чужих южных краях, полных неизвестных и неожиданных опасностей, которые поджидали приезжих девушек, пожелавших пообщаться с местными «дон-жуанами». Было заметно, что Ната изучающе присматривается к действиям Людочки, оценивая их по-своему.

Виталий, удачно пристроившись рядом с Натой, время от времени задавал ей вопросы о Москве, где он бывал, о её работе (она оказалась продавцом универсама), о планах на будущее (она поступала в торговый техникум), рассказывал кое-что о себе. Ему очень хотелось познакомиться с этой девушкой поближе, чем-то привлечь к себе её внимание, завязать в её душе узелок их знакомства, к тому же он всё время мучился мыслью о том, что Томаз имел на Нату свои виды, оставляя ему роль напарника Людочки. Однако эта роль его уже не устраивала. «Или она, или никто», — решил для себя Виталий. — Пойду на всё, но Томаз её не получит. Она моя, моя!»

— Ресторан «Москва», — раздался звонкий голос Людочки, — А не заехать ли нам, так сказать, в родной город, а то я уже по нему соскучилась.

— В Париж, к сожалению, заехать не сможем, а в «Москву» — всегда пожалуйста, — подхватил Томаз, и они пошли в сторону ресторана, нависшего над берегом небольшой живописной речушки Баслы, которая дарила свои высокогорные воды морю у самого начала набережной.

Войдя в просторный зал ресторана, они выбрали столик у колонны, в стороне от главного прохода. Виталий замечал огненные взоры и недвусмысленные улыбки местных гуляк, бесцеремонно разглядывающих «свежих» девушек. Особое внимание, конечно же, привлекала Ната,

явно выделявшаяся из общей массы находящихся в ресторане женщин своими распущенными до плеч белокурыми волосами и высокой статной фигуркой. Её длинные стройные ножки также не остались без внимания местных ловеласов всех возрастов. Голубенькая кофточка удачно гармонировала с её светлыми волосами, а чёрный с блеском короткий сарафан эффектно подчеркивал точеную фигуру. «Да, девочка что надо!», — читалось в нескромных взглядах сидящих в ресторане мужчин.

Виталий от этих липких взглядов тихо зверел в душе, но сделать тут было ничего нельзя — за осмотр, как говорится, денег не берут, а запретить смотреть просто невозможно. Он знал, что любая приехавшая в их курортный городок женщина, постоянно, где бы она ни находилась, подвергается беспардонным оценивающим «смотрим» со стороны местного мужского населения, привыкшего ловить свой «миг удачи». А тем более в ресторанах, которые, как правило, входили в общую программу обольщения «девочек», и поэтому каждая женщина из отдыхающих, попавшая в ресторан, воспринималась как объект ухаживаний с определенной целью.

Вскоре на столике появилось обещанное Томазом шампанское и фрукты. Как водится, сначала выпили за знакомство, за добрый вечер и здоровье присутствующих. Потом были тосты и за Москву, и за прекрасные южные ночи, и за прекрасных женщин, и за настоящих мужчин, и за любовь... Звучала музыка, шампанское легко ударяло в голову, все повеселели, оживились, разговоры стали более откровенными и неприкрытыми.

Томаз сыпал остротами и анекдотами, Любочка смеялась звонко и безудержно на весь зал. Ната, тоже повеселев, участвовала в общей беседе, шутливо реагируя на уже почти нескрываемое ухаживание Виталия. Вино несколько раскрепостило его, он отпускал бесконечные комплименты в адрес Наты, намекая на то, что очарован ею навеки. Она смеялась в ответ, но было заметно, что его ухаживания доставляют ей удовольствие. Глаза её искрились смехом, щеки покрыл легкий румянец, делавший красивое лицо девушки ещё более очаровательным и нежным.

Виталий без конца приглашал Нату танцевать, и в танце, ощущая под рукой её гибкое горячее тело, уносился к вершинам блаженства, воспринимая примитивную кабацкую музыку, чуть ли не как мелодию небесного хора, переполнявшего всю его душу. Он был наверху блаженства, он любил эту девушку как никого на свете и был готов на всё ради того, чтобы она оставалась в его объятиях навсегда.

Томаз, который, в конце концов, понял, что Виталик, развивший столь бурную деятельность, не оставляет ему никаких шансов переключить внимание Наты на себя, сразу как-то поскутнел, сделался серьёз-

ным и замкнутым. Людочка, то ли не замечая ничего, то ли не придавая ухаживаниям Виталия к её подруге особого значения, тормошила Томаза, тащила его танцевать, всё так же заливалась громким смехом от шуток парней и своих собственных.

Ната вообще не обращала внимания на изменившееся настроение Томаза или удачно делала вид, что её это не волнует. Она просто веселилась. Приятель не делал Виталию никаких намёков, но иногда тот ловил на себе его как бы упрекающий взгляд. Виталик, со своей стороны, делал вид, что ничего особенного не происходит, и никак не реагировал на эти взгляды. «Мавр сделал своё дело, мавр может удалиться», чувства Томаза Виталия не волновали, тем более что он был уверен — никаких серьёзных чувств у Томаза по отношению к Нате не было. А развлечься он может и с Людочкой или с какой-нибудь другой «птичкой». Благо, опыта ему не занимать.

Последний танец Виталий вновь танцевал с Натой, ещё раз в этот вечер ощутив несказанное блаженство от близости этой очаровательной девушки, мягко плывущей вместе с ним в волнах медленной музыки. Это был счастливейший вечер в его жизни, это был подарок судьбы, которого он ждал долго и трепетно.

Когда они вышли из ресторана в темень благоухающей запахами моря южной ночи, Виталик уже не отходил от Наты, предложив ей свою руку.

— Друзья, я прошу прощения, — заявил вдруг Томаз, — но мне надо ещё заскочить в одно место. Виталик, я надеюсь, вас проводит, дорогие девушки, а я прощаюсь, всем пока.

И он ушёл, оставив Виталия с двумя подружками. Видимо, это была его своеобразная месть приятелю за обманутые надежды. Предложив вторую руку Людочке, Виталий, не очень огорчившись неожиданным бегством Томаза, повёл девушек в сторону турбазы. Он бы, конечно, предпочёл прогуляться с одной Натой и даже имел такую мысль, рассчитывая оставить Людочку на попечение Томаза, но обиженный дружок решил ответить «оком за око», что было в его праве, хотя всё это и выглядело не очень-то по-мужски.

«Ну и чёрт с ним, — решил про себя Виталий, шагая под вынужденным, но очаровательным конвоем двух москвичек, — теперь мы и «сами с усами».

На подходе к турбазе он заметил группу «гангстеров», кучкой толпившихся на тротуаре. «Этих только и не хватало», — мрачно подумал парень, приготовившись ко всему, поскольку ночью в их городке действительно надо было быть готовым к неожиданным и не всегда приятным приключениям.

Когда они проходили мимо тёмной компании, раздался наглый голос с сильным акцентом: «Дарагой, тебя двэ не много? Подари один, а?».

Следом послышалось глумливое похохатывание молодых «жеребцов». От группы отделился коренастый паренёк небольшого роста и подошёл к ним.

— Можжно тебя на минутку? — обратился он к Виталию.

Тот отошёл с ним на несколько шагов, держа девушек в поле зрения.

— В чём дело? — нагло вато глядя на парня, спросил Виталик.

— Щто за девачки? С турбазы?

— Какая разница?

— Можжет пазнакомишь, а? — не менее нагло спросил парень.

— Блондинка моя жена, а это...

— А я его любовница! — со смехом вдруг крикнула Людочка, слышавшая разговор.

— Тагда — атас, — улыбнувшись, сказал парень, отваливая в сторону своей компании.

Инцидент, как говорится, был исчерпан, и Виталий, вновь взяв девушек под руки, пошёл с ними к уже приближающимся воротам турбазы. В душе его кипела злость, но, вспомнив шутовское признание Людочки, он как-то быстро остыл, тем более что всё обошлось так благополучно.

У ворот турбазы надо было попрощаться, но Виталию ужасно не хотелось расставаться с Натой, ставшей для него после встречи с «гангстерами» как-то ещё ближе и родней. Он уже боялся оставить её, боялся потерять, боялся чужих недобрых людей, которые могут её обидеть, когда его не будет рядом. Но делать было нечего, прощание хотя бы на эту ночь было неизбежным. Виталик не отпускал руку девушки, задерживая её, и мучая себя. Он смотрел на неё и не мог насмотреться, как будто впитывал в душу образ девушки, отпечатывая его в своём сердце навеки.

— Натуська, догоняй, — видимо, сообразив, что она уже лишняя, игриво проворковала Людочка и вошла в ворота турбазы.

Они остались вдвоём, спрятавшись в тени огромного ветвистого платана, чей могучий ствол высился у ограды.

— Мы увидимся завтра? Где вы загораете? Я приду, Ната.

— На турбазовском пряже, в конце, у сетки.

— Я буду завтра, ты не возражаешь?

— Нет, приходи, я буду ждать.

— Я хочу поцеловать тебя, Ната. Иначе я не усну всю ночь и к утру сойду с ума или поседею.

Он легонько притянул ее гибкое тело к себе, обняв за талию, и их губы слились в долгом одурманивающем поцелуе. Виталий потерял мир — не было ничего, никого... Была бесконечная Вселенная и их прижавшиеся друг к другу тела, летящие в бездонных просторах звёздной пустоты...

Он не мог оторваться от нежного источника её губ, упиваясь пьянящим чувством несказанной нежности и любви к этой единственной

теперь для него девушке, единственной и вечной, как само понятие Любви и Красоты.

Домой Виталик шёл чуть пошатываясь, опьянённый воспоминанием блаженства, которое испытал от недавнего и единственного (но, как он надеялся, не последнего) поцелуя, от переполнявшего его чувства огромного, настоящего счастья. Он был в прямом смысле слова пьян от любви...

Ночью Виталик, конечно же, долго не мог заснуть, ворочался, вздыхал, мечтал. Мысли его были там, с ней, спящей сейчас в комнате под номером «7» в турбазовском корпусе.

«Интересно, — задавался он вопросами, — что она думает обо мне и думает ли вообще. Может, для неё это просто случайная встреча, весёлый вечерок, очередное знакомство с симпатичным пареньком? Она такая красивая, что у неё, наверняка, куча обожателей. А может, есть и жених?».

Эта мысль ударила его, как хлыстом, он съёжился от боли и страха неизвестности, в душе что-то заныло, как оборванная струна.

«Кончится отпуск, уедет в Москву и всё?! Но я не могу её потерять, это невыносимо, это невозможно, это пропасть, смерть! — терзался трагическими мыслями Виталий. — Нет, я не отдам её никому! Она моя, моя богиня! Я буду молиться на неё, я стану для неё всем, и она не сможет отринуть мою любовь. Она должна понять, что для меня это — судьба, жизнь, будущее. Ах, какие у неё глаза! А губы?! Я чуть не сошёл с ума от счастья после этого единственного поцелуя, хотя, бывало, и раньше целовался с девочками...»

У кого из нас не было этих полудетских влюбленностей с боязливой сладко-горькими поцелуями в тёмном углу или в прихожей квартиры во время очередной школьной или студенческой вечеринки с вином и музыкой?

Совсем недавно на одной из таких вечеринок по случаю дня рождения их однокурсницы Виталик очень резво ухаживал за именинницей, поддавшись общему влечению подвыпивших юношей и девушек. Все как-то незаметно разбились на пары, танцевали в обнимку, почти не стыдясь друг друга. Он тоже обнимал эту Ирину, что-то нашёптывал ей в ушко, время от времени нежно прикасаясь губами к её нежной шее. Она прижималась к нему всем телом, ясно показывая, что ей всё это ужасно нравится. Её молодая и довольно заметная грудь, билась мягкими толчками в грудь Виталия, возбуждая в нём греховные мысли и желания.

Потом они встречались, несколько раз ходили в кино, целовались, конечно. Но кроме всё тех же греховных чувств, эти отношения ничего в сердце Виталия не пробуждали. Душа его была пуста. Срабатывал лишь естественный инстинкт пола, влекущий молодого мужчину к молодой женщине. Ему быстро всё это надоело, поскольку никаких серьёзных

намерений он не имел (в отличие от Ирины, порвавшей на этот период со своим, сосватанным ей родителями, женихом), а обманывать себя и не заслуживающую возможного позора девушку ему было противно.

«Слава Богу, — думал Виталий, — у меня хватило ума вовремя остановиться, сказать себе «нет» даже в ущерб своим мужским желаниям».

А желания, конечно, были. У кого их нет в возрасте познания жизни?..

Он вспомнил почти смешную (хотя ему тогда было совсем не до смеха!) сцену их первого с Ириной свидания «тет-а-тет» у него в доме. Родители были на работе и, воспользовавшись этим обстоятельством, Виталик пригласил Ирину «в гости». Она, дурочка, с радостью согласилась, и прямо из университета, сбежав с последней «пары», они на троллейбусе поехали к Виталику.

Дома, он усадил Ирочку на диван, включил музыку и, присев с ней рядом, стал жадно целовать её горячие мягкие губы. Они слились в объятии, страстно упиваясь столь новыми ещё для них ощущениями взаимной близости. Ирина откинулась на диванную подушку, как бы открывая парню простор для дальнейших действий, и он, слегка опьянённый запахом столь близкого женского тела, быстро расстегнул пуговицы на её беленькой блузке и трепетной рукой стал гладить открывшуюся пышную розовую грудь девушки.

Они задыхались от вожделения, почти не прерывая долгий и сладкий поцелуй, рука Виталия уже проникла под короткую юбочку, легко скользя по гладкой коже нежных девичьих бёдер... и вдруг раздался стук в дверь! Чертыхнувшись, Виталий резко отпрянул от Ирины, встал, слегка отдышался и, оправив сорочку, подошел к двери в прихожей.

— Кто? — спросил он чуть сдавленным голосом.

— Это я, Вит, — послышался за дверью голос его близкого друга Бепю.

— Я занят, что хочешь? — грубо прорычал Виталий.

— Открой, дело есть, я на минутку, — не отставал Бепю.

Скрепя сердце, Виталик открыл дверь и увидел нагло ухмылявшуюся физиономию своего закадычного друга Бепю, известного шутника и баламута.

— У тебя кто-то есть, да? — сладким голосом протянул он, — может, познакомишь?

— Ваи отсюда, придурок, пока я добрый, — уже теряя терпение, зашипел Виталик. — Давай, давай!

— Вот так теперь встречают своих кентов в лучших домах Лондона и Парижа! О, времена, о, нравы! — трагическим голосом провозгласил Бепю. — Дай хоть воды, братуха, жаждущему страннику.

Виталий быстро сходил на кухню и вынес другу стакан воды. Тот с жадностью выпил, утёр рукой губы и, подмигнув в сторону комнаты, где находилась Ирина, приторно-сладко пропел:

— Желаю вам счастья, голубки.

— Давай, Бепо, вали шустро, времени мало, скоро паханы с работы придут, — выталкивая приятеля за дверь, зло шептал Виталик. — Я выйду попозже, увидимся во дворе.

Закрыв дверь, он вернулся в комнату, упал на диван и без лишних слов заключил чуть встревоженную Ирину в свои объятия.

— Кто это был? — спросила она, с игривой улыбкой уклоняясь от его поцелуев.

— Да Бепо, мой дружок-сосед, дурака валяет, — весело усмехаясь, объяснил Виталий. — Видимо, видел, как мы пришли, вот и решил подшутить, как всегда.

Их губы, наконец, слились в жадном поцелуе, и прерванные так внезапно мгновения страсти накатили новой, ещё более жаркой и мучительно сладострастной волной. Виталий скинул сорочку. Их руки, будто сами по себе, блуждали по разгоряченным телам в поисках неизведанного... И тут вновь раздался настойчивый стук в дверь!

— Если это снова Бепо, я его замочу! — стервенея воскликнул Виталик и, накинув сорочку, бросился в прихожую.

— Кто там? — злобно рыкнул он и, не дожидаясь ответа, открыл дверь, подумав, что это, скорее всего, кто-нибудь из соседей. На пороге стоял Бепо и с весёлой усмешкой протягивал Виталию пару белых женских босоножек.

— Прими, братуха, а то твоя дама пойдет домой босая, как Золушка, и тебе будет стыдно.

Слегка обалдев от неожиданности, Виталик машинально протянул руку и тут только понял, что это босоножки Ирины, а прохвост Бепо просто незаметно прихватил их, покидая «уютное гнёздышко» влюбленных. Виталий кинулся на шутника, но тот, бросив обувь у порога, быстро удрал, оглашая подъезд диким хохотом.

«Идиот, козёл, придурок!», — Виталий был вне себя от бешенства и досады — как объяснить теперь Ирине, что этот наглый прохвост может ещё и ещё раз вернуться. Для Бепо, порой, вообще не существовало никаких правил и устоев — «борзый», одним словом, что с него возьмёшь?

В результате столь приятно начавшееся randevu с Ириной, конечно же, закончилось полным фиаско. Виталий проводил её, как ему показалось разочарованную и огорчённую, до троллейбусной остановки. Больше интимных встреч у них не было, хотя виделись они каждый день на лекциях в университетской аудитории. Всё закончилось тем, что Ирина вернулась к своему, видать, не очень обидчивому жениху, а он — к своим мечтам.

Но Ната, Ната — это совсем другое! Это как святой родник, к которому, даже испытывая мучительную жажду, боишься прикоснуться, чтобы не осквернить его искрящуюся чистоту. Хочется лишь, стоя перед ним на коленях, любоваться его прелестью, изредка и нежно прикасаясь трепетными губами к освежающей животворящей влаге, ощущать на лице его холодные, чуть обжигающие брызги и восхищаться этим божественным творением природы.

«Родник любви, родник чудесный...»

II

Утром, по-июньски солнечным и жарким, Виталий отправился на пляж, прихватив, тем не менее, учебник, хотя заботы о предстоящих экзаменах отодвинулись куда-то вдаль, перестав по-настоящему будоражить душу. В душе теперь жило нечто более значимое и дорогое.

Пляж турбазы находился совсем рядом — метров двести вдоль шоссе. Теплое искрящееся море плескалось уже по ту сторону трассы и возвышавшейся над ней насыпи железной дороги, проложенной уже по самому берегу моря. Обычно все ребята их района купались не на пляже, а на диком кусочке берега, заваленном огромными бетонными кубами, ограждающими насыпь железной дороги от морской волны. Из-за этих бетонных глыб, наваленных местами как попало и образующих своеобразные уступы, щели, лазы и вершины, место это у них называлось «скалы».

Местная молодежь проводила на «скалах», особенно летом, всё свободное время, загорая, дурачась в воде, цепляясь к редко попадающим на этот «дикий» кусочек пляжа приезжим девушкам. Сюда же порой в ночное время приводили «подружек» из отдыхающих, якобы с целью показать им самое романтическое место на побережье бухты и подышать ночным морским воздухом. Эти «экскурсии» в пустынном месте в ночное время, как правило, заканчивались любовными притязаниями «тида», который чаще всего добивался желаемого, поскольку ночью на «скалах» звать на помощь было бессмысленно. Впрочем, иногда романтическая идиллия пресекалась милицией или нарядом пограничников, время от времени наведовавшими в этот пустынный уголок городского побережья.

Пляж турбазы, как всегда в эту пору, был до отказа «завален» телами отдыхающих, лежащих, сидящих и стоящих чуть ли не впитык друг к другу. По различной степени загара можно было легко определить, как давно приехал тот или иной индивидуум. Чуть порозовевшие или обожённо-красные спины новичков соседствовали с покрытыми благо-

родной бронзой или шоколадной чернотой спинами уже «прожаренных» курортников. Местами среди сплошной массы полуобнаженных тел чернели пиджаки «гангстеров», сидящих на корточках возле загорающих особ женского пола.

«Идиоты! И как они не изжарятся в своих пиджаках на этом солнцепёке? — с усмешкой в очередной раз отметил про себя Виталий.

Он медленно шёл вдоль берега по бетонной дорожке, спрятанной в тени двухэтажных соляриев, высшихся на бетонных столбах вдоль турбазовского пляжа.

Пляж этот был хорошо благоустроен, со многими удобствами, включая кофейню, буфет, тир, прокат пляжных принадлежностей и настольных игр. Была поставлена даже телефонная будка, видимо, на случай вызова скорой помощи или милиции, поскольку отдыхающим, за редким исключением, в чужом городе звонить, конечно же, было некому. На лотках продавали мороженое и сигареты. Желающие могли взять напрокат лодку и, выйдя в море, глянуть на берег, зеленеющий пышным ожерельем пальм и кипарисов, с возвышающимися над ними вечнозелеными холмами близлежащих предгорий.

В общем, загорай, отдыхай, дорогой, наслаждайся прелестью жизни, будь здоров и счастлив! Из динамиков, развешанных где-то наверху, звучала популярная эстрадная музыка, время от времени прерываемая объявлениями о запрете заплывать за буйки и пользоваться надувными матрацами для купания.

В прибрежном морском пространстве, отгороженном плавучими красными бочками буйков, кишмя кишели взрослые и дети, плавающие, ныряющие и резвящиеся в тёплой, но освежающей воде. За буйками простиралось голубое, поблескивающее на солнце безбрежное пространство моря, которое изредка пересекали в разные стороны прогулочные катера, яхты и лодки. Пляж и море жили своей своеобразной, искрящейся, жаркой и беззаботной жизнью.

Виталий уже начал беспокоиться, не находя в толпе загорающих тех, кого он искал, и лишь дойдя почти до боковой ограды в конце пляжа, он заметил светлую головку Наты, сидевшей, опершись на руки, рядом с лежавшей на животе Людочкой. В этом конце пляжа народу было чуть меньше, загорающие здесь курортники располагались на более или менее приличном друг от друга расстоянии. Видимо, большинству отдыхающих было лень тащиться по жаре через весь пляж — принцип «в тесноте да не в обиде», столь привычный для наших советских людей, срабатывал и на отдыхе.

Нате же с Людочкой, как видно, совсем не нравилось лежать вприпрыжку с чьей-нибудь ногой, головой или задом, задыхаясь от взаимных испарений, и делать вид, что тебе всё равно, когда через тебя переступает пробирающийся к своему месту сосед.

Местные жители не выносили пляжной толкотни и поэтому относились к непритязательным в этом отношении курортникам с некоторой долей иронии и легкого презрения. «Дорвались!» — так и читалось в их взглядах, когда они изредка попадали на пляжи в урочное время. Местные предпочитали вечерние, более тихие часы или «дикие», не обустроенные участки побережья.

Однако не обустроенных и не закреплённых за каким-нибудь курортным учреждением пляжей становилось всё меньше и меньше, что вызывало у местных жителей вполне объяснимое раздражение: живёшь у моря, а искупаться уже негде, кругом ограды и заборы с вывесками, запрещающими «посторонним» входить и купаться. Узнавать, что ты «посторонний» у себя дома и не имеешь права искупаться, где тебе вздумается в море, к которому ты привык с детства, как к Богу данной и никому не принадлежащей субстанции, было не очень приятно.

Это сравнимо с тем, как если бы небо затянули брезентом для организованного (и, конечно, не бесплатного) осмотра, причем предпочтение отдавалось бы экскурсантам, прибывшим из далёких мест специально, чтобы глянуть за плату на небо в здешних краях. Местная публика, особенно молодёжь, злилась, переносила эту злость на всех приезжих, именуя их презрительно «залётными» и стараясь при каждом удобном случае показать, кто здесь всё-таки настоящий хозяин.

«Залётные» граждане чувствовали эту неприязнь и старались, особенно в городе, держать себя по возможности скромно и ненавязчиво. Зато пляжи были их заповедником, их «землёй обетованной», где можно было отдаваться беззаботному отдыху до предела. Для некоторых это безрассудное упоение солнцем и морем оборачивалось ужасными ожогами, после которых кожа лоскутами сползала с плеч, обнажая розовую, свежую поверхность для следующих ожогов.

Подходя к девушкам, Виталий заметил, что плечи Наты были ещё чуть красноваты. Зато кожа смуглянки Людочки уже обрела коричневый оттенок, хотя приехали они совсем недавно. Ната была в тёмно-синем раздельном купальнике, купальник Людочки пестрел разноцветными узорами.

Ната смотрела в сторону моря, и когда он подошёл и радостно поздоровался, она повернулась на его голос и, приподняв голову вверх, встретила взглядом с его сияющими от счастья глазами. Да, он был счастлив, он снова видел её, мог говорить с ней, ощущать рядом с собой тепло её тела. Ната, улыбнувшись, махнула ему рукой, приглашая присоединиться к их компании.

— А вот и наш Виталья, — раздался смешливый голос Людочки, приподнявшейся на локтях и одновременно задравшей одну ногу вверх в шутовом приветствии. — Как спалось? Головка после вчерашнего не «бо-бо»? — спросила она смеясь.

— С головой всё нормально, — в тон ей ответил Виталий. — А вы ещё не совсем зажились? Может, нырнём? — Он быстро стащил с себя футболку и джинсы, сверху на вещи бросил учебник.

— «Русская литература XIX века» — громко прочла Людочка. — Грызёшь гранит науки?

— Куда деваться, скоро экзамены. Это вы кайфуете на отдыхе.

— У Наты тоже вступительные в техникум на носу, а, Натуля? Ты что-то не очень усердно читаешь умные книжки. Бери пример с Витальки — век живи, век учишь.

— Поступлю так поступаю, нет, так чёрт с ним, забот меньше, — весело и равнодушно отозвалась Ната. — Я отдыхаю и прошу мне не надоедать всякой ерундой. Хоть раз в году можно забыть обо всём?

— Отдыхай, моя киска, загорай, купайся. Техникум не убежит. Тебя туда и без экзаменов возьмут. Придётся, обворожить преподавателей — и все дела! От такой студентки нигде не откажутся, — громко рассмеялась Людочка. — Ведь правда, Виталька? Нашу Натулю везде примут, чтоб потом иметь возможность ею любоваться.

— Тут ты права, Людочка, на все сто, — чуть глуховато произнёс Виталий. Его несколько покорило от этих слов Людочки, как бы рекламирующей красоту своей подружки. Он даже уловил в этом какой-то смутный, неприятный ему подтекст.

— Ну, так что, девочки, нырнём? — еще раз предложил он. — А то припекает, как на сковородке. Он взял Нату за руку и, потянув на себя, помог ей подняться.

— Людмила, догоняй, — крикнул Виталий и побежал, держа Нату за руку, в море. Они с разбегу врезались в прохладную солёную воду, подняв фонтан искрящихся брызг.

Виталий любил море, любил по-настоящему, относясь к нему как к почти живому существу. Он знал море разным, как разными бывают люди, и любил его во всех ипостасях, как любят родную душу, какой бы она ни была в тот или иной момент жизни.

Впервые он встретился с морем ещё не умеющим плавать мальчишкой, когда в Гаграх старший двоюродный брат решил научить его плавать самым простым и, на его взгляд, самым эффективным способом. Он просто затащил слегка перепуганного братишку подальше от берега и предоставил ему возможность самому выкарабкиваться, наблюдая со смехом поодаль за его мучениями. Виталька, наглотавшись солёной воды, одуревший от страха и охрипший от крика, весь в соплях, выбрался тогда всё-таки на берег своими силами, заливаясь слезами и посылая мальчишеские проклятия в адрес брата. Однако, несмотря на столь варварский способ обучения, он перестал бояться моря, как бы осознал в борьбе с ним и его свою сущность, проникся к морю суеверным уважением и огромной бесконечной любовью.

Потом он много раз купался с братьями и друзьями даже в штормовую погоду, обретая в этом опасном сражении с волнами особую мужественность и закалку духа. Он знал, что случается и такое, когда люди тонут, но в его голове не укладывалось, что это море, его любимое море вдруг утопит его как котёнка, а потом вышвырнет на берег, как мерзкую пададь. С годами, кроме чувства обожания и восхищения пришло и восприятие моря, как символа необузданной свободы, вечного полёта мечты и надежды.

Сейчас, когда рядом с ним в море плескалась Ната, Виталий ощущал морскую глубину, как пристанище его любви, сокрытое от глаз толпы, подаренное только им двоим. Они ныряли вместе и плыли под водой рядом, как две огромные прекрасные гибкие рыбины, чувствующие взаимную скрытую близость.

Хорошим пловцом Нату назвать было нельзя, но ему доставляло огромное удовольствие видеть её плавно уходящее в глубину стройное тело. Виталик нырял ей вслед и, догнав под водой, прикасался к её светлым волосам — волосам плывущей в морской пучине русалки. Иногда он уходил вглубь спиной вперёд, а она догоняла его, наплывая сверху вниз, и пытаясь дотянуться до него рукой. В один из таких моментов он сам схватил её руку и, сильно притянув к себе, поцеловал ее сомкнутые солёные губы. Они вынырнули вместе, и Виталий, в который уже раз, восхитился красотой её смеющегося лица, покрытого искрящимися бусинками морской воды.

Нате понравился этот неожиданный подводный поцелуй, а может, понравилась сама возможность целоваться сокрыто, находясь в то же время в многолюдном месте. Они проделали этот приятный для обоих фокус ещё несколько раз и, наловчившись как следует, продлевали свои солёные подводные поцелуи до тех пор, пока хватало дыхания. Нечего и говорить, что от такого купания Виталий был наверху блаженства.

— Вы что-то совсем занырялись, — озорно глянув на них, простибала Людочка, когда Ната и Виталий вышли на берег. — Смотрите, не захлебнитесь, рыбки.

— О чем ты говоришь, Людочка, — весело отшучивался Виталик, — я старый морской волк, а Ната оказалась прирожденной русалкой.

Учебник, конечно же, лежал без внимания. «Русская литература XIX века» отошла в сторону, благородно уступив место современной истории любви, беспечно расцветающей на солнечном морском берегу.

Расставаясь с девушками, Виталий, конечно же, договорился о встрече вечером, хотя определённых планов относительно того, как и чем развлечь подружек, у него не было. Главная проблема была в отсутствии денег, а без денег и планировать нечего. Впрочем, до вечера была еще уйма времени, и он надеялся что-нибудь придумать.

На самый крайний случай, конечно, можно попросить кое-что у мамы, но тут неизбежны объяснения, которых он пока не желал. Мама,

безусловно, считала, что учёба, университет — прежде всего. Не получившая в своё время достойного образования и проработавшая всю жизнь простым, но хорошим поваром, мама мечтала увидеть единственного сына высокообразованным человеком с дипломом. Ради этого она шла на многие материальные жертвы, когда нанимала ему репетиторов английского языка в десятом классе и в период подготовки к вступительным экзаменам, когда отпустила его поступать в Горьковский институт иностранных языков, откуда Виталий махнул в Москву и, не добрав на вступительных экзаменах один балл, не прошёл по конкурсу в знаменитый Иняз им. Мориса Тореза.

Все эти репетиторы, переезды, частные квартиры в чужих городах сильно подрывали бюджет семьи, и что самое обидное, Виталий вернулся домой, не оправдав материнских надежд и материальных затрат.

На следующий год он, правда, успешно и без всяких репетиторов поступил на филфак местного университета, но до сих пор испытывал чувство неловкости по отношению к родителям, и особенно к маме, вспоминая свою неудачную первую попытку стать студентом московского, престижного, но столь дорого стоившего его матери, института.

Поэтому просить у мамы денег на «девочек», когда на носу сессия, и мама только о ней и говорит, было, по меньшей мере, бестактно и глупо.

Для начала Виталий решил заглянуть к своему соседу и другу детства Киту. На самом деле его звали Борисом, но прозвище Кит прочно закрепилось за ним с детства, когда Борька был толстым увальнем, постоянно и не в меру объедавшимся разными сладостями.

Они жили в одном доме, учились в одном университете, правда, Кит слушал лекции на биофаке. Его отец был известным в их городе ученым-ботаником, доктором наук и, видимо, считал, что его любимый сын должен изучать и развивать любимую науку, продолжая дело отца. Кит, однако, не выказывал, особого рвения в науках, чем несказанно оскорблял лучшие чувства своего отца, постоянно ругавшего его за лень.

Поднявшись на второй этаж, Виталий позвонил в квартиру Кита. Дверь открыла его мать, тетя Жанна, небольшая, сухонькая, рано постаревшая женщина.

— Здравствуйте, тетя Жанна. А Боря дома?

— Заходи, Виталик, он в лоджии.

Виталий прошёл через маленькую кухню в лоджию, где на старом широком продавленном диване лежал, задрав ноги на боковую спинку, Кит и читал книгу.

— Здорово, Вит, ты где пропал? — откладывая книгу в сторону и садясь с ногами на диван, приветствовал его Борька.

— Да так, дела разные, — ответил Виталий, пожимая протянутую Китом руку, и падая рядом с ним в продавленное ложе дивана.

— Что-то морда у тебя красная? На пляже, что ли, был? — с усмешкой разглядывая Виталия, спросил Кит.

— Ага.

— Ну, ты даёшь! Что это тебя занесло в такую жару? «Гангстером», что ли, решил заделаться? — смеясь, продолжал Кит свой допрос.

Насмешки и подначки были в манере Кита, поэтому Виталий, знавший друга уже много лет, не обращал внимания на его шуточки.

— Было одно дельце, — коротко бросил он, специально желая не много помучить жадного до различных приключений друга.

— Ну, ладно, не тяни, выкладывай, — не унимался Кит, для верности слегка ударив друга в плечо.

— Томаз познакомил меня вчера с двумя девочками из Москвы, а сегодня я продолжил наше знакомство на пляже. Вот и поджарился чуток.

— И хорошие девочки? — спросил, улыбаясь и чуть не облизываясь, Кит. Он был уже опытным специалистом в амурных делах, удачно используя свою лёгкую контактность, умение трещать языком и чуть показную наглость. Его заметный рост, приятная кавказская внешность, украшением которой была богатая шевелюра густых жёстких чёрных волос, производили на приезжих девушек сногшибательное впечатление, которым Кит и не упускал случая воспользоваться при благоприятных обстоятельствах.

— Блондиночка просто прелесть, и я, кажется, втюрился, как никогда. Вторая — черненькая и вертявая, как обезьянка. Мы были вчера вчетвером в кабаке, но Томаз неожиданно отвалил, оставив меня с обеими, — кратко изложил Виталий суть дела.

— Томаза «бортуют», перебьётся, — безапелляционно заявил Кит.

— Я договорился с ними о встрече вечером, но денег ни гроша, и куда их вести — не знаю. У тебя как с монетой? — Виталий с надеждой глянул на друга.

— Не бойсь, что-нибудь придумаем. Будет вам и белка, будет и свисток, там, где было мелко, станет глубоко...

Было видно, что Кит уже загорелся предстоящим приключением. Это была его стихия, его романтика и вдохновение. Виталий уже почти не сомневался, что Кит обязательно найдет необходимую сумму, а там будет видно, куда поведи москвичек.

— Когда пойдешь на «стрелку», свистни, я буду ждать, — на прощание сказал Кит. — Но ты тоже что-нибудь попустири, лады?

— Лады, — ответил Виталий, спускаясь к себе на первый этаж.

Его семья жила в полуподвальном помещении их дома, переоборудованном родителями под вполне приличную однокомнатную квартиру со всеми удобствами. С жильём в городе, как и везде, было туго. Они очень долго «скиталась», как говорила мама, по частным квартирам,

выплачивая хозяевам огромные деньги, и этот полуподвальчик оказался спасительным и вполне комфортабельным пристанищем в ожидании квартиры, которую уже много лет обещали маме на её работе.

Заставленная необходимой, без излишеств, мебелью, квартирка была, конечно, тесновата. Но благодаря природной хозяйственности его матери, поддерживавшей в доме идеальный порядок, и это скромное жилище выглядело по-домашнему уютно.

У них никогда не было настоящей квартиры, и Виталий, привыкший к небольшим комнатам, где всё под рукой, любил свой уютный и, главное, тёплый зимой подвальчик со старым диваном, громоздким зеркальным шкафом, стареньким трюмо и сервантом, набитым недорогой посудой.

В углу у окна стоял его письменный стол, его Мекка и Alma Mater, заваленный книгами и тетрадями, в которых конспекты лекций перемежались с поэтическими опытами и бесконечным множеством различных, набросанных одним росчерком пера, рисунков мужских и женских лиц. Виталий имел привычку машинально рисовать разнообразные лица и рожицы, когда обдумывал что-либо или просто скучал на лекции.

Над письменным столом висела репродукция портрета Маяковского, изъятая им из журнала «Огонек», а также нарисованная им самим в черно-белой технике физиономия какого-то длинноволосого рок-солиста, широко разевающего рот перед микрофоном.

Вся их дружеская дворовая компания увлекалась западной рок-музыкой, частенько устраивая на дому у кого-нибудь из друзей, имеющего хоть какую-то аппаратуру, «балдёжные» дни и вечера. Курнув по кругу специально припасённый для этого «косячок», который где-то порой добывал ушлый Кит, они вдохновенно, в полной отключке разваливаясь в креслах и на диване, слушали мощные ритмичные композиции любимых групп — «Дип пёпл», «Роллинг стоунз», «Лэд зепелин», «Блэк саббат», записи гитариста-виртуоза Джимми Хендрикса. Ну и, само собой, музыка «Битлз» была вне конкуренции.

Одно время, ещё учась в старших классах школы, они даже пробовали играть сами и сколотили «домашний» вариант рок-группы. Виталик стучал на старом, неизвестно где добытом, барабане, а иногда исполнял две-три сольные песни на английском языке, в основном, из репертуара «Битлз» и группы «Уингз», созданной Полом Маккартни после распада битлов. Пару раз они выступили на школьных вечерах, но по окончании школы их квартет распался сам собой. Любовь же к рок-музыке и вообще к хорошей эстраде осталась навсегда.

Виталий, как и многие из его друзей и знакомых ребят, следил за новинками в мире поп- и рок-музыки, собирал, по возможности, диски. Магнитофона, к сожалению, пока не было. Вот и сейчас, придя домой, он первым делом поставил на проигрыватель диск Тома Джонса. Голос и манера исполнения этого английского певца очень нравились

Виталию, особенно он восхищался битловской вещью «Yesterday» в исполнении Джонса, пытаясь даже в меру сил подражать ему в своих вокальных опытах. Правда, пел он, в основном, в ванной, где звук голоса хорошо резонировал в небольшом помещении и где, как ему казалось, его пение никого не смущает. Иногда, в отсутствие родителей, «врубив» проигрыватель на полную мощь, он орал Yesterday в полный голос, подпевая мощному баритону Тома Джонса.

Родители были на работе. Наскоро перекусив «чем Бог послал», он стал готовиться к предстоящему свиданию. Негромко подпевая Джонсу, голос которого лился из динамика проигрывателя, Виталий включил утюг и разложил на столе свои выходные брюки, пошитые по последней моде — клёш от бедра. Через десять минут брюки были готовы, обретя свою престижную «бритвенную» стрелочку. Он придирчиво осмотрел воротник белого фирменного гиппорового «батника», купленного по случаю с рук. Степень чистоты воротничка сорочки была ещё, к счастью, вполне удовлетворительной. Пройдясь щёткой по модным выходным туфлям на «платформе», он закончил «наводить марафет» и уселся на диван передохнуть.

Представляя себя во всём этом модном облачении рядом с очаровательной Натой, Виталий заранее ощущал в груди приятный холодок лёгкого волнения и «иголки» покалывающего душу горделивого тщеславия. Пройтись по их курортному городу с такой девушкой, как Ната, когда на тебя, а в основном, как водится, на неё, будут пялиться все встречные мужчины, было, конечно, престижно, но и волнительно, поскольку реакция у местного мужского населения на хороших «девочек» бывала, порой, не всегда, мягко говоря, корректной.

Впрочем, Виталик никогда не был трусливым «додиком» и, если ставляли обстоятельства, не боялся использовать кулаки в качестве последнего аргумента. Однако, в отличие от некоторых его друзей, он не любил бестолковых заварушек и демонстрации боевого задора «ради фасона». Особенно ему претило, когда кто-нибудь из местных парней специально задирает одинокого приезжего, только ради того, чтобы позакатать «залётному» его место в этих краях.

Порой, став неожиданно свидетелем подобных сцен, Виталий ужасно злился и на себя, и на своего земляка, но особенно на себя, потому что повлиять на ход событий было практически невозможно. Защищать одинокого и, зачастую, ни в чём не повинного «залётного» означало поставить себя в положение изгоя в среде своих же друзей и знакомых. Ужасно мучаясь и проклиная себя в душе, он старался избегать подобных ситуаций, делал вид, что его это не касается, хотя и чувствовал себя при этом последним подлецом.

Увлёкшись своими мыслями, он не заметил, как пришла мама, принесла с собой приятный запах своего столь необходимого людям ремесла. От мамы всегда вкусно пахло аппетитными ароматами хорошей кухни.

— Здравствуй, мамуля, — обнимая и целуя мать в щеку, он ещё сильнее ощутил такой знакомый и родной с детства «вкусный» мамин запах, — устала, моя «вкусенькая»?

Виталий любил иногда «посюсюкать», как в детстве, называя мать различными уменьшительно-ласкательными словами, и знал, что ей это доставляет не меньшее, если не большее, удовольствие, чем ему. Он был её единственным и очень трудно доставшемся ребёнком, который появился на свет только с помощью кесарева сечения, слабым и болезненным, особенно в раннем младенчестве.

Вспоминая то, что она пережила в ту далёкую зиму его рождения, борясь с его болезнями в маленькой комнатухе огромной коммунальной квартиры, где кроме бабушки (матери отца) и их троих, жили ещё и две младшие сестры отца, мама всплескивала руками и, делая круглые глаза, говорила: «Тихий ужас». Это словосочетание всегда казалось Виталию каким-то противоестественным и поэтому особенно впечатляющим: «тихий ужас» — ужас в тишине или ужас от тишины одиночества, потерянности, отсутствия возможности позвать на помощь?

Мама, родившаяся в большой семье зажиточных абхазских крестьян в богатом южном крае, была ужасно одинока там, в далёком чужом северном городе, куда занесла её жестокая судьба, где она встретила отца, уроженца того беломорского края, и где родился он — её единственный сын, её солнце, её жизнь, её надежда и счастье. Сын был для неё всем, и, понимая это, он отвечал ей взаимной нежностью и естественным чувством бесконечной и преданной любви.

— Ты занимался, сынок? — спросила мама, присаживаясь на стул, — когда у тебя первый экзамен?

— В следующую среду. Не волнуйся, мамульчик, всё будет о`кей, — беспечно ответил Виктор, — ты же знаешь, я у тебя молодец.

— Смотри у меня, — с шутилой строгостью, улыбаясь, сказала мама и, заметив в следующий момент лежащие на кровати отглаженные брючки, с удивлением подняв брови, спросила:

— Ты куда собрался, на ночь глядя?

— Да так, решил прогуляться с ребятами. Может, в кино сходим. Надо же и мозги проветрить иногда. Кстати, ты не могла бы мне немножко подбросить, — делая просящую мину и улыбаясь во весь рот, отбарабанил Виталик, — а то у меня ноль целых, ноль десятых.

— Вот получишь стипендию и гуляй, — делая вид, что не замечает его просящего взгляда, ответила мама. — И так вы с отцом вечно меня грабите. Ему на сигареты, тебе на сигареты и на кино ещё, разорители, — с напускным возмущением говорила она, вынимая, тем не менее, маленький кошелечек, который хранила в потаённом месте в районе подмышки.

— Сколько тебе? — копаясь в кошелёчке, спросила мама.

— Рублей пять устроит, — твёрдо заявил Виталий, заранее зная, что названная сумма вызовет бурю протеста и поток возмущенного маминского красноречия. Так оно и вышло:

— Ты с ума сошёл?! Пять рублей! Зачем тебе столько в кино? Со всем хочешь меня разорить! Нет, с вами никогда денег не сэкономим!

Виталий, опустив глаза долу, молча выслушивал продолжительную мамину тираду, зная, что пререкаться с ней в этот момент — это погубить всё дело. Используя редкие паузы, он лишь успевал вставлять: «Ну, ладно, мамульчик...», «Ну, чего ты...», «Ну, будь другом...» и прочую бессмыслицу, зная, что выговорившись, она даст денег, как давала и раньше.

Вынув, наконец, из кошелька мятую пятёрку, она с возмущением бросила её в сторону Виталия, продолжая возмущаться, но уже постепенно утихая. Он подхватил с пола купюру, подскочил к ней и стал обнимать и целовать её, отбивающуюся от него руками.

— Отстань, грабитель. Не люблю тебя. Ты тоже, как отец, меня вечно разоряешь, — уже из последних сил, с обидой в голосе, но уже улыбаясь, бормотала она.

— Мамульчик, ты у меня самый золотой! — восторженно восклицал Виталик, пытаясь её всё же поцеловать.

— Отвяжись, бессовестный! — отмахиваясь от его поцелуев и уже окончательно остыв, но всё ещё с ноткой напускного возмущения, восклицала мама. — Отцу не говори, а то будет зудеть.

С отцом отношения были натянутые... Любитель выпить, он частенько заявлялся домой пьяный, пропивая иногда с друзьями большую часть получки. Мама, конечно, ругала его «на чём свет стоит», не понимая, что пьяному всё равно вдолбить ничего невозможно. Отец тоже начинал огрызаться, приводил свои наглые пьяные доводы, чем ещё больше заводил маму, и дело, как правило, заканчивалось очередным шумным скандалом.

Виталий всегда держал сторону матери, не позволяя пьяному отцу особенно разгуляться. Иногда ему удавалось их утихомирить и развести по углам, но бывало, что и приходилось применять грубую мужскую силу, укрощая взбеленившегося папашу. В такие моменты, он просто заваливал отца на диван и, крепко прижав, держал до тех пор, пока тот не уставал трепыхаться, истратив на попытки освободиться из молодых крепких рук сына всю свою злость. После такого «туше» отец, как правило, засыпал, оглашая комнату пьяным храпом.

Эти семейные передражки сильно действовали на нервы, возбуждая злость, а порой и ненависть при виде пьяного в очередной раз отца. Виталию было тошно от мысли, что его отец ходит по городу в пьяном виде, вызывая насмешки и упрёки знакомых и незнакомых жителей их городка.

В южном крае, живущем по кавказским обычаям и традициям, включающим и веками укоренившийся особый кодекс застолья со своей строгой культурой употребления спиртного, вид шатающегося по улицам пьяного мужика оскорблял лучшие чувства почти каждого мужчины, вызывая презрение и оскорбительное снисхождение, как к несчастному уроду.

Пить здесь умеют, как нигде, и за традиционно многолюдными столами, собранными по случаю радостных или печальных событий, выпивается огромное количество вина, но показать окружающим, что ты сильно пьян, считается оскорблением мужского достоинства. Поэтому «не стесняющиеся» пьяницы, к числу которых, к сожалению, принадлежал и отец Виталия, были редкостью на улицах их городка.

В прошлом, когда они жили в старинном северном портовом городе Архангельске, отец работал механиком-судоводителем на пассажирских теплоходах, курсирующих летом по Северной Двине. Зимой река была скована льдом, и весь речной флот вставал на профилактический ремонт. «Ты же помнишь тамошние морозы, Виталька, — рассказывал, как бы в своё оправдание, отец. — А попробуй-ка в двадцатиградусный мороз отремонтировать механизмы теплохода — гаечный ключ к рукам примерзает моментально. Ну, мужики, конечно, первым делом — «по стакану», в обед — второй стакан, а после смены уж и сам Бог велел согреться. А организм, сам понимаешь, постепенно привыкает к допингу».

То, что отец родился в суровых беломорских краях и воспитывался в другой среде, где пьянство было и есть всеобщим пороком, поскольку, по утверждению отца, на севере, особенно зимой, невозможно работать, не согревшись стаканом водки, несколько оправдывало его поведение, но Виталию от этого было не легче. Он понимал и видел, что репутация их честной работающей семьи сильно страдает из-за пагубного пристрастия отца к спиртному. Однако «переделать» его уже было невозможно, да и сам отец не собирался изменять своим привычкам, упрямо утверждая, особенно находясь во хмелю, что он пьёт на свои, честно заработанные деньги, а не как другие, кайфующие в кабаках на ворованные.

— Я работаю с тринадцати лет, я в войну кожуру от картошки жрал, я честный рабочий человек, — орал он, порой, в пьяном угаре в ответ на упрёки матери, попутно упрекая «балбеса сына», который до сих пор сидит у него на шее, болтаясь без толку с книжками, вместо того, чтобы зарабатывать себе на хлеб, как он, честным трудом.

— Дурак ты, — кричала ему в ответ мама, — он учится и, я надеюсь, не будет таким идиотом, как ты, пьяница несчастный!

Впрочем, отец, если бы не пил, имел бы и уважение, и авторитет — руки у него были действительно «золотые-мастеровые», умеющие и

слесарить, и столярить, и сапожничать, и ремонтировать различные механизмы. Сколько Виталик его помнил, отец всегда возился с разными железяками и инструментами, забывая своим, как выражалась мама, «железным хламом» все углы и ящики.

Знакомые и соседи частенько приглашали отца что-нибудь отремонтировать, подправить, починить. Он никому не отказывал, но, зная, что настоящие мастеровые люди здесь в дефиците, требовал определённого вознаграждения, которое ему и выдавалось чаще всего в виде бутылки «чачи» — домашней виноградной водки, либо трёхлитровой банки деревенского «домашнего» вина. Заработанные подобной «халтурой» деньги также шли, в основном, на «пропой души», и, само собой, вносили в дом лишний раздор и смятение.

Однажды Виталий спросил отца, находившегося в тот момент в хорошем настроении, как это он умудряется так сильно напиться всего на один рубль, который мама выдавала ему «на обед», когда он уходил в свою котельную на суточную смену.

— Всё очень просто, Виталька, — чуть ироничным тоном объяснил отец. — После смены я на троллейбусе доезжаю до маленького рынка у Красного моста. Рубль я, конечно, на работе не трачу — к нам в котельную частенько заглядывают разные знакомые и приятели, и без угощения никто не приходит. Короче, перекусить там всегда есть чем. Так вот, на маленьком рынке я за пятьдесят копеек беру и выпиваю сто граммов хорошей чачи — градусов 50-60, не меньше, и топаю дальше домой. В нашем гастрономе продают на разлив, как ты сам знаешь, не только сок и воду, но и портвейн. стакан портвейна стоит двадцать копеек, пачка «Примы» — четырнадцать копеек, у меня еще и сдача с рубля остается, сынок. Ну, конечно, чача с портвейном, да еще, считай, на голодный желудок — это крутой «коктейль», бьет «по шарам», дай боже. Вот и приползаю, порой, после смены «на бровях»...

В общем, благодаря отцу в доме Виталия частенько было беспокойно, но, как известно, отцов, как и матерей, мы не выбираем.

III

— Ну, ты прикинулся, Вит! — усмехаясь воскликнул Кит, когда они, как и договорились, встретились во дворе у дома. — Прямо жених, а?

— Иди к чёрту, нельзя один раз нормально одеться, что ли? — отмахнувшись с напускным равнодушием, ответил Виталий. — Джинсы эти уже надоели, не вылезаем из них месяцами.

— Ну, ладно, ладно, иногда можно повыпендриваться, — согласился Кит, — куда идем?

— «Стрелканёмся» с ними у турбазы в половине восьмого, а там надо подумать. У меня всего пятерка с мелочью.

— У меня тоже кое-что есть, так что, думаю, можно заглянуть в кафешку, побаловать девочек сухоньким винцом.

Они медленно зашагали в сторону турбазы. Было уже темновато, загорались фонари, разноцветные неоновые вывески магазинов и прочих заведений. По шоссе, как обычно, неслись разномастные автомобили, стремительными бликами отражая на глянцево-полированных кузовах огни фонарей и рекламы. В медленно, но неотвратно и быстро чернеющем небе зажигались искорки звёзд. Вставала в просветах между деревьями круглая бледно-жёлтая луна. Навстречу им стали попадаться парочки и группы отдыхающих, совершающих вечерний моцион, встречались и знакомые соседи, живущие в их районе. Время от времени мимо «проплывал» какой-нибудь местный «дон жуан», вдохновенно ведущий очередную задуманную беседу «за жизнь» с очередной, «плывущей» рядом, пассией.

Кит, как обычно, не пропускал ни одной попадавшейся на их пути парочки, чтобы не отпустить в их адрес очередную пошлую шуточку. Особенно он изощрялся в насмешках, приметив местного волокиту с подружкой. Тут доставалось им обоим, но, на их счастье, они не слышали «комплиментов» в свой адрес.

Виталик порой задыхался от смеха, услышав очередную пикантную остроту Кита, выданную с серьёзной саркастической миной, состроенной на презрительно мефистофельском лице. Он был в своём амплуа, вызывая отличное настроение с некоторой, присущей ему, вальяжностью. Виталий же нёс в себе предвкушение предстоящей встречи с Натой, ожидание счастливых и радостных мгновений любви.

Стеклянная кафешка, куда они привели девушек по совету Кита, была расположена рядом с небольшим железнодорожным вокзальчиком местного значения, построенным в стиле классицизма сталинской эпохи — колонны, портик, но всё в миниатюре. Поезда дальнего следования здесь не останавливались, предоставив эту возможность электричкам, бегающим вдоль Черноморского побережья от одного небольшого приморского городка до другого. Вокзальчик жил поэтому своей тихой немногочисленной провинциальной жизнью, уютно вписываясь в черту города некой достопримечательностью вполне цивилизованного, но спокойного острова в многолюдной в эту пору курортной столице.

Под стать породившему её вокзальчику, кафешка тоже была немногочисленная, простенькая, но со всем присущим заведениям подобного рода набором яств и напитков. Кит, на правах хозяина, принимающего очаровательных московских гостей (роль эта ему нравилась, и он исполнял её вдохновенно), заказал всем по шашлыку, зелень, сыр, немного овощей, ну и, конечно, красное сухое вино, без которого не обходится ни одно кавказское застолье.

Всё было хоть и скромно, исходя из скудных финансовых возможностей кавалеров-студентов, но вполне в рамках традиционных правил застольного этикета, негласно принятых в этих гостеприимных кавказских краях.

Кит очаровывал Людочку, завораживая её своим не иссякающим красноречием, сдобренным различными шуточками и греховными намеками, предлагал многочисленные тосты, содержание которых всё больше и больше склонялось в сторону любовно-романтической тематики. Кит, что называется, «брал быка за рога», почти не скрывая своих намерений в отношении Людочки, которая, казалось, ничуть этим не смущалась и отвечала ему ещё более острыми шуточками в том же роде.

Виталий молчал, изредка вставляя ничего не значащие слова в шутившую пикировку Кита и Людочки. Он просто таял от счастья находиться рядом с Натой, не зная, как и большинство влюблённых, о чем тут ещё надо говорить: — ОНА здесь, рядом с тобой и можно бесконечно смотреть на неё горящими от ощущения полного счастья и блаженства глазами, вдыхать аромат её духов, изредка прикасаться к руке с суеверным чувством приобщения к трепетно-святому и возвышенному идеалу.

Ната весело реагировала на взаимные подначки и шуточки Кита и Людочки, заливаясь время от времени звонким смехом. Ловя столь откровенные взоры Виталия и ощущая его особое к ней отношение, она отвечала ему улыбкой, поглядывая немного как бы изучающим, слегка недоверчивым взглядом, с чуть уловимой насмешинкой, искрящейся откуда-то из глубины золотисто-карих глаз.

— Ну что, не пора ли нам прогуляться в сторону моря, подышать ночным морским воздухом, который так же опьяняет и одновременно бодрит, как и это чёрное вино? — бравурно провозгласил Кит последний тост. — Желающие могут позагорать в лунном свете, который, в отличие от солнечного, проникает в самую душу, оставляя в ней неизгладимый, и, главное, несмываемый «загар» горячих чувств и впечатлений.

— А нас не арестуют бдительные пограничники, чтоб увести в свои мрачные казармы? — смеясь, спросила Людочка. — Вдруг они нас похитят у вас, у них ведь оружие, и мы ужасно их боимся, правда, Натуля?

— Людочка, дорогая, разве ты не знаешь, что главное оружие мужчины — не автомат, а его доблесть, особенно, когда он рядом со своей прекрасной дамой, которая может вдохновить его на самые бесстрашные подвиги, — как всегда, чуть напыщенно и горделиво, с улыбкой на лице, заявил Кит. — Мы вас никаким пограничникам не отдадим, можете не волноваться, потому что вы нам дороги, как наши прекрасные гости, ну, и как очаровательные наши подруги. Я думаю, этот скромный стол в достаточной степени подружил нас, если не сказать большего, — Кит скосил глаза на Виталия и Нату, расплываясь в широчайшей улыбке.

Ната улыбнулась на его слова сдержанной улыбкой, Виталик коротко зыркнул, слегка нахмурившись.

— Ну, тогда я не против, — прощепетала Людочка, — а ты как, Натуля?

— А я не хочу, — чуть капризно пропела Ната.

— Ну, почему? — с просящей ноткой в голосе спросил Виталий, беря её за руку.

— Не хочу и всё, — отнимая руку, более твердо повторила Ната.

Виталия несколько обидело это её нежелание согласиться с уже, вроде бы всеми, принятым решением. Сейчас, после столь приятного, уединённого и как-то сблизившего их застолья, когда ему, как никогда, хотелось остаться с ней наедине, вдруг идти в шумные многолюдные места, где на них все будут пялиться, где нельзя дать волю своим рвущимся наружу, готовым выплеснуться чувствам, ему было, как нож по сердцу.

Он не имел в отношении Наты никаких «интимных» планов, но о нескольких божественных поцелуях, вспоминая единственный вчерашний, он вправе был помечтать. И пустынный берег ночного моря был для этого почти идеальным местом, особенно если повезёт не нарваться на пограничников или представителей других суровых учреждений, смотрящих на подобную романтику строгим оком закона и норм общественного порядка. Сидеть на лавочке в каком-нибудь парке, густо заросшем экзотической зеленью, было бы может и приятней и как бы эстетичней, но, учитывая неусыпный контроль блюстителей порядка и нравственности именно за этими городскими райскими кущами, так и влекущими сонмы «ев и адамов» в свои тенистые уголки, спокойно там себя чувствовать не будешь.

Не обращая внимания на полушутливые уговоры Людочки и Кита, на просящие взгляды и междометия Виталия, Ната заявила, что хочет туда, где музыка, где танцуют, где весело. Поняв, что уговорить её посетить ночной пляж не удастся, друзья решили «проскочить» на турбазу, где как раз начинался ежевечерний танцевальный вечер на открытой танцплощадке.

«Проскочить» предстояло Виталику с Китом, который, и Вит знал это, к танцам был абсолютно равнодушен, предпочитая общаться с дамой в более уединённых, хоть и не всегда комфортабельных, местах. Но делать было нечего, и компания, заскочив в почти пустой троллейбус, покатила в сторону «весёлой» турбазы.

Ехать было совсем недолго, поскольку их уютный городок, при наличии любого транспорта, не отнимал много времени для перемещения из одного его уголка в другой. Хуже было, когда с транспортом случались проблемы, а они, к сожалению, случались, что сразу же лишало душевного равновесия местных жителей, привыкших тратить от 5 до 15 минут, чтобы добраться до места назначения. Переполненные в курортный

сезон троллейбусы, автобусы и такси также не улучшали общего психологического настроения горожан, вызывая нервное раздражение, направленное почему-то не в адрес городских властей и служб, которые, как и везде, «должны были обеспечить», а на всё тех же курортников, задыхающихся и истекающих потом в переполненном и знойно-раскалённом общественном транспорте рядом с местными гражданами.

С критикой «в адрес...» в их городке вообще было очень скромно, если не сказать, что никак. Все граждане города как будто давно привыкли к тому, что, как оно есть, так и должно быть и будет всегда, не утруждая себя волнующими обсуждениями и вопросами в духе: «а кто виноват?», высказываниями мнений, которые если и были, особого значения всё равно не имели. Все жили как бы сговорившись, что жизнь такова, какова она есть, и ничего другого тут не придумаешь. Так нечего и голову ломать и болтать без толку, когда надо просто найти в этой жизни своё, по возможности, тёплое местечко и жить себе, радуясь тому, что Бог послал.

Бог, конечно, посылал всем по-разному и разными, надо полагать, каналами и путями, но и тут всех как бы объединяла мысль, что жить умеет тот, кто умеет. А учиться этому никогда и никому не возбраняется, если есть, конечно, способности и кое-какие связи. И все стремились учиться, искать, находить и иметь. Пусть немного, но больше, чем просто за труд. У некоторых получалось много и даже очень много, что не являлось большим секретом для сограждан, а было, в какой-то степени, неким манящим к высотам благ стимулом, сверкающей золотым блеском удачи путеводной звездой.

Поэтому в среде горожан с особым жаром и вниманием воспринимались и обсуждались, в основном, новости: «кто-что», «кто-где», «кто-сколько», «кто-как», «кто-с кем», «кто-кого» и т. д. и т. п., заслоняя собой вопросы: «почему?», «за что?», «когда же?», «куда смотрят?», «что делать?», висящие как бы за пределами конкретной, живой и реальной действительности.

Троллейбус, прошипев дверь, выпустил ищущую веселья компанию у ворот турбазы. Ната с Людочкой вошли на территорию через проходную, договорившись встретиться с «мальчиками» на танцплощадке. А «мальчикам» предстоял «штурм» турбазовской сетки, которая для остротки любителей «нелегальных» развлечений была местами вымазана мазутом. Надо было найти более или менее чистое местечко на этой сетке, в более или менее тёмном уголке ограды.

Везучий на такие дела Кит довольно быстро обнаружил за кустами, растущими у самой сетки, довольно широкий лаз. Край сетки был кем-то уже сорван с крепежного столба и, отгибаясь под нажимом рук, представлял прекрасную возможность проникнуть на желанную запретную территорию. Пройдя, в целях осторожности, менее освещёнными путями и дорожками, друзья вскоре оказались у танцплощадки, где было

многолюдно и можно было не бояться, что тебя приметят дежурные.

Виталий этого, впрочем, совсем не боялся, поскольку обладал вполне русской европейской внешностью, не выделяющей его из общей массы отдыхающих. Однако, чёрная густая шевелюра Кита, его приятная, но, безусловно, кавказская внешность, могли привлечь внимание не только какой-нибудь легкомысленной блондинки, но и дежурного с повязкой.

Не искушая судьбу, Кит, подхватив Людочку под руку, сразу же увлёк её на длинную узкую скамейку, окружающую танцплощадку по всему периметру. Звучали разнообразные популярные мелодии и песни, исполняемые турбазовским эстрадным оркестром задорно, шумно и чуть по-кабацки — вульгарно. Но высокого искусства тут от музыкантов никто и не требовал, а «попрыгать», если есть настроение, можно, как известно, и под аккомпанемент самого скромного уровня.

Ната увлекла Виталия на танцплощадку, где они танцевали все танцы подряд. Время от времени, вырываясь из пут красноречия Кита, к ним присоединялась и Людочка, чтобы весело попрыгать в модном «шейке» среди ритмично дрыгающейся толпы танцующих. Когда начинала звучать медленная мелодия «для двоих», танцплощадка заметно пустела, предоставляя хоть какой-то простор движениям плавно танцующих в обнимку мужчин и женщин.

Прижав к себе Нату, Виталий плыл с ней в волнах музыки, улетаая мыслями в призрачные восхитительные грёзы. Иногда он нежно касался губами её шеи, что доставляло ему огромное наслаждение, и вызывало у Наты лёгкий смех, как от щекотки. Уловив его движение, она, смеясь, вдруг склоняла голову набок, закрывая одну сторону шеи, но парень, быстро среагировав на этот манёвр, успевал поцеловать ароматную нежную кожу под маленьким розовым ушком, вызывая ещё более весёлый смех девушки.

Они увлеклись танцами, не замечая окружающих. Виталий уже не жалел, что оказался на шумной танцплощадке, целиком отдавшись радости общения с любимой девушкой. Каждое мгновение, проведённое с Натой, казалось, добавляло в «чашу» его души, до краёв наполненной сладостным нектаром любви, лишнюю каплю счастья. Всё более свыкаясь с этим восхитительным чувством, Виталий ощущал растущее неутолимое желание обнимать и целовать эту прекрасную, любимую им девушку, которая, видимо, угадывая эти желания, держала его слегка на расстоянии, одновременно и поощряя, и останавливая притязания парня шутливым и озорным поведением.

Эта игра сводила Виталия с ума, застилая разум и заставляя сердце трепетать от восхищения и любви.

— Привет, Вит, — раздался вдруг за спиной Виталия знакомый голос. Обернувшись, он увидел улыбающуюся и как всегда нагловатую физиономию Бепю.

— Здорово, Бепо, — повернувшись в танце к нему лицом и расположив, тем самым, Нату спиной, ответил Виталик, — ты как здесь?

— Да вот, заглянул посмотреть, как люди танцуют, и вдруг вижу — знакомая личность кружится в обнимку с такой очаровательной девочкой. Познакомь, Вит.

— Это Ната, — лаконично представил девушку Виталий, зная, что Бепо всё равно не отвяжется, пока не добьётся своего.

— Мераб, — бесцеремонно разглядывая Нату и светясь в улыбке, как медный чайник, представился Бепо, — очень приятно.

— Вон Кит сидит, не видел? — Виталий хотел отвлечь внимание дружка, ему было неприятно его наглое, нескрываяемо оценивающее разглядывание девушки.

— Ещё раз, очень рад познакомиться, — ослабившись в ответ на улыбку Наты, произнёс Бепо, и отвалил в сторону сидящих на лавочке Кита и Людочки.

Виталий видел, как Бепо за руку поздоровался с Китом, пожал протянутую руку Людочки и, что и следовало ожидать, уселся рядом с ней с другой стороны. Теперь Людочка обрела двух кавалеров сразу, потому что Бепо был не из тех, кто не использовал хоть малейший шанс, предоставленный судьбой, вдруг подарившей ему встречу с особой женского пола. Он любил всех женщин мира без исключения, только за то, что они женщины. Это была его религия, жажда, страсть, увлекающая порой в самые неожиданные и не всегда благоприятно оканчивающиеся приключения.

В свои неполные 17 лет Бепо обладал уже определённым опытом и, по его словам, для него не было секретов в сфере «межличностных отношений» мужчины и женщины. Много он, конечно, привирал, рассказывая друзьям о своих «победах», но его наглая ухватистость и беспрецедентная напористость в отношениях с женщинами наводила на мысль, что кое-что он, несомненно, в этом деле постиг.

Бепо, конечно же, был сыном своего отца, который, уже будучи на пенсии, по словам того же Бепо, не упускал возможности «закадрить» на стороне «залётную пташку». Это горделивая характеристика неуязвимых сил папаши находила подтверждение в «гуляющих» по их микрорайону среди соседей слухах о его похождениях и случающихся в этой связи семейных конфликтах.

Как и предполагал Виталий, Бепо плотно «сел на хвост» Киту и Людочке, без зазрения совести примазавшись к компании друзей. Теперь парни дуэтом развлекали девушку, соревнуясь в пошловатом остроумии и взаимных дружеских пикировках. Людочку это невероятно веселило, она периодически взрывалась громким смехом, бросая озорные взгляды то на одного, то на другого ухажера.

Виталик, продолжая медленно танцевать с Натой и наблюдая за ними, с улыбкой рассказывал ей об их дворовой компании, о Ките и

То юности стремительные годы...

Бепо, которые наряду с отсутствующим в данный момент Тукой были его ближайшими друзьями-соседами.

К их довольно разноличностной, но чем-то сближающей друг с другом четвёрке, время от времени примыкали другие ребята из их района, но, почему-то не вживаясь, со временем отпадали, оставаясь просто знакомыми-товарищами.

Четвёрка же друзей, несмотря на случающиеся время от времени, как и в любой компании, разногласия и ссоры, оставалась неделимым, сплочённым ядром, живущим по особым, почти братским, законам. Дружили они уже давно, как-то незаметно со временем сбившись в «свою» компанию или, как они сами объясняли свои отношения на модном в молодежной среде их городка полу блатном жаргоне, «кентовали» с детства. «Кентом» считался очень близкий друг, почти брат, за которого, что называется, и в огонь, и в воду. Естественно, всеми благами своей юной жизни «кенты» должны пользоваться совместно, деля их честно поровну, помогать и поддерживать или, как говорилось, «поправлять» друг другу во всём.

Самым позорным нарушением этого негласного кодекса «кентовской чести» считалось проявление трусости, когда обстоятельства требовали отстаивать своё пацановское достоинство с кулаками. «Кент», не вступившийся за друга, даже в более чем невыгодной и грозящей поражением ситуации, переходил на положение «оплётанного» изгоя, о проступке которого сообщалось всем знакомым и малознакомым. Такой «бывший кент» уже был презираем в определенных молодёжных кругах практически всеми, и терял всякую возможность влиться в другую «достойную» компанию.

Эти, как бы само собой разумеющиеся устои подобных дружеских отношений придавали «кентовству» почти по-рыцарски благородную окраску, вызывая безоговорочное уважение в юношеской среде. «Кент» твоего знакомого или товарища сразу же становился как бы и твоим товарищем и, соответственно, «кент» твоего недруга автоматически считался твоим потенциальным врагом или, по меньшей мере, недоброжелателем.

Виталий поначалу «скентовался» с Тукой в то время, когда они ещё учились в восьмом классе и жили в соседних домах, разделённых невысоким заборчиком. Потом, переехав в дом, где жил сейчас, он сблизился с Китом. Чуть позже и как-то незаметно к их компании прибился и Бепо, который тоже жил по соседству, и с которым они познакомились на почве всеобщего увлечения рок-музыкой.

Виталик и Тука были сверстниками, Кит и Бепо «отставали» от них один на год, другой — на два. Вит и Бепо одно время играли в созданной ими совместно с ещё двумя друзьями-соседами импровизирован-

ной бит-группе. Бепе исполнял роль ритм-гитариста, вытребовав для этого у своего отца настоящую электрогитару, «фирменную» «Музиму», которая была его гордостью до тех пор, пока не отправилась в отставку за ненадобностью.

Тука и Кит были меломанами-любителями без творческих наклонностей, поэтому, не играя сами, пребывали в роли домашних ценителей и благодарных слушателей. При этом Тука, проявляя «музыкальную всеядность», воспринимал любую музыку «вообще», тогда как Кит являл собой образец «ценителя-скептика», не умеющего играть, но любящего критиковать и давать, как правило, бесполезные советы.

Они частенько собирались в то время у Ландрика, по-настоящему увлекающегося гитарой и рок-музыкой солиста их группы. В его маленькой, но уютной комнатке с диваном друзья репетировали «свою музыку» или просто слушали новые рок-записи, гремящие в полумраке, расцвеченном огнями «самопальной» цветомузыкальной установки, которую собрал сам Ландрик, неплохо разбирающийся к тому же и в радиотехнике.

Частенько компания собиралась и у Виталия в его полуподвальчике, который в дневное время, пока родители на работе, был их основным пристанищем. У Вита не было цветомузыки, но его скромный проигрыватель, подключенный для усиления мощности к старой родительской радиоле 60-х годов, оснащённой двумя неплохими динамиками, орал в три акустических горла так, что в окнах дребезжали стёкла.

Развываясь кто на диване, а кто и прямо на полу, покрытом зелёным ковром, «рокеры» балдели «на всю катушку». Бепе, ложившийся, как правило, на пол, придвигал к самому уху переносную колонку проигрывателя, «улетая» в неведомые дали на гребнях органных рулад Джона Лорда или на пронзительных крыльях виртуозных соло-пассажей гитариста Ричи Блэкмора — их кумиров из популярной группы Deep Purple.

Вечерами они, как правило, торчали в соседнем доме отдыха, где стоял единственный, но неплохой бильярдный стол, на котором до позднего вечера друзья резались по очереди в американку. Они резались бы и дольше, хоть всю ночь, настолько притягивала их эта, похожая на охоту и потому очень мужская игра, но после отбоя, несмотря на различные ухищрения с целью затянуть время игры как можно дольше, раздавался каркающий крик вахтёра Харлампия (в их компании — просто «Харло»): «Отдавайти билиарди, всё закрыти, закрыти!».

Со временем все они очень даже неплохо наловчились «катать» шары, хотя до настоящего высокого мастерства в этой игре им было ещё далековато. Поэтому, встречая у зелёного, кое-где уже потёртого стола редкого, но тем и ценного, игрока высокого класса, умеющего на бильярде всё, они с завистливым уважением следили за игрой «масте-

ра», наматывая на ус примечаемые секреты и хитрости этой всегда разнообразной и потому бесконечно притягательной игры.

Порой у бильярдного стола объявлялся их местный «мастер», любимец публики, дядя Миша — маленький, кругленький весёлый старикан-армянин с озорными мальчишескими глазами, маленькой чаплинской щеточкой усов на губе и с чёрной, густо пересыпанной сединой и прикрытой неизменной маленькой кепочкой, шевелюрой.

Дядя Миша смешно бегал вокруг стола на коротких ножках с заметно превышающим его рост кием в руках, рассыпая на ходу различные бильярдные шутки-прибаутки, создавая впечатление эдакого старого бильярдного шута. Однако стоило ему склониться над зелёным сукном стола, он преображался, превращаясь в зоркого кречета, парящего в поисках добычи над зелёными просторами степей. Резким точным ударом он разил свою жертву, с треском загоня очередной шар в лузу. Иногда, ласково уговаривая или шутовски обзывая ждущий своей участи шар, он мягким, почти нежным ударом-поцелуем посылал «своячка» в как будто расслабившуюся в этот момент и безропотно принимающую желтый шар лузу.

В вечерние часы ужина и отбоя, когда курортники отправлялись отдыхать в номера или в кинозал на ежевечерний сеанс, дядя Миша любил поболтать с пацанами «за жизнь», поучить их, так сказать, уму-разуму, выдавая оригинальные сентенции из своих жизненных наблюдений. Порой, проследив масляным взглядом проплывающую мимо бильярдного стола пышную загорелую матрону-курортницу, дядя Миша на полном серьёзе и с сильным кавказским акцентом заявлял: «Нэ-э, современни женчини обманивают малядѣжь. На жоп мануфактур крютят-крютят, чтоб толстый бил. В сиськи вата пхают-пхают, чтоб пишшни бил. Нэ-э, современни женчини обманивают малядѣжь». Молодѣжь, услышав подобные откровения, долгое время покатывалась со смеху, а, завидев вновь какую-нибудь «обманивающую современни малядѣжь» толстущку взрывалась новыми приступами смеха.

В наши «силиконовые» времена столь меткие замечания старого дяди Миши об интимных методах формирования женской красоты можно посчитать почти пророческими.

Ната тоже долго смеялась, услышав от Виталия пересказ житейских наблюдений дяди Миши, тем более что на танцплощадке было полно «скрывающих» свои истинные «параметры» и, тем самым, «обманывающих» современную молодѣжь красоток.

Ещё одно предложение посетить романтическое ночное побережье восхитительного (особенно ночью, конечно же) Чёрного моря, внесённое по окончании танцевальной программы мужской «палатой» их весёлого «парламента», было категорически отвергнуто, несомненно,

более высокой женской «палатой», что и решило исход вечера. Несчастный Виталий страдал, не имея возможности по-настоящему, как вчера, поцеловать Нату. На территории турбазы подобные вольности строго пресекались местной администрацией и могли повредить репутации девушки, застигнутой за этим восхитительным занятием. Зная это, Вит не хотел подвергать Нату возможной опасности. Оставалось лишь попрощаться, договорившись о встрече на знойном пляже завтра, и покинуть негостеприимную для местной молодёжи территорию турбазы.

По дороге домой Бепо не преминул уточнить у Виталия место встречи. Зная, что Кит, не выносящий зноя, почти никогда не бывает на пляже, а значит, и завтра не потащится туда загорать ради Людочки, Бепо логично решил «застолбить» место отсутствующего «по уважительной причине» Кита, заранее зная, что тот не будет придавать этому большого значения.

Ни к чему не обязывающий флирт — сегодня с Людочкой, а завтра, может, с Нюрочкой — ни к чему не обязывали и «кавалеров», порой даже «перекидывавших» поднадоевшую подружку своему, вовремя подвернувшемуся и чрезмерно благодарному за своеобразный подарок, приятелю.

Всё это было в рамках общепринятой в их среде морали, если дело не касалось более серьёзных отношений. В «амурных сюжетах» были даже свои, простенькие, но почти всегда срабатывающие, хитрости и приёмы. Например, бывало, что вместо «забывшего стрелку» ухажёра на встречу приходил подменивший его по уговору дружок, который объяснял удивлённой девушке, тут же очарованной нежным обаянием и рыцарскими манерами нового знакомого, что, дескать, Зураб или Руслан или, предположим, Тимур, не смог прийти в виду чрезвычайных обстоятельств, связанных с неожиданной кончиной бабушки, дедушки, дяди, тёти и т. п., а его — Тенгиза, Шоту, Гоги, Отари ... попросил, чтоб не огорчать Вас, Мариночка, Леночка, Танечка, Ирочка ..., развлечь прелестную девушку в меру сил и возможностей.

Далее, всё, как говорится, было делом «техники», уровень владения и применения которой зависел от самого соискателя «минут блаженной, сладостной истомы». За исключением довольно редких случаев, бытующих затем среди друзей в качестве саркастических анекдотов, подобная рокировка срабатывала без осечки, поскольку ни Леночка, ни Танечка, ни Ирочка ничего от этого не теряли, а порой даже обретали иные, неизведанные ещё высоты наслаждений, получив к тому же возможность сопоставить степень обаяния и мужских достоинств того же Гурама или Резо.

Одним словом — курорт...

IV

Приближаясь к тому месту, где лежали на пляжных полотенцах Ната и Людочка, Виталий ещё издали увидел коренастую спину Бепо, почти не тронутую загаром и потому приметно белеющую на фоне остальной красно-коричневой пляжной публики. Бепо был в белых, спортивного типа, трусах, ещё более подчеркивающих его «незагорелость». Вообще, он не чурался моря и солнца, и был постоянным членом дружеских компаний местной соседской молодёжи, собиравшейся на «скалах» и развлекавшейся различными картежными играми вроде «кинга» и «джокера», шумной веселой игрой в «морские салочки», которая, как правило, велась до полного изнеможения участников, падающих потом без сил на прокалённую, обжигающую гальку пляжа.

Но в данный период жизни у Бепо был тоже, можно сказать, переломный момент — он сдавал школьные выпускные экзамены и собиравшись поступать в институт. Именно поэтому его прыщеватая шершавая от природы спина была ещё не тронута лучами пляжного солнца.

Белые трусы Бепо напомнили Виталию один смешной случай. Однажды их компания, где были и соседские девочки, загорала в очередной раз на «скалах». Появившийся чуть позже других Бепо разделся, представ перед публикой в чёрных, почти по колено, сатиновых трусах «древнего» образца, которые именовались в их моднящейся среде «семейными парашютами».

Компания разразилась смехом, послышались острые шуточки, воспринимаемые Бепо с присущим ему нагло-равнодушным выражением на мордастой физиономии. Одна из сидящих в общем кружке девушка, рядом с которой, невозмутимо уперев руки в бока, стоял Бепо, смеясь заявила, что сейчас входят в моду «семейные парашюты-макси», длиной ниже колена, и трусы Бепо почти соответствуют моде, если их чуть-чуть удлинить. Желая показать, какой, по моде, должна быть эта длина, она несколько раз легонько дёрнула вниз его трусы, которые никак не достигали необходимой длины, поскольку Бепо держал руки на поясе. Девушка, чувствуя это сопротивление и, видимо, войдя в азарт, со смехом дёрнула посильней, и тут Бепо широко развёл руками, как бы говоря цирковое «оп-ля!», трусы упали к его ногам, и парень предстал перед скорчившейся от смеха компанией в «натуральном» виде современного Аполлона. Девушка, с испуганным вскриком «ой!» быстро закрыла ладонями лицо, тут же густо покрасневшее, а Бепо — всё с тем же равнодушно-каменным выражением нагло-морды — надел трусы и, разбежавшись, прыгнул в море, подняв фейерверк искрящихся брызг.

— Здорово, Вит, чего это ты такой весёлый? — приветствовал подошедшего друга Бепо, приметив счастливую улыбку Виталия.

— Привет всем! — продолжая улыбаться, поздоровался с компанией Виталик.

— Чего лыбишься, новый анекдот знаешь? — не отставал любопытный и обожающий всякие хохмы Бепо.

— Нет, вспомнил старый, — со смехом ответил Вит, глянув на модные белые трусы Бепо. — Ты где такие модные трусы отхватил, «пан спортсмен»?

— Не трусы красят человека, а то, что они скрывают, — заржав громким смехом, нагло заявил Бепо.

— Поручик, здесь дамы! — в тон ему с шутиливой строгостью на лице отчитал его Виталик, с улыбкой поглядывая на девушек. Людочка прозвенела колокольчиком смеха, а Ната лишь слегка усмехнулась, стрельнув глазами на Бепо.

— Дамы любят весёлых мужчин, — безапелляционно заявил Бепо. — Не веришь, спроси у Людочки, она всё знает. — И он слегка обнял за плечи сидевшую рядом с ним Людочку.

— Но дамы не любят наглых мальчиков, — освобождаясь от его руки, с улыбкой ответила в тон ему Людочка. Она была лет на пять старше Бепо и, пока ещё толком не зная этого парня, видимо, не воспринимала его ухаживания всерьёз.

— Это каких-таких мальчиков? — спросил Бепо, глядя на неё шутиливо-удивлёнными округлившимися глазами. — Слышь, Вит, оказывается в нашу тёплую компанию затесались какие-то неизвестные, да к тому же ещё и наглые мальчишки, пытающиеся приставать к нашим девушкам. Их надо немедленно разоблачить и изгнать с позором, чтоб впредь они не смущали наш покой. Вит, где они, ты их видишь?

— Не волнуйся, братишка, они уже давно ушли, растаяв навеки в розовом тумане детства, — усмехнувшись, ответил Виталий.

— Тогда всё в порядке, — бодро заявил Бепо, победно глянув на Людочку.

Она, встретившись с ним взглядом, слегка усмехнулась, и, отвернувшись, задумчиво послала взор лазурному небу и морю. Там, далеко, на линии горизонта, сверкающее под солнцем пространство моря незаметно сливалось с нежной бирюзой неба, зазывая взор и мысли в бесконечные выси и дали.

Шутиливое упоминание о мальчишках застряло в голове Виталия и, зацепившись там о неведомый «изгиб извилин», унесло его мысли в далёкие, кажущиеся теперь призрачными и невероятно счастливыми, годы детства.

Где он, тот озорной мальчуган, с криком воинственного индейца гонящий соседских кошек из конца в конец длинного коридора огромной коммунальной квартиры в старом доме на Поморской улице старинного деревянного северного города?

Где он, прыгающий с крыши сарая в сверкающие пушистые сугробы, вырастающие зимой чуть ли не в рост человека?

Однажды, играя в снежки со своими дворовыми приятелями, он сорвался с крыши деревянного сарая, увёртываясь от летящего со свистом твёрдого снежка, и полетел, как нырнул, лицом вниз с трёхметровой высоты. К счастью, ударился он о стоящий у стены сарая огромный, полузасыпанный снегом, ящик с песком, не испуганной своей мальчишеской мордашкой, а грудью, сразу задохнувшейся ядрёным морозным воздухом.

Где теперь лыжные походы в сказочный зимний еловый лес; гонки по летним пыльным улицам и деревянным тротуарам на тяжёлом, собранном руками отца, велосипеде; бесконечные мальчишеские «сражения» с захватывающими дух эпизодами межсарайной «партизанской войны» с применением рогаток и самострелов на резинках, которые стреляли чем попало?

Неужели навеки ушли в небытие те чудные, фантастические бдения в тёмном коридоре у полыхающей жаркими сполохами огня печи, в раскалённые угли которой подбрасывалась потом картошка, превращавшаяся через короткое время в самое изумительное — обжигающее руки и рот и скрипящее на зубах чёрной, чуть солоноватой на вкус, коркой золы — яство на свете?

Неужели без возврата ушло в незримый песок времени то чувство восхищения и обожания, родившееся вдруг неожиданно при встрече с белокурой девочкой, глядевшей на него большими голубыми глазами, прелестной девочкой, подержать руку которой в темноте кинозала было вершиной блаженства, — мальчишеское сердце подкатывало к горлу так, что перехватывало дыхание.

В какой неведомый океан унесла его захлебнувшийся страх та узенькая, но оказавшаяся слишком глубокой для него южная коварная речушка, куда он, не умеющий плавать мальчишка, прыгнул «солдатиком» «на спор», зажмурился от ужаса глаза?

Где он, тот мальчик? Ушёл совсем или остался в памяти сердца трепетным, искрящимся и неожиданно вспыхивающим чистым ясным пламенем угольком?

Гори, не сгорая, мой маленький незабвенный уголёк!..

— Вит, слышь, ты куда улетел? — вернул Виталия в настоящее голос Бепо. — Дамы уже явно скучают, глядя на твою задумчивую физиономию. Признавайся, что ты задумал? Ограбление пивного ларька или

убийство сторожа мандариновой плантации? Покайся, грешный, мы всё простим.

— А не взять ли нам эдак бутылочек несколько доброго белого сухого вина с поэтичным названием «Псоу» и не посетить ли мою очаровательную, но пустующую сейчас хижину, устроив там небольшой званый обед на четыре персоны? — потянувшись и окончательно стряхивая мираж нахлынувших воспоминаний, заманчиво предложил Виталий. — Предки на работе до двадцати ноль-ноль, времени — куча. Как, девочки, устроим пир по-домашнему?

— Прекрасная мысль! — восторженно подхватил Бепо. — Я всегда знал, что стоит тебе слегка напрячь мозги, и гениальная идея у нас в кармане!

— Не надо фанфар, господа! Гения украшает скромность, — рассмеявшись, парировал Виталик.

— Мы не против, — беззаботно прочирикала Людочка, обменявшись с Натой вопросительным взглядом.

— Тогда нырнём в пучину вод, и смело двинемся вперёд! — вскакивая и увлекая всех за собой в море, с шутилой поэтической интонацией воскликнул Виталий.

— Виват поэтам, но как с монетой? — в тон ему продекламировал Бепо, помогая Людочке подняться.

— Я уже ограбил пивной ларёк, мой юный друг, и стал подпольным миллионером, — весело смеясь, ответил Вит, и, разбежавшись, первый нырнул в прохладное, магически манящее зеленоватой глубиной море.

Три бутылки «Псоу» они купили в маленьком гастрономчике недалеко от дома Виталия. Для этого пришлось скинуться (не к чести кавалеров кое-что добавили и дамы) — Вит с Бепо едва наскребли на две бутылки.

Соблюдая нехитрую, но необходимую в их районе конспирацию, гостей провели к дому задворками и неприметными «внутренними» дорожками, пролегающими меж стен и оград стоящих по соседству многоэтажных домов и частных домиков. Встреча с любой соседкой в их тесно застроенном районе, где все были так или иначе знакомы друг с другом, грозила потом серьёзными объяснениями с мамой, которая, как и все их мамы, знала курортные нравы своего города и больше чумы боялась «этих гуляющих туда-сюда» курортниц, только и думающих о том, как бы «испортить хороших мальчиков».

К счастью, на их пути никто из потенциально «опасных свидетелей» не встретился, что, впрочем, не исключало возможности быть «засечёнными» из любого любопытного окна.

Уютная квартирка Виталия встретила их относительно прохладой, которая и в жаркий день сохранялась в помещении, благодаря его полуподвальному расположению. После знойного полуденного

пекла улицы было приятно упасть на мягкий диван, предварительно включив маленький, но бойкий вентилятор. Бепо, на правах «друга дома», тут же обеспечил музыку, поставив пластинку мелодичных «битлов».

Воспользовавшись хранящимися в холодильнике запасливой мамы съестными припасами, девушки, под руководством Виталия, в основном, показывавшего, где что лежит, быстренько соорудили неплохой обед, который и был затем дружески и с аппетитом уничтожен в сопровождении традиционных и импровизированных тостов, предлагаемых то Виталиком, то Бепо.

Охлажденное в холодильнике белое сухое вино с экзотическим названием «Псоу», подтверждало своей освежающей и слегка пьянящей сутью благодарные тосты парней, благословлявших свой прекрасный и благоуханный край. Девушкам это вино тоже понравилось, особенно восхищалась его вкусом заметно оживившаяся после нескольких тостов Ната. Держа себя, по-прежнему, игривой недотрогой, она весело смеялась шуткам Бепо, озорно реагировала на нескрываемое ухаживание Виталия, перекидывалась шутивными фразами с Людочкой, которая почти без перерыва звенела задорным смехом в ответ на нагловатые и довольно прозрачные намёки Бепо насчёт развития их взаимных отношений в недалёкой перспективе.

Воспользовавшись моментом, когда Виталий отошёл в кухонный закуток ополоснуть под краном руки, Бепо тигриным прыжком подскочил к нему и, прижавшись горячими губами почти к самому уху, прошипел: «Уведи Нату на полчаса, как брата прошу».

— Ты с ума сошёл? — одними губами выдохнул Вит, сурово глянув на друга.

— Не дрейфь, всё будет «ништяк», я шустро, — продолжал шипеть Бепо, обдавая Виталия горячим, пахнущим винными парами, дыханием. — Я тебя как кента прошу!

Это был весомый аргумент, и Бепо удачно им воспользовался. Не «поправить» или «обломать» кенту, что, в принципе, одно и то же, если ты имеешь возможность как раз-таки «поправить», считалось позорным предательством интересов друга.

— Куда я её уведу, идиот? — не сдавался, уже сдавшись в душе, Виталий.

— Пообщайся где-нибудь в укромном уголке, — нагло усмехаясь, шептал Бепо, — мне тебя учить, что ли?

— Чёрт с тобой, — зло прошептал Вит, — но гляди, чтоб без шума, а то башку тебе оторву, придурок.

— Всё будет без шума и пыли, шеф, — обнимая друга за плечи в знак благодарности и расплываясь в сладкой дьявольской улыбке, прошептал напоследок Бепо и ушёл в комнату.

«Озабоченный дегенерат», — вытирая руки и срывая на полотенце своё раздражение, думал Вит, — куда я поведу Нату на эти «полчаса» и как ей всё это преподнести? Вот, собака, — не было печали».

Он выбрал самый простой способ.

— Ната, можно тебя на минуточку, — с улыбкой произнес Виталий, заглянув в комнату.

Ната встала из-за стола и, переглянувшись с Людочкой, подошла к нему.

— Выйдем на минутку, мне надо сказать тебе кое-что тет-а-тет, — всё так же нежно улыбаясь и, пропуская девушку вперёд, негромко произнёс Виталий, открыв входную дверь.

Они вышли в полутёмный подвальный коридорчик, соединявший проходняком оба подъезда дома. Вдоль стен по правую руку располагались дверцы соседских подвальных, хранящих в своих тёмных недрах различные, как здесь выражались, «хара-хуры» жильцов. Левая стена узкого коридорчика была уставлена экспонатами «железной коллекции» отца Виталия, лучшим образчиком которой являлась неработающая и так и не отремонтированная отцом до конца чья-то старая стиральная машина. За ней, чёрным хитросплетением углов, вертикалей, параллелей и окружностей, громоздилась уходящая во тьму коридора череда труб, рам, колес, деталей и частей давно умерших механизмов, принадлежавших когда-то к славной плеяде многообразной бытовой техники.

Ната присела на маленький хозяйственный столик, стоящий у входа в подвальный коридорчик. Виталий стоял напротив, прислонившись плечом к дверце соседского подвала, смотрел в её загадочно улыбающееся лицо и не знал, что сказать. Врать или придумывать на ходу какие-нибудь байки он не умел и поэтому ужасно не любил этого делать, проклиная себя в душе всякий раз, когда жизнь всё-таки заставляла применять этот нечестный прием. Человека, уличённого во лжи, он переставал уважать сразу же, стараясь в дальнейшем держаться с ним на определённой, не предполагающей близких отношений, дистанции.

Однако говорить что-то девушке было сейчас необходимо, иначе она может просто встать и уйти в комнату, где, надо полагать, ей сейчас лучше не показываться.

— Ната, — медленно начал Виталий, стараясь не смотреть ей в глаза, — я хотел тебе сказать...

— Хотел, скажи, — озорно глянув на него, со смешком пропела Ната.

«Не говорить же ей о любви в этом задрипанном подвале», — пронеслось у него в голове.

— Я хотел сказать, что ты самая красивая девушка, которую я когда-либо встречал, — оттолкнувшись от дверцы, он сделал движение ей навстречу, но девушка остановила его вытянутыми вперёд руками.

— Неужели? — пропела она, — и многих ты встречал, Виталька? Ну-ка, признавайся!

— Ну, как тебе сказать, — попробовал отшутиться Вит, — встречал, конечно, всякое бывало, но чаще встречал, чтобы проводить.

— Как это? — удивилась Ната.

— Взглядом, — рассмеявшись, ответил он.

— Ага, заглядываешься, значит, на всех подряд, бессовестный, — с ноткой шутивого упрёка в голосе уточнила она, — Так-так...

— Ну, зачем же на всех, Наточка, — с показной обидой в тон ей ответил Виталик. — Так, иногда, для разнообразия впечатлений...

Ему вдруг вспомнилась одна случайная встреча с девушкой, которая, как это ни странно, произошла не потому, что он «разглядел», а потому, что заметили его самого.

Была зима, и были первые в его жизни студенческие каникулы после удачной сданной первой сессии. Виталий решил съездить в гости к бабушке — в тот далёкий северный город, где он когда-то родился и откуда, уже подростком, переехал с родителями в курортный черноморский городок.

На переезде в родные южные края настояла мама: «Я хочу умереть на родине», — безапелляционно заявила она, отменяя возражения отца. Её можно было понять — она прожила в этом чужом, заснеженном большую часть года, городе восемнадцать долгих, холодных и не совсем счастливых лет. Она просто устала терпеть одиночество и ностальгию, устала чувствовать себя «эмигрантом» в среде чужих ей по духу людей, живущих своими, не всегда ей понятными и приятными нормами, где бутылка водки была чуть ли не основным мерилom человеческих взаимоотношений, а рубль, отданный на похороны ближайшего соседа, считался большим благодеянием.

Первое время после переселения на родину матери, в эти южные черноморские края, ставшие теперь родными и для него, Виталий долго ещё тосковал по северной родине, тянулся туда своими детскими воспоминаниями, трудно свыкаясь с необычными для него людьми, их традициями и, порой, странными взаимоотношениями.

В новом городе он, по настоянию тётушки Галочки — всеми уважаемого доцента местного университета, — продолжил учёбу в восьмом классе знаменитой абхазской школы № 10 и вскоре с удивлением узнал, что многие одноклассники являются к тому же его дальними родственниками по материнской линии. В России такого, конечно же, быть не могло.

Однако чем дальше улетало детство, отдаляемое годами, как наслаениями, новых жизненных обстоятельств и впечатлений, чем больше он живался в новые для него человеческие отношения, обрстая знако-

мыми и друзьями, тем ближе и роднее становилась для него эта земля — родина его матери — а, значит, и его «материнское лоно».

Поэтому его последняя поездка в город северного детства, к бабушке, которая жила уже в новой кирпичной многоэтажке, покинув старый деревянный коммунальный домик, и, тем самым, тоже как бы уйдя из мира его детства, воспринималась Виталиком скорее, как увеселительное путешествие новоявленного студента в мир безобидных детских проказ и школьных приключений.

По дороге он решил завернуть на пару дней в Ленинград, где не бывал до этого, но мечтал увидеть этот прекрасный прославленный город-музей. Посетить Ленинград пригласил Виталия его друг-одноклассник, который учился теперь в питерском медицинском институте.

Из двух дней, проведенных в Ленинграде, Виталий один день с утра до вечера путешествовал по Эрмитажу, с жадностью провинциала набросившись на это великолепии обнаруженной им вдруг сокровищницы искусства. Он бродил по залам до полного изнеможения и ушёл, еле волоча гудевшие ноги, неудовлетворенный и чуть обиженный на судьбу, как гурман, у которого вдруг отняли любимое яство. Осмотреть весь Эрмитаж в один день было, конечно, невозможно, и это убивало своей безысходностью.

Второй день краткосрочного ленинградского турне прошёл в путешествии по основным историческим местам великого, возвышающего душу своей монументальной и вместе с тем изысканной архитектурой, города. Впечатлений было так много, что в голове Виталия, улетавшего на следующее утро дальше на север, всё увиденное как-то само собой сложилось и запечатлелось в короткую, но восхитительно ёмкую фразу: «Я был в Ленинграде!», сверкавшую в его сознании золотом высеченной на черном граните строки.

Обрадовав своим неожиданным приездом бабушку, явно чувствующую себя не в своей тарелке в большой трёхкомнатной квартире, где она жила с семьей младшей дочери — сестры отца, Виталик отправился на поиски своего соседа и друга из того далекого «сарайного» мира детства. Семья Чапыгиных тоже перебралась уже из старого деревянного в новый кирпичный дом, который и предстояло найти в изменившемся и продолжающем перестраиваться на современный лад городе. Новостройки были повсюду. Старый поморский город со скрипом и треском сдирал древнее деревянное обличье фасадов и мостовых, меняя его на безликую панельно-асфальтовую маску современного города, медленно, но неуклонно превращаясь в близнеца в ряду многих других, порожденных урбанизацией — бетонно-равнодушной матерью современных городов.

Валерка Чапыгин, а, по детской дружбе, просто Чапа, пригласил его в тот же вечер на танцы, организованные для увеселения местной молодежи в огромном фойе городского театра. Молодежи на танцах, как

и водится, было битком. Оркестр оглушал звоном тарелок и всхлипами труб и саксофонов. Чапа быстро нашёл себе партнершу, а может, и её тоже пригласил сюда, чтоб не скучать без дела.

Виталик чувствовал себя неудобно и одиноко в этой чужой ему толпе. Пару раз он подпрыгивал в «шейке» в компании Чапы и его подружки, но настроения не было, и, в основном, он стоял в сторонке, разглядывая танцующих. Никто из девчонок как-то не привлекал его особого внимания, да и настрой был не тот, чтобы заводить сейчас «приятные» знакомства. Он вообще не думал об этом, отправляясь с Чапой на танцы, поскольку в его распоряжении было всего три-четыре дня — всё, что оставалось от каникул после посещения Ленинграда.

В микрофон объявили прощальный «белый» танец, предложив дамам выбирать кавалеров. В общей суете Виталий не заметил, как перед ним очутилась невысокая кареглазая девушка со светлыми, укороченными стрижкой, волосами. «Можно Вас?» — прозвучал сквозь гомон толпы и звуки музыки её спокойный голос. Виталик сделал шаг навстречу, обнял её за талию, и они поплыли в медленном танце, то и дело сталкиваясь плечами с соседними танцующими парами.

Девушку звали Лида. Она призналась, что давно его заметила и даже показала своим подружкам, с которыми пришла на танцы, чтобы обсудить «кандидатуру». Подружкам Виталий почему-то «не показался», а ей вот, наоборот, понравился, откровенно заявила Лида.

Подобное признание, безусловно, требовало романтического продолжения столь неожиданного знакомства, и Виталик, которому такой поворот событий тоже пришёлся по душе, сразу же после танцев пригласил Лиду в кафе. Валерка со своей подружкой как-то незаметно потерялся в толпе танцующих, и Виталик не стал его разыскивать.

Стеклянные стены кафешки, уютно задрапированные толстыми шторами, надёжно отгородили их от бушевавшей на улице февральской метели. Легкий ужин с шампанским согрёл их, а откровенная спокойная беседа наполнила сердца ожиданием чего-то радостного и непознанного. Лиде было двадцать лет. Она недавно окончила техникум и работала в таком же примерно кафе в другом районе города. Девушка совсем не кокетничала, и это очень импонировало Виталию, который не любил женских кривляний.

Потом он проводил её до дома по ночным метельным улицам. Ветер швырял снег то в лицо, то в спину, то забрасывал вверх, где искрящиеся снежинки юркими мотыльками порхали вокруг желтых фонарных огней. Когда выносить хлёсткие удары морозного снежного ветра было совсем не вмоготу, они прятались ненадолго в телефонных будках, где, прильнув друг к другу холодными и мокрыми от снега губами, долго и жадно целовались, утываясь этим интимным и нежным микро-теплом, порожденным ими в бушующем океане зимнего холода.

Встретившись с Лидой на следующий день вечером, Виталий уговорил её поехать к нему, вернее, «в гости к бабушке». После некоторых колебаний девушка согласилась, но держалась несколько настороженно и скованно. По дороге к дому бабушки, которая жила теперь далеко от центра, в районе железнодорожного вокзала, Виталик заскочил в магазин, где купил бутылку шампанского и шоколад. С его точки зрения без этих «светских» аксессуаров «знакомство с бабушкой» было бы, конечно, неполноценным и малоэффективным. Он же рассчитывал использовать этот «визит к бабушке» с максимальной эффективностью, тем более что одна из комнат квартиры была предоставлена в его распоряжение.

Время тоже требовало форсировать события (через два дня Виталий улетал домой), не оставляло возможности для самопроизвольного развития отношений с этой нечаянно подвернувшейся девушкой. Он рассчитывал на «эффект» ещё и потому, что Лида сама выбрала его из толпы, сама пошла на сближение, которое уже было согрето «метельными» поцелуями, что порождало в мечтах юноши вполне понятные надежды и желания. Сердце его молчало, но извечный мужской инстинкт заставлял тянуться к этой «упавшей с неба» девушке, как к подарку капризной чудачки-судьбы.

«Когда-нибудь это всё равно должно было случиться, так почему бы Лиде не стать моей первой женщиной?», — обдумывая ситуацию, решил для себя Виталий, ощущая лёгкий холодок в груди от этих грешных мыслей, несущих ожидание предстоящей неизвестности.

Бутылка шампанского была прикончена довольно быстро, но тут пришёл с работы Николай, зять бабушки, у которого оказалась бутылка водки. Застолье было продолжено, превратившись в семейный ужин, который в результате закончился уже довольно поздно. Виталий, смешавший непреднамеренно водку с шампанским, сильно опьянел, впервые испытал на себе эффект этого убийственного коктейля, называемого в народе «северное сияние», но старался держаться с достоинством истинного кавказца.

Лида от водки отказалась наотрез, не желая «мешать», и угощалась бабушкиным чаем с вареньем. Время уже было позднее, автобусы и такси, безусловно, стали редкой удачей, надеяться на которую в морозную зимнюю ночь было бы чересчур смело, поэтому Виталию (конечно, с ненавязчивым «подключением» бабушки) не пришлось долго уговаривать Лиду остаться переночевать.

Бабушка постелила им в своей комнате. Лиде предназначалась её старая широкая железная кровать с блестящими шариками на спинках, которые любил откручивать когда-то маленький Витя. Старая жёсткая кушетка, стоящая напротив кровати у противоположной стены узкой комнатки с одним окном, должна была стать ночным пристанищем Виталия. Сама бабушка расположилась в большой гостиной на диване.

Лида первой ушла в «их» комнату, и когда Виталик вошёл туда, она уже лежала в бабушкиной кровати, утонув в пуховой перине и зарывшись носом в одеяло. В комнате было темно, лишь не прикрытое шторой окно мерцало сквозь морозный узор стёкол синим фантастическим отсветом зимней ночи.

Всё, что было потом, проплывало в сознании Виталия каким-то смутным видением — полу сном, полу реальностью. Из синего ночного мрака маленькой комнатки вдруг возникали то белые обнаженные женские руки, упрямо отталкивающие его; то нежные округлые девичьи плечи и жаркие груди, скользящие под его ладонями; то горячие влажные губы, порывисто шептавшие, увёртываясь от его поцелуев, упрямое «не надо».

Он уснул под утро, обессилив в этой жаркой и сладостно-мучительной схватке за любовь. Даже не уснул, а скорее провалился в чёрную глухую пропасть сна, упал, сражённый бессилием воина, бывшего до конца за победный трофей, но так и не сумевшего завладеть им.

Лида ушла рано утром. Виталик холодно простился с ней у дверей бабушкиной квартиры, простился навсегда. По-своему гордый и самолюбивый, он не терпел чувствовать себя проигравшим.

«Зачем же пришла и осталась ночевать? — раздраженно думал тогда Виталий, — чтобы сделать из меня обманутого дурачка? На неё это, вроде, не похоже, да и смысл какой? Странная подруга, а, впрочем, чёрт с ними со всеми!».

— Ты чего замолчал, Виталька? — раздался чуть обиженный, капризный голосок Наты. — Вытащил меня непонятно зачем в этот тёмный подвал — и молчит.

Ната поднялась со столика и шагнула в сторону входной двери. Он быстро преградил ей дорогу и попробовал слегка обнять за плечи, привлекая к себе.

— Подожди, Ната, — прошептал он, — не обижайся, это я так, задумался. Со мной такое бывает иногда.

— Пусти, — капризно, но негромко сказала Ната, отталкивая его руки, — не люблю, когда «задумываются» о чем-то другом в моём присутствии.

— Натуля, не обижайся, подожди, я тебя прошу, — снова пытаюсь обнять её, шептал Виталик.

— Отстань, а то совсем обижусь, — отталкивая его и направляясь к двери в квартиру, уже громко воскликнула Ната.

— Подожди, туда нельзя! — он схватил её за руку, но девушка резко дёрнулась вперёд, потащив его за собой, и свободной рукой распахнула дверь.

Входную дверь и боковой проход в комнату отделяли всего два шага, и поэтому уже с порога была видна кровать Виталия, металлическая

узенькая кровать с пружинистой сеткой, на которой сейчас, укрывшись одеялом, лежали Бепо и Людочка. Ната, увидев эту идиллическую картину, тут же отпрянула назад, чуть не сбив Виталия с ног, и захлопнула дверь. Она повернулась к нему лицом, и он увидел её испуганные расширенные глаза, которые вдруг стали наполняться искрящейся влагой скрытого смеха и через секунду, не сдержавшись, девушка расхохоталась во всё горло.

Слегка ошеломленный Виталик, глядя на её смеющееся лицо, тоже вдруг почувствовал прилив смеха и через мгновение загоготал с ней вместе. «Камень» скрытности тут же упал с его души, сразу наполнив всё естество чувством бесшабашной радости и беспечного веселья, столь присущих нам в годы незабвенной юности.

Они смеялись до упаду, просто умирали от смеха, не в силах остановиться. Ната уже согнулась пополам, а Виталий даже присел на корточки у стены и, откинув голову назад, вздрагивал от приступов смеха, как от конвульсий.

Появившаяся вдруг в узкой щели чуть приоткрытой двери лохматая белесая голова Бепо, вызвала у них новый, ещё более сильный, взрыв смеха. Виталик, в полном изнеможении развалившийся на полу у стены, просто отрывисто повизгивал, не в силах совладать с душащим его смехом. Ната стояла, откинувшись спиной на стену и, вздрагивая всем телом, вытирала ладонями набежавшие слезы.

— Вы чего? — чуть ошарашенно спросил Бепо, переводя взгляд с Наты на Виталия и обратно. Лицо его выражало удивление и раздражение человека, не понимающего, в чём дело. Однако, через мгновение, осознав причину их безудержного смеха, он сам расплылся в своей «фирменной» широчайшей наглой улыбке.

— Банкет продолжается, дамы и господа, — провозгласил Бепо, картинно, на манер метрдотеля, распахивая дверь. — Прошу!

Для большей убедительности он вытянул руку в приглашающем жесте и чуть склонил корпус вперёд. Когда Ната и, следом, Виталий вошли в комнату, Бепо, размашистым жестом закрыв дверь и шаркнув подошвой, засеменил за ними в шутилой позе официанта.

— Только для вас. Всё самое вкусное, свежее и дорогое! — продолжая разыгрывать роль «метра», суетился вокруг стола Бепо.

Людочка уже сидела на диване, постреливая круглыми блестящими глазами в сторону Наты. Виталий, изображая джентльмена, а на самом деле испытывая чувство неловкости, старался не встречаться с Людочкой взглядом, делая вид, что ничего не произошло.

— Ну, вы даёте! — выдохнула Ната, падая рядом с Людочкой на диван.

— Даём стране угля, а? — задорным голосом записного оратора-зазывалы воскликнул в ответ Бепо, разливая вино, и, подняв стакан, провозгласил:

То юности стремительные годы...

— За тех, кто всегда готов... отдать свои силы, знания и опыт любимому делу!

Последние слова его тоста утонули в громогласном взрыве смеха... Да, смеяться, право, не грешно.

V

Дата последнего курсового экзамена приближалась неуклонно, а учебник с почтенным названием «Русская литература XIX века», в основном, скучал на письменном столе в компании прочих своих собратьев.

Прекрасный, восхитительный, умопомрачительный образ Наты затмил и отодвинул на второй план, в какую-то ненужную нереальность, знаменитые и почитаемые образы, созданные в своих нетленных произведениях всемирно уважаемыми представителями русской литературы XIX века. Образы Онегина и Татьяны, Демона и Тамары, Вронского и Анны Карениной, Болконского и Наташи Ростовской, Карамазова и Грушеньки, не говоря уже о Чичикове, Солохе, Базарове, Чацком, Ионныче и Каштанке, которые ранее столь увлекали своей неповторимой прелестью любящего литературу Виталия, превратились вдруг в бледные, бесплотные тени прошлого, слова и поступки которых не находили теперь в его душе привычного сочувствия, лишь отмечаясь в памяти пустым отзвуком равнодушия.

Когда Виталий подошёл к экзаменационному столу, чтобы взять «счастливый» билет, он поймал на своём красноватом от ежедневных бдений на пляже лице чуть недоуменный взгляд Марины Николаевны — кандидата филологических наук, доцента кафедры русской литературы, строгой солидной женщины, уважающей прилежных студентов. Виталий весь первый курс ходил в прилежных и даже в подающих надежды и вдруг... свежий загар, явно говорящий не о прилежании, а о праздном бездельи в преддверии столь серьёзного экзамена.

Билет, по известному всем закону подлости, оказался совсем несчастливым — там было именно то, чего Виталий больше всего не хотел бы прочесть: А. Островский «Лес», «Волки и овцы». Такого подвоха от фортуны он, конечно, не ожидал. Ещё мрачная пьеса «Гроза», которую, что называется, «проходили» в школе, отбила у него всякий интерес к драматургии Островского — страсти и грозы, бушующие в каком-то нечистоплотном, отталкивающе порочном и тёмном мире русского дореволюционного купечества, Виталия совсем не увлекали. Вся эта злобная и самодурствующая пьянь и рвань, топчущая грязными сапогами «прекрасное, доброе, вечное», вызывала у него чувство

омерзительной брезгливости и отвращения. Поэтому он не читал драмы Островского, зная их содержание по учебникам, и надеялся на экзамене «проскочить мимо» произведений великого русского драматурга.

И надо же, чтоб так «повезло»! Именно нелюбимый Островский, и именно те его драмы, которые, и понаслышке, Виталий почти не знал, поскольку не удосужился прочесть о них даже в учебнике. Сидя над билетом, он лихорадочно восстанавливал в ставшей вдруг пустой памяти всё, что касалось Островского и его драматургии.

Сев на стул перед преподавателем, он ещё надеялся как-то выкрутиться, используя извечный приём студентов, плохо знающих материал, — начинать, как говорится, «от сотворения мира» и, вылив «ниагару» общих слов и понятий, заткнуть, тем самым, зияющую брешь в познаниях.

Однако, опытная и знающая студенчество Марина Николаевна, быстро остановила едва начавший извергаться из уст Виталия словесный водопад коротким и точным, как выпад опытного фехтовальщика, вопросом: «Вы читали эти драмы Островского?» Врать было бесполезно, да и для Виталия всегда было легче сказать правду, чем сковывать свою душу путами лжи.

— Нет, — понурив голову, коротко ответил он.

— Пойдите и почитайте, придёте ещё раз, — сухо проговорила Марина Николаевна. — И лучше это делать не на пляже, потому что пляжные знания больше двойки не стоят, — добавила она с лёгкой иронией.

Пристыженный Виталик вышел из аудитории. Неожданное фиаско, которое потерпел один из лучших студентов курса, да ещё и на одном из основных предметов, вызвало среди его однокурсников волну сочувствия и недоумения. Девочки, конечно, «перемывали косточки» Виталика, нашептывая друг другу что-то по углам. Друзья-сокурсники сочувственно похлопывали его по плечу, призывая, как водится, не вешать носа.

Но он как-то особенно и не расстроился, будучи уверен, что всё будет, в конце концов, хорошо, тем более что вечером у него должно состояться свидание с Натой, и к счастью, без Людочки, а это само по себе было ярчайшим событием, рядом с которым все неприятности жизни казались суетной чепуховиной.

Конечно, его угнетала мысль о том, что придётся скрыть результат последнего экзамена от мамы, поскольку говорить ей правду означало убить все её лучшие чувства и надежды в отношении единственного сына. К тому же, сказав правду, «головомойки» было не избежать, хотя от этого шумного мероприятия давно уже больше страдала сама мама, с трудом перенося вспышки волнения собственной горячности.

Виталия немного успокаивало то, что мама верила сыну на слово, не унижая себя и его проверкой зачётки. Но он понимал, что, сообщив маме, так сказать, авансом радостное известие о сданном на «отлично» экзамене, он будет обязан получить при пересдаче именно эту оценку своих знаний.

«Тут, хоть кровь из носа, но лжи не должно быть, иначе сам больше измаешься», — решил для себя Виталик и как-то совсем успокоился на этом.

Впереди был чудесный вечер — вечер-мечта, вечер наедине с Натой!

Море вздыхало во тьме лёгким шелестом волн, как спящий усталый человек. Оно хорошо потрудились жарким днем, принимая в свои прохладные объятия тысячи людей, переноса на своей голубой колышущейся спине сотни кораблей, лодок и яхт. Море отдыхало, растворившись в густой черноте ночи, безучастно отражая свет жёлтой луны и блики береговых огней.

От прибрежных камней пахло зноем, но они тоже спали, уткнувшись в тёплый еще песок.

— Куда ты меня притащил, Виталик? Тут ноги можно сломать, такая темень.

— Не бойся, Натуля, это наши родные «скалы». Они своих не обижают. Иди сюда, здесь уютный гладкий камень, сокрытый от любопытных глаз.

Виталий, после долгого и бессмысленного блуждания по вечерним улицам, уговорил-таки Нату пойти на «скалы». Там было относительно спокойно, в отличие от прочёсываемых милицией парков и скверов. Однако, поскольку все места тайных свиданий были хорошо известны «компетентным органам», и на «скалах» никто не был застрахован от мало-приятной встречи с суровыми представителями правопорядка. Но парень надеялся на удачу, да и ничего другого предложить он не мог, а ему так хотелось побыть с Натой по-настоящему наедине. Чтоб никого совсем. Как Адам и Ева в раю. Благо природа этого края была поистине райской.

— Ну, что, Натуля, нырнём в совсем чёрное Чёрное море?

— Оно сейчас, и вправду, такое чёрное, что даже страшно. А вдруг там меня цапнет какая-нибудь акула? Боюсь я, Виталяка.

Ната как-то очень по-детски прильнула к нему, пряча свою светлую, заметную даже и в темноте, голову у него на плече. Он обнял её и начал ласково целовать в шею. Лёгкие, чуть щекочущие прикосновения губами к трепетной девичьей шее, манящей ароматом чуть пряных духов, кружили ему голову. Он пьянел от нежности всё больше и больше, но сладостная жажда возрастала ещё быстрее, и вскоре их губы слились в долгом жарком поцелуе, переполняющем их юные души страстным трепетом взаимного влечения.

Виталий прижал к себе гибкое, податливое и такое мягкое сейчас тело Наты, как бы желая с поцелуем вобрать её в себя всю, без остатка, соединиться с ней в одно целое навсегда.

— Ну, что, нырнём? — прерывающимся шепотом спросил он, с трудом отрываясь от сладостных губ девушки. — А то я с ума сойду от любви.

Он вновь чуть коснулся губами ушка Наты.

— У меня же нет купальника, дурачок, — тоже шепотом ответила она, всё ещё обвивая руками его плечи.

— Можно и в том, что есть. Здесь темно и никого нет, а я не буду подглядывать, честное слово, — с легким смешком в голосе продолжал уговоры Виталий, обнимая девушку.

— Ладно, уговорил речистый, но, чур, не подглядывать, а то обижусь на всю жизнь.

— Ну, я же сказал, и потом такая темень, что хоть глаза коли, так что не бойся.

Отвернувшись, Виталий быстро скинул сорочку и брюки и, прыгнув с камня на песок, с разбегу нырнул в море. По привычке, он не закрывал глаза под водой, но тёмная неведомая глубина пугала своей плотной беспросветностью, и заставила быстро вынырнуть на поверхность. Держась на плаву, он видел белеющий в темноте силуэт стройной длинноногой фигурки Наты, которая осторожно спустилась с камня и, также осторожно войдя в море, поплыла тихонько, стараясь не замочить брызгами волосы.

Вода была по-вечернему тёплая и казалась густой и маслянистой. Сейчас в воде было теплее, чем на суше. Виталию давно был знаком этот эффект ночного купания, так резко контрастирующего с дневным, когда в освежающей прохладе моря спасаешься от горячего зноя пляжа. И именно этот резкий и неожиданный контраст ощущений придавал ночному купанию особую загадочную прелесть.

Они сидели на камне, чуть поёживаясь от озноба после купания, хотя было тепло — южная ночь обволакивала влажными ароматными испарениями прибрежных камней и песка. Ната надела рубашку Виталия, чтоб хоть как-то согреться, но влажная ткань согревала плохо. Он обнял её одной рукой за плечи и прижал к себе. Так им стало чуть теплее.

— Натуля, как это Людочка тебя одну отпустила со мной? — усмехнувшись, спросил Виталий, хотя он сам приложил к этому руку, намекнув Бепю, что хочет провести с Натой вечер тет-а-тет. Бепю всё понял с полуслова, тем более что на такие дела его уговаривать было не нужно.

— Пришёл твой дружок Бепю и утащил её куда-то. Она не очень хотела уходить, но он оказался таким привязчивым и настырным, что ей не удалось отвертеться. Слушай, Виталька, а сколько ему лет?

— Семнадцать, а что?

— Семнадцать?! Не может быть! Он такой здоровый и потом так нагло себя ведёт, что можно принять его уже за опытного мужчину.

— Он и есть опытный мужчина в свои семнадцать лет. Из молодых, как говорится, да ранних. Кстати, это я попросил его занять Людочку на этот вечер, чтобы нам побыть вдвоём, — Виталий поцеловал её чуть влажные волосы.

— Ах, вот ты какой хитрец! — с шутивым возмущением воскликнула Ната, отталкивая его от себя. Он поймал её, сжавшуюся в комочек, в свои объятия и крепко прижал к груди.

— Я люблю тебя, Ната, люблю, люблю, — горячо шептали его губы, касаясь её пахнущих духами и морем волос. Их губы вновь нашли друг друга...

Яркий свет фонаря, ударивший откуда-то сверху, заставил их в испуге отпрыгнуть друг от друга. Фонарь погас, но послышался топот ног и возня человека, спускающегося с насыпи вниз. Виталий, ещё надеясь, что это кто-нибудь из местных пацанов, любящих пугать фонариком парочки «ночных купальщиков», на всякий случай натянул брюки. Шаги быстро приближались, и через мгновение яркий свет фонаря ослепил его.

— В чём дело? — глухо спросил Виталий, прикрывая глаза ладонью и стараясь разглядеть того, кто светил, хотя уже понял, что это милиционер.

Луч фонаря переместился в сторону Наты, которая, сидела на корточках спиной к свету, уткнувшись лицом в лежавшие на острых коленках руки.

— Это я вас хочу спросить, в чём дело, маладые люди, — раздался грубоватый голос с сильным акцентом. — Что ви здэсь дэлаете в ночное время?

— Мы купались, — ответил Виталий, делая шаг навстречу лучу фонаря и загоразживая Нату от света.

— А ви разве нэ знаети, што ночью на бэрэгу появляться запрещено? Да ещё в таком виде, — с нагловатой усмешкой добавил милиционер, поймав лучом фонаря гипюровый лифчик Наты, висящий для просушки на верхнем уступе камня. — Сейчас поедите со мной в чём есть, а там разберёмся, зачем ви здэсь. — Милиционер сделал шаг вперед и протянул руку к лифчику.

— Слушай, дорогой, — глухо произнёс Виталий, отодвигая его руку, — отойдём на минутку, надо поговорить. — Милиционер как-то по-другому глянул на него и отступил на два шага.

— Ти што, мэстный? — спросил он чуть удивленно.

— Местный, здесь рядом живу, на Батумском шоссе, — ответил Виталий, подходя к нему ближе, но становясь так, чтобы Нату не было видно за его спиной.

— Как фамилья? — спросил милиционер, как бы проверяя его.

Виталик назвал абхазскую фамилию матери, довольно известную в их краях. Называть русскую фамилию отца означало погубить всё дело.

— Так што будэм дэлать? — как-то уже ненавязчиво спросил милиционер. Вблизи Виталий разглядел его уже немолодое усатое лицо с большим мясистым носом и чёрными округлыми глазами. Глаза эти время от времени постреливали за спину парня. Тонкие губы под чёрными усами слегка улыбались.

— Я вас должен оштрафовать, маладые люди, — сказал милиционер, но уже без строгости в голосе.

— У меня нет с собой денег, но я могу завтра... — начал Виталий.

— Ладна, ухадите атсюда побыстрей, — прервал его милиционер и, хлопнув парня по плечу, зашагал прочь.

— Чтoб я ещё когда-нибудь... — услышал Виталий за спиной плачущий голос Наты, — чтoб я ещё... — и она совсем расплакалась, уткнувшись лицом в колени.

— Ну, что ты, Натуля, — бросился он к ней. — Не плачь, всё в порядке. Ну, успокойся, я тебя прошу.

Он обнял её за плечи и, прижав голову к своему плечу, гладил мягкие светлые волосы девушки.

— Как он меня напугал, сволочь! — воскликнула она, немного успокоившись. — Ведь не хотела идти сюда, как чувствовала. А если бы забрал в милицию? Кошмар!

— Ну, до этого, слава Богу, дело не дошло, да и я бы не допустил, — тоже уже успокоившись, сказал Виталий.

— Ты бы не допустил? А что бы ты сделал? Не смей меня!

— Договориться всегда можно, тем более на ночном пустынном пляже, — усмехнувшись, произнес Виталий. — Неужели ты думаешь, что я дал бы тебя в обиду? Ты меня обижаешь, Натуля.

— Сам виноват, что затащил меня сюда, да ещё и обижаешься, — с возмущением воскликнула девушка. — Все вы мужики такие вот наглые!

— Ну, ладно, Натулька, не заводись, всё в порядке, — он снова попытался обнять её.

— Отстань, — увернулась от его рук девушка, — отвернись сейчас же, мне надо одеться.

Виталий нехотя отвернулся, слыша за спиной её испуганные восклицания: «Это же надо так влипнуть!.. Чтoб я ещё когда-нибудь... Кошмар!.. Как чувствовала... Чуть со стыда не умерла... Кошмар!..»

Воистину, от великого до смешного — один шаг.

VI

Через пару дней он успешно сдал на «отлично» последний экзамен. Виталий был особенно доволен тем, что его «аванс», данный маме, полностью оправдался, и совесть его теперь была чиста.

В тот же вечер они с Китом, который тоже «закрыв» курс, решили отметить это событие в каком-нибудь ресторанчике. Бепо и Тука должны были, естественно, составить им компанию.

Тука только вчера вечером вернулся из родной деревни, куда ездил на похороны какого-то родственника. Он вообще частенько ездил на различные и радостные, и печальные торжества, поскольку после недавней смерти отца стал старшим мужчиной в семье, что возлагало на него обязанности поддерживать строгие абхазские обычаи и многочисленные родственные связи.

А обычаи требовали бывать везде, где речь шла о родственниках или близких знакомых. И везде, естественно, накрывался стол с обильными острыми блюдами, и с не менее обильными запасами вина. Тука ужасно мучился на этих застольях и особенно после них, поскольку уже несколько лет страдал жестоким гастритом. Однако деваться было некуда — неписанные законы кавказских традиций следовало выполнять неукоснительно, даже если приходилось запивать лекарство стаканом вина, иначе обидишь близких людей, а это уже позор для всей семьи.

Компания «кентов» сидела на лавочке в тени виноградной беседки за домом, которую соорудили отец и мать Виталия. Отец вкопал в землю четыре высокие трубы, соединив их поверху переплетением проволоки, притащил откуда-то старую садовую скамейку, которую сам же и подремонтировал и покрасил в небесно-голубой цвет.

Мама, с детства привыкшая к земле, знающая и любящая святой крестьянский труд, посадила у каждого столбика виноградный корень. Лоза быстро потянулась вверх, оплетая трубы, и через пару лет широкие виноградные листья образовали над головой живой зеленый полог, укрывающий от летнего жаркого солнца. Осенью беседка украшалась темно-бордовыми гирляндами виноградных кистей, превращаясь в прекрасную дароносицу, как бы вознаграждающую добрым вином труд людей.

Солнце, дроблёнными лучами и пятнами пробиваясь сквозь листву винограда, рисовало яркие фантастические картины на зелёной траве палисадника и на лицах четверых юношей, сидящих на голубой скамейке. Обсуждая предстоящий вечер, «кенты» решили провести его в сугубо мужской компании, поскольку вскоре предстояла разлука с Бепо и Тукой, которые должны были уезжать в Тбилиси, чтобы поступать в институт.

Виталик намекнул насчёт Наты, тем более что у него было назначено с ней ежевечернее свидание.

— Вит, мы же договорились «бэз никому», — шутиливо воскликнул Кит.

— Она скоро уезжает, Кит, — грустно сказал Виталик.

— Да, ладно, Кит, пусть возьмёт, — подал голос Бепо. — Только её одну, без этой мартышки-Людочки.

— Давно ли она стала мартышкой, Бепо? — усмехнувшись, спросил Виталий.

— Она всегда ею и была, Вит, просто иногда ей удавалось это удачно скрывать, — безапелляционно заявил Бепо. И саркастически добавил, — Только не от меня.

— Ну, ты у нас известный специалист по мартышкам, — насмешливо бросил Тука. — Вит, а эта Ната что за птичка?

— Прошу не касаться светлого образа богини немывтыми руками, сэр, — с ироничной напыщенностью ответил за Виталия Бепо.

Виталик молча посмотрел Туке в глаза. Тот ответил ему таким же прямым взглядом, в котором читалось понимание. Они уже давно понимали друг друга без слов, как братья. В их отношениях уже было что-то большее, нежели простая привязанность или чувство «кентовского» долга — они давно породнились душами, тянувшимися одна к другой, несмотря на все индивидуальные различия и особенности двух друзей.

— Лады, договорились, — подвёл черту Кит. — Шустрите «бабки», братишки, кто сколько сможет, и ближе к вечеру рванём в «Марнеули».

Спустя час Виталий ждал Нату на автобусной остановке у парикмахерской, где работал любимец всего района «брадобрей» Алёша-армянин. Все, кто знал Алёшу, а в их районе его знали, практически, все мужчины, отдающие предпочтение бритью у цирюльника, считали своим долгом бриться только у него.

Удовольствие это стоило, конечно, чуть дороже прейскуранта, но это было настоящее удовольствие. Виталик, когда имел в кармане пару лишних рублей, обязательно старался доставить себе этот «кайф», потому что после почти артистичной Алёшиной работы он ощущал себя не просто хорошо выбритым, а как будто заново родившимся. Казалось, что вместе со щетиной Алёша умудрялся снимать и всю засоряющую душу ненужную порось. Ловко и как-то воздушно работая помазком и лезвием опасной бритвы, Алёша развлекал клиента ни к чему не обязывающими разговорами, украшая свою речь прозрачными комплиментами, как бы невзначай похваливая то его внешность, то волосы, то щетину. Он любил своего клиента и, неудивительно, что Алёшу-армянина любили все, и в то время, когда его коллеги, порой, скучали без дела, у Алёши была очередь желающих побриться именно у него.

Подружки появились только в начале девятого. Ната с Людочкой шли под руку со стороны турбазы навстречу Виталию.

— Привет, девочки, как загорается? — приветствовал он их.

— Здравствуй, Виталька, — прочирикала Людочка. — Как успехи, экзамены сдал?

— Порядок, всё на высшем уровне, — ответил он и, глянув на Нату, взял её под руку. — Натуль, можно тебя на минуточку? Людочка, пardon, — улыбнулся он состроившей на лице понимающую мину Людочке.

— Натуля, тут вот какое дело, — растягивая слова, произнёс Виталий, когда они отошли в сторону. Ему было заранее неловко, поскольку всё это было, на его взгляд, совсем нездорово.

— Понимаешь, мы с ребятами собрались сегодня в ресторан. Отметим, так сказать, успешное окончание сессии и всё такое. В общем, я тебя приглашаю.

— А Людочка? — сразу поняв, в чём дело, с вызовом спросила Ната.

— Её, к сожалению, никто не приглашает, — сухо ответил Виталий.

— Тогда и я не пойду, — с обидой в голосе сказала Ната. — Почему я должна бросать её одну?

— Ну, что вы, приклеенные, что ли? Пусть ходит в кино на турбазе или на танцы. Нельзя, что ли, один вечер без Людочки провести? — уже раздражаясь, напирал Виталик.

— Это ты не можешь обойтись без своих друзей. Ты же знаешь, мы скоро уезжаем. Вот, давай, пошли сегодня в ресторан с нами, — задорно воскликнула она. — Не волнуйся, деньги у нас есть, мы тебя приглашаем.

— Этого ещё не хватало, — всё больше злясь, ответил он. — Я не привык ходить в кабаки за чужой счёт, дорогая.

— Ну, и иди тогда к своим друзьям, — фыркнула Ната и, резко повернувшись, отошла к стоящей в стороне Людочке.

— Ната, подожди! — бросился за нею Виталий.

— Отстань, я с тобой не пойду, — не оборачиваясь, бросила Ната ледяным голосом.

Парень остался стоять как вкопанный, наблюдая за удалявшимися в перспективе вечерней улицы силуэтами девушек. Настроение было, конечно, испорчено. Он был ужасно зол и на себя, и на друзей, и на Людочку, короче, на весь белый свет... кроме Наты. Ей одной он был готов простить всё что угодно, готов был даже умереть за неё, если потребуется, а она...

Обида, пришедшая на смену утихшей злости, душила его, сжимала горло мёртвой хваткой спазма. Закурив сигарету, он жадно затянулся несколько раз, и чуть успокоившись, пошёл в сторону дома.

В загородный ресторан «Марнеули» друзья прикатили уже около десяти вечера. В душном, прокуренном зале сидеть совсем не хотелось, поэтому «кенты» расположились в стоящей рядом с основным зданием ресторана плетёной избушке, где всё было максимально устроено в соответствии с национальным колоритом. В таких плетёных из хвороста домиках, называемых «апацха», жили в старину абхазские крестьяне. Теперь все крестьяне живут, как правило, в кирпичных двухэтажных особняках со всеми удобствами, а некоторые даже со всеми суперудобствами, предоставляя древней «апацхе» роль одного из элементов пышной национальной экзотики, столь необходимой для привлечения интереса приезжих курортников и туристов.

Прямо посередине помещения уютного низенького домика горел настоящий огонь в настоящем очаге. Над очагом на прокопченных балках потолка на цепях висел большой котел для приготовления мамалыги, на специальных крюках коптились коричневые кружки сыра, стены украшали медвежья шкура и гирлянды сухого красного перца и чеснока. Компания расположилась за низеньким столиком в углу у плетёной стены. Столик был сколочен из простых, гладких, выскобленных ножом досок. Стульями служили низенькие пузатые чурбачки.

Молодой человек в красной черкеске — не хотелось называть его «официантом» — принял заказ и вскоре на их столике появился нарезанный ломтиками жёлтый копченый сыр сулугуни, чуть красноватое внутри копчёное мясо, овощи, зелень, лаваш, ну, и, конечно, несколько бутылок вина. Специально для Туки, предпочитающего, по возможности, не пить вино, была заказана и бутылка водки. Человек в белой поварской куртке склонился над пылающим очагом и стал наливать воду и засыпать муку в закопченный котел, чтобы приготовить для них традиционную абхысту — абхазскую мамалыгу. Кит разлил всем по стопке водки.

— Я пью только водку, — сразу же заявил Тука, — поэтому прошу особо на неё не налегать.

— В этой связи, дорогие друзья, есть, так сказать, предложение избрать тамадой сегодняшнего нашего застолья самую трезвую в перспективе голову. Я имею в виду нашего дорогого брата Туку, — чуть выпренно и наигранно произнес Кит, поднимая свою стопку. — Надеюсь, все присоединятся. Тука, за тебя, дорогой!

— Да ладно вам, какой я тамада, — пробовал возразить Тука, но Виталий и Бепо, поддержав первый тост Кита одобрительными взглядами, выпили «его здоровье», прекратив тем самым «прения» и признав избранного законным тамадой.

Тука, имевший уже солидный опыт различных застолий, «повёл стол» по всем правилам, неторопливо переходя от одного традиционного тоста к другому. Впрочем, в их дружеской, «свойской» компании можно было особенно и не придерживаться всех строгих застольных канонов, однако Тука относился к этому делу столь же серьёзно, как он привык относиться и к любому другому. Он вообще любил всё делать по-настоящему, за что Виталий и любил его, отличая от Кита и Бепо, которые порой увлекались словесными фантазиями и обещаниями, выказывая на поверку — «пшик».

Вскоре на столике появилась дымящаяся паром горячая мамалыга, в которую тут же было всажено по два-три куска сыра. После мамалыжной «парной» сыр становился тягучим, как жевательная резинка, и нежно таял во рту, оставляя приятный, чуть солоноватый привкус.

Аппетитный вид и запах дымящейся мамалыги напомнили Виталию его первую «дегустацию» этого национального блюда. Тогда он, ещё мальчишка-подросток, впервые приехал в гости к своей тётушке Антонине, младшей сестре мамы, которая жила со своей большой шумной семьёй в небольшом, но прекрасном и знаменитом на всю страну черноморском курортном городке Гагра.

Для Витальки всё тогда было в новинку: и пышная вечнозеленая растительность, и жаркое солнце юга, и море, и люди, говорящие, кроме русского, на других непонятных языках. Большая семья тетушки жила в большом белом двухэтажном каменном доме с монументальной двухъярусной внешней лестницей, украшавшей своими мощными точёными балясинами побелённый известью фасад. Окружающий дом участок был засажен фруктовыми и цитрусовыми деревьями, в основном мандаринами. Когда-то на месте этого солидного белого дома с широкой «музейной» лестницей стоял скромный деревянный домик на сваях (а рядом — та самая «апацха»), где жила большая крестьянская семья, и где в далекие двадцатые годы родилась мать Виталика.

В то время, по рассказам мамы, их земля была, в основном, засеяна не мандариновыми деревьями, а кукурузой и виноградом, которые требовали больших трудов и большого пота. Что ж, у каждого времени свои ценности.

Улочка, на которой стоял дом тетушки, круто уходила вверх, в гору. Собственно, это даже и не была улица в прямом смысле слова. Просто окруженные небольшими, но густыми садами, частные дома и домишки, забирающиеся всё выше и выше в гору, были соединены узкими, кое-где и не асфальтированными дорожками, по которым раньше ходили пешком или ездили на лошадях и ослух, а теперь здесь едва проползал легковой автомобиль. Сами обитатели этой улицы называли своё поселение «аулом» и были во многом правы, поскольку многие семьи жили в этом месте уже издавна, являясь ответвлениями древнего абхазского рода, объединившегося в подобие родового гнезда. А первым, ещё в 80-е годы XIX века, поселился здесь прадед Виталия Осман, пятеро детей которого и образовали в последствие те самые ветви большого генеалогического древа этого уважаемого абхазского крестьянского рода.

Люди, поселившиеся здесь позже, невольно со временем вживались в родовые традиции аула, подчиняясь его неписаным законам и обычаям.

В тот памятный август стояла убийственная засуха. Дожда не было уже больше месяца. Жаркое солнце сжигало листья винограда, убивая ожидаемый вскоре урожай. Дождь был необходим, как жизнь, люди просили дождя у своего Бога, но и Богу, как и положено, надо было платить. Бог этот был, безусловно, языческий, потому что в один из знойных дней весь аул собрался на лужайке небольшой ореховой рощи,

через которую протекал горный ручей с прозрачной холодной и очень вкусной водой.

Наверное, когда-то и густая роща с изумрудной лужайкой, и поистине серебряный ручей почитались священными, иначе, зачем надо было собираться именно здесь.

Люди знали, что Богу в уплату за дождь надо принести в жертву бычка. Люди зарезали бычка, сварили его мясо в больших котлах на огне костров, разведенных на краю лужайки, недалеко от ручья. В других котлах сварили густую пресную кукурузную кашу — абысту-мамалыгу. Прикатали и поместили прямо в холодный ручей большой бочонок вина. Когда мясо и мамалыга были готовы, все уселись в ряд, друг против друга, прямо на пушистую траву лужайки в тени густого орешника и начался пир, видимо, во славу того самого языческого Бога, но приятно было, безусловно, всем собравшимся.

Горячую, дымящуюся мамалыгу накладывали деревянной лопаткой на широкие листья какого-то растения, вроде лопуха. В упругое, но податливое «тело» мамалыги вонзали кусочки белого сыра с певучим названием «сулугуни». Разрезанное на куски горячее отварное мясо лежало на таких же лопухах. Рядом с горкой из мяса, как на страже, стояли с двух сторон небольшие глубокие чашечки с солью и аджикой. Вдоль рядов сидящих бок о бок людей расположились на небольшом расстоянии друг от друга кувшины и бутылки с белым вином. Солнце уже клонилося к закату, пуская блики «зайчиков» сквозь листву орешника. Всем было очень хорошо. Богу, который, наверное, наблюдал за людьми с невидимых горных высей, всё это тоже должно было понравиться — более божественного пира было просто не придумать.

Через пару дней тяжёлые крупные капли долгожданного дождя ударили по листьям деревьев и, вскоре превратившись в упругие струи мощного продолжительного ливня, напоили умирающую от жажды землю.

Видимо, Бог принял застольную жертву людей и внял их мольбам о спасительном дожде.

— За наш благословенный край, за живущих здесь хороших людей, — провозгласил Тука очередной тост. — Алаверды тебе, Кит.

— Ну, что я могу добавить, дорогие друзья, к словам нашего уважаемого тамады, — чуть театрально, в своей манере, начал Кит. — Существует древняя легенда, которая гласит, что когда Бог раздавал народам земли, и каждый народ лез вперёд, чтобы получить кусок получше и пожирнее, наши крестьяне сидели и пили вино, как мы с вами сейчас. Когда они встали из-за стола и тоже пришли к Богу, чтобы получить землю для своего народа, всё уже оказалось роздано, и остался лишь небольшой кусочек поистине райской земли, которую Господь хотел сохранить для

себя. Но оставлять наш народ без земли он тоже не мог, поэтому ему и пришлось отдать то, что он хотел оставить себе. Так выпьем же за наш действительно райский уголок, за наш божественный край, где живут счастливые люди, одарённые самим Богом.

— Ну, выдал! — рассмеялся Бепо, — молоток! Только это не легенда, а скорее анекдот.

— Это не важно, главное — суть, — важно заявил Кит и выпил свой стакан.

Виталий и Бепо, после столь пышного тоста Кита, скромно провозгласили здравицу родному краю и его людям. Тостов уже было поднято изрядно. Застолье постепенно превращалось в молодежную пирушку, каждый участник которой, разгорячённый вином, норовил захватить общее внимание какой-нибудь своей, как правило, смешной историей.

Официант в черкеске и тот человек, что варил для них мамалыгу, куда-то ушли. Они были одни в этом маленьком плетёном домике. За спиной ещё пылал огонь очага, даруя приятное тепло и освещая бликами их дружеское застолье.

— Ха-ха, а помнишь, Тука, как ты преподнёс немцам вино от нашего стола? — с громогласным хохотом начал Кит. — Мы тогда отмечали в кабаке день рождения Вадика, он приехал из Гагры.

— А ну, Расскажи, — заранее усмехаясь, попросил Бепо, хитро глянув на Туку.

— Мы тогда здорово набрались, стол ломился от бутылок с вином, а пить уже не хотелось, все были уже «упакованные», помнишь, Вит?

— Да, это было в день рождения Вадика, моего двоюродного брата, — подтвердил Виталик. — Мы отмечали это событие в ресторане на крыше многоэтажного универсама «Апсны».

— Однако самым весёлым в тот вечер был Тука, — продолжал со смешком Кит. — Танцевал все танцы подряд, включая «шалахо» и «семь-сорок». А рядом с нами, за соседним столиком, сидели четверо немцев — две пары, уже немолодые. Они тянули одну бутылку сухого на четверых и балакали на своём, поглядывая на наш, заставленный закусками и бутылками, стол. А мы ещё, кажись, тогда в школе учились, а, Вит?

— Да, я заканчивал десятый, — подтвердил Виталий.

— А я, значит, был в девятом, — уточнил Кит и вдохновенно продолжил. — Так вот, нам стол этих немцев совсем не понравился, и мы решили украсить его нашей бутылкой — всё равно вино уже девать было некуда. Наш весёлый пьяный Тука был готов тогда на всё, поэтому долго упрашивать его не пришлось. Мы сказали ему, чтоб он отнёс немцам бутылочку от нашего стола и сказал им всего лишь одно слово «фрэйендшафт» — «дружба» по-нашему. Причем попросили его повторить это слово несколько раз, чтоб он не забыл по дороге, хотя от нашего до их стола было всего два-три шага.

Тука смело берёт бутылку, пошатываясь подходит к немцам и, со стуком поставив её на столик, вдруг гордо заявляет: «Швайн!», улыбаясь при этом во весь рот. Немцы слегка ошалели, глядят на него, как на идиота, а мы, услышав такое, чуть не попадали от смеха со стульев, но вовремя успели среагировать и стали руками показывать опешившим интуристам, что это презент «от всей души». Короче, они, конечно, от дармового вина не отказались, и мы с ними ещё тяпнули, но уже по настоящему, «за мир-дружбу».

— Ну, Тука, молодец, — хохоча во всё горло, воскликнул Бепо. — Не зря теперь в иняз поедет поступать, будет знать ещё и по-английски: «Май нэйм из э тейбл».

Дружное молодое ржание сотрясло плетёные стены апацхи. Тука хохотал вместе со всеми, ничуть не смутившись своими более чем скромными познаниями в области иностранных языков. Науки вообще мало привлекали его, практика жизни была ему ближе, да и положение старшего мужчины в семье обязывало само по себе. А может, подумал Виталик, это бранное немецкое слово и не зря сорвалось с его уст в тот момент — отец Туки во время войны побывал в немецком плену и потерял там здоровье.

— Тука, а вообще-то на черта тебе этот иняз, ты же не бум-бум в этом деле? — усмехаясь, спросил Бепо.

— Предложили лимит, да и какая разница — был бы диплом, — отмахнувшись, ответил Тука.

— Да, без бумажки у нас теперь никак, — компетентно заявил Кит.

— Без бумажки, дорогой, и в сортир не сходишь, — со смехом подхватил Бепо, хлопая Туку по плечу.

— Вит, а ты чего это загрустил, бродяга? — усмехнувшись, глянул на Виталия Кит. — Переживаешь? Да, брось ты, нашёл, о чем печалиться. Не хватит что ли девчонок на наш век? Подумаешь, московские птички прилетели. Сегодня одни прилетели, завтра другие залетели — только успевай силки ставить.

— Отстань от человека, ему попалась жар-птица, — иронично вставил Бепо. — Но она скоро улетит, оставив в его руках сияющее волшебное перо чудесных воспоминаний. Слушай, Вит, а будет потом хоть что-то вспомнить, а? — толкая Виталия плечом, заговорщицки прошептал Бепо, подмигивая остальным. — Ладно, расколись, все свои. Ната твоя — пирожок, конечно, сладкий на редкость. Не будь ты моим «кентом», я бы...

— Смотри, как бы не подавиться, — начиная злиться, глухо произнёс Виталик.

— Да, ладно, Вит, не заводись, шучу я, — по-дружески толкнув друга плечом, с улыбкой проворковал Бепо. — А всё-таки, ты как там, сумел... кое-чего добиться?

То юности стремительные годы...

— Отвяжись, придурок, — уже равнодушно произнес Виталий. — У тебя одно на уме.

— Да, я честный человек, — с шутиливой гордостью заявил Бепо, — и не скрываю, что брюнетки — моя страсть, а блондинки — моя слабость. У меня хобби такое, а что? Вам оно не нравится, господа-приятели?

— Отчего же не нравится, — усмехнулся Кит, — и мы, грешные, время от времени стараемся пополнять свою коллекцию. В меру сил, конечно.

— Но за Бепо нам не угнаться, Кит, — вставил Тука. — Он у нас страстный собиратель редкостей. Одна его якутка с золотыми зубами чего стоит, помнишь? А Лёля — колобок рязанский... — И компания вновь загоготала.

— Чем вам не понравились её золотые зубы? — сделав свою «фирменную» каменную рожу, с вызовом спросил Бепо. — Хотя деревянные, было бы всё остальное на месте. Тоже мне аристократы нашлись. Зато она была такая... ух! — закатывая глаза, пропел Бепо. — Пожар, а не женщина!

— Смотри, шкуру не подпали, пожарник, — со смехом бросил Виталий.

— С этим пока везло, — усмехнулся в ответ Бепо, — надеюсь на удачу и в будущем.

— Вот за это и предлагаю последний тост, — поднял свой водочный стаканчик Тука. — Все мы на это надеемся, ждем от жизни чего-то хорошего в будущем. Дай Бог, как говорится, чтоб и нам в пути светила звезда удачи, чтоб и нам, грешным, подфартило в наших делах. За удачу!

— За удачу, — поддержали его друзья, подняв и осушив свои стаканы.

Огонь в очаге уже почти затих. Лишь раскалённые угли, потрескивая время от времени, мерцали красно-синими всполохами.

На дворе их встретило чёрное, усыпанное яркими алмазами звезд, южное небо, увенчанное светящимся, как огромная жемчужина, диском луны. Было тепло и безветренно.

Ресторан, расположившийся на взгорке у дороги, уже гасил свои огни. Последние посетители, в основном, солидные, внушительных объемов мужики, громко переговариваясь пьяными голосами, рассаживались по своим «Волгам» и «Жигулям» и, поспихалив на прощание, отъезжали в сторону города, долго посверкивая во тьме яркими рубинами задних габаритных огней своих авто.

Загородный ресторан «Марнеули» считался солидным заведением для солидных людей, хотя бы по той причине, что людям, не имеющим личного автотранспорта, даже после прекрасно проведённого вечера, пришлось бы топать пешком несколько километров до шоссе, да и там неизвестно, как повезёт с попутной машиной до города.

Но что такое пройти несколько километров по асфальту в тёплую южную ночь, если тебе ещё нет и двадцати, если ты топаешь рядом со своими лучшими друзьями, если ты немного «под кайфом», и у тебя всё в порядке?

Гладкий асфальт дороги блестел в лунном свете, как зеркальный. Луна бежала слева, зависая над дальними лохматыми черными холмами и поймой мелкой, но широкой речки Марджари. Лишь редкие далёкие огоньки частных домов доказывали, что места эти тоже обжиты человеком. Однако и огоньки эти не нарушали чуть мрачного величия природы — тьма поглотила все приметы человеческого вторжения в её великолепное царство.

Дорога петляла вдоль нависающей справа лесистой горы. Косматые ежевичные заросли и размашистые ветви акаций-мимоз кое-где нависали над дорогой шупальцами лесных чудовищ. За очередным поворотом шум реки стал ближе, в лицо пахнуло влажной прохладой ущелья.

Друзья долго топали молча, как бы не желая нарушать звуками голосов этого чудесного великолепия.

— Вит, выдай что-нибудь из своих, — как всегда неожиданно встретнулся Бепю, обняв Виталия за плечи. — Что-нибудь про луну, могёшь?

— Можно и про луну, — ответил Виталик и, чуть помолчав, собираясь с мыслями, прочитал:

Вечерняя звезда, печальная Мадонна,
Глядит задумчиво — одна, совсем одна,
В заката музыке, спокойной и бездонной ...
И ночь рождается ...

А жёлтая луна,
Как дно консервной банки, отражает солнце
И светит, глупая, на чёрные холмы,
И нагло, мёртвая, хихикает, смеётся,
Лишая мир его чудесной тьмы.

— Здорово, ты молоток, — похвалил Бепю, — А если что-нибудь про любовь ...

— Можно и про любовь, вот, например:

... — О, не клянись луной непостоянной,
Луной, свой лик меняющей так часто!
— Так чем поклясться мне?
— А не клянись ничем
Иль, если хочешь, поклянись собою,
Самим собой, о души моей кумир!..

То юности стремительные годы...

— Ну, это, по-моему, не твоё, — хитро улыбнулся Бепо.

— Угадал, это Шекспир. Но разве хуже, чем у меня? — пошутил Виталик. Все дружно рассмеялись.

— Тука, а ты хоть одно стихотворение знаешь? — заранее посмеиваясь, спросил Бепо идущего рядом с ним Туку.

— Конечно, знаю, Бепо, дорогой:

Добрый доктор Айболит,
Он под деревом сидит.
Приходи к нему лечиться
И корова, и волчица,
И жучок, и паучок,
И наш Бепо-дурачок...

— Дурак умного сгребёт, и дрова на нем везёт, — в тон ему продекламировал ничуть не смутившийся Бепо.

— Стихоплётов развелось — деваться некуда, — саркастично заметил Кит. — Ладно ещё Вит упражняется, ему простительно — будущий филолог, а вы-то куда лезете — ни ухом, ни рылом?

— А чем мы хуже? — шутливо воскликнул Бепо, — мы тоже в Пушкины хотим, скажи, Тука?

В кустах и траве, упиваясь своими нескончаемыми ариями, стреко-тали цикады и кузнечики. Вокруг было, и впрямь, хорошо и без поэзии. На фоне этой чудесной живой декорации, освещённой фантастически-голубоватым светом луны, не слышной, но захватывающей мелодией звучала торжественная ода во славу матери-природы.

VII

На следующее утро Виталий, быстро позавтракав, отправился на пляж. Душа его была неспокойна. Нелепая размовка с Натой выбивала его из колеи, лишая душевного равновесия и покоя.

Как водится, дурные предчувствия не обманули — Наты и Людочки на пляже не оказалось. Он несколько раз прошёл туда и обратно вдоль берега, до рези в глазах вглядываясь в скученные груды полуобнаженных тел, предположив вначале, что они просто сменили место. Но девушек нигде не было, и на душе у Виталика стало совсем плохо.

«Куда они подевались? Где их искать? Что делать? — бестолковые мысли с бешеной быстротой крутились в его голове. — Нет, тут что-то не то», — решил он, в конце концов, измучившись догадками.

Проведя в лихорадочном волнении весь день, вечером он решил заглянуть к Томазу.

«Чем чёрт не шутит, может, этот проныра опять к ним пристроился?», — мрачно размышлял Виталий, стервенея в душе от ревности. Мать Томаза, крашенная и всё ещё молодящаяся рыжая дама, в своей обычной, чуть кокетливой манере, пропела: «А Томаза нет дома. Они ещё утром уехали с товарищем к нему на дачу. Сказал, что будет только завтра».

«Неужели он уволок девчонок на дачу своего дружка? Ну, собака, держись, если так. Не дай ему Бог Нату пальцем тронуть, затопчу как жабу поганую», — страдая от ревности и душащей его злобы, шипел про себя Виталик. Мысли путались в его голове, ужасные предположения и мерзкие картины, всплывающие в сознании, не давали ему успокоиться, держа нервы в крайнем возбуждении. Он курил одну сигарету за другой.

— Сынок, ты не очень часто куришь? — обратила внимание мама. — Так нельзя, что с тобой?

— Ничего, мама, — коротко бросил Виталий, — всё в порядке.

— Но я же вижу, что не в порядке, — не отступалась мама, — ты что-то скрываешь от меня, да?

— Ничего я не скрываю, — уже раздражённо произнёс он, — просто настроение плохое.

— Наверное, не надо было вчера так долго сидеть в ресторане, — с укоризной глянув на него, сказала мама.

— Ты права, как всегда, мам, — уже спокойно и грустно ответил сын.

На следующее утро Наты и Людочки на пляже опять не оказалось. Томаза дома тоже не было. Виталий ходил, как пришибленный, яростно грыз ногти, курил сигареты одну за другой. Сидеть дома было невыносимо. Кит и Бепо куда-то пропали, и он решил заглянуть к Туке, может, хоть этот дружок дома. Был уже полдень, и Виталий удивился, застав Туку спящим.

— Э, не пора ли нам пора, — растолкал он мирно посапывающего в подушку друга.

— А! — вздрогнув, очнулся Тука. — Привет, Вит, — вытирая стекавшую по подбородку слюнку и сладко потягиваясь, вяло произнес он.

— Всё дрыхнешь, бездельник несчастный, — с шутилой укоризной произнес Виталик, присаживаясь на соседнюю пустую кровать, где спал обычно младший брат Туки Лерик. — Дверь открыта, дом пустой. Входи, бери что хочешь, а хозяин спит, как суслик. Ну, ты хорош!

Тука жил в собственном двухэтажном доме типичной, но скромной для здешних мест, постройки — внешняя бетонная лестница с металлическими перилами из гнутых труб, которая вела на второй этаж, прилепилась у боковой стены; небольшой балкончик с таким же, как у лестницы, ограждением и с навесом из жести, украшал второй этаж

фасада. Примитивная, но обычная планировка — этаж просто делился на четыре равные части крест-накрест, образуя по четыре равновеликие комнаты в каждом этаже. Правда, две комнаты на втором этаже были объединены в одну большую — «зал», без которого не может обойтись ни один уважающий себя местный домовладелец, да и законы гостеприимства обязывали иметь просторное помещение, где можно разместить, по необходимости, большое количество гостей.

На втором этаже жила семья Туки — мать, брат и он сам. Нижние комнаты сдавались внаём отдыхающим и студентам, что было, несомненно, сильным подспорьем в бюджете их, оставшейся без «кормильца», семьи. Отец Туки, Виталик хорошо знал его, был спокойным, работающим человеком, прошедшим войну и плен. Хлебнув горяшка в лагере для военнопленных, он нашёл в себе силы бежать, но убежать от приобритённых на «фашистском курорте» болезней старый солдат не мог. Все послевоенные годы он мучился язвой и еще какими-то недугами, иссушающими его, не по годам, постаревший организм. Маленький, сухонький, невзрачный на вид, но как будто с какой-то заметной стальной пружинкой внутри, немногословный и строгий человек — таким отец Туки, «дядя» Апта, запомнился Виталию навсегда.

— Э, кончай спать, морда! — воскликнул Вит со смехом, заметив, что Тука снова прикрыл глаза, — имей совесть, соня.

— Не могу проснуться, глаза не открываются, — промямлил Тука, и, явно собравшись с силами, сел на кровати, стараясь прийти в себя. — Спать не дал этот идиот, — пробурчал он, но уже с улыбкой. — Представляешь, в пять утра, ещё темно, кто-то меня расталкивает. Я, конечно, после вчерашнего загула сплю, как убитый. Встаю — стоит Бепо с рюкзаком на плече. Я ошалел! «Ты чего?», — спрашиваю. А он, гад, с такой серьёзной рожей гробовым голосом говорит: «По радио объявили, что китайцы напали. Война. Я иду на сборный пункт, пойду добровольцем». Меня даже пот холодный прошиб от неожиданности. Сначала поверил, представляешь! Лерик тоже проснулся, смотрим оба на него, как чокнутые, а он присел на стул, грустно так посидел, вроде на прощанье, а потом как начал ржать. Мы прибить его хотели, но потом тоже стали смеяться — здорово разыграл! После этого уснуть не мог долго — всё какие-то мысли дурацкие лезли в голову. Вот и дрыхну, проснуться не могу из-за этого придурка.

— Ну, Бепо, учудил! — сквозь смех, выдавил Виталик. — А как же он вошел так тихо?

— Матушка сутки на дежурстве, а я забыл дверь запереть, — вылезая, наконец, из постели, сонно проворчал Тука. — Сам спит сейчас, наверное, козёл.

— Нет его дома, куда-то с Китом «уплыли». Да он такой, что может ночь не спать ради прикола.

Тука бестолково бродил по комнате, разыскивая свои вещи.

— Опять Лерик мою сорочку надел, паразит! — с возмущением воскликнул он. — Свою грязную бросил, а мою чистую напялил. Специально раньше меня встает, шустила.

У них с Лериком, который был всего на два года моложе Туки, шла постоянная захватническая «шмоточная война» — кто первый успел надеть, тот и носит, пока другому брату в руки не попадет.

— Вы с Лериком как Кит с сестрой, — улыбаясь, сказал Виталий. — Только те сладкое поделить не могут. Тут захожу за ним как-то утром, мы в институт, ты знаешь, вместе ездим, а он, собираясь, как всегда, впопыхах, приносит из кухни кусок торта и прячет его в свою тумбочку. «А то слопают толстуха», — объясняет он мне, имея в виду Ноннку. Потом снова пошел на кухню и слышу, говорит ей: «Мой торт не трогай, а то пожалеешь!» Только мы за дверь, а из квартиры ее голос: «А я всё равно съем, поняла?!» Ты бы видел, как Кит рассвирепел. Я думал, он дверь сломает — так долбил руками-ногами. Ноннка, конечно, испугалась, знает, какой он бывает бешеный, и поклялась не трогать. С тем мы и уехали в институт, но, мне кажется, Кит не был до конца уверен, что она не съест его «долю», наверное, на лекциях только об этом и думал. «Представляешь, кастрюлю компота за ночь, пока я сплю, выпивает, толстуха», — жаловался он мне. Мать им всё сладкое пополам делит, иначе — война.

— Рубашку или джинсы пополам не разделишь, — резонно заметил Тука, натягивая, в конце концов, штаны.

Вкратце поделившись в другом своими волнениями в отношении Наты, Виталий уговорил его пойти с ним после обеда на пляж — может, они там, наконец, объявятся. Тука, как и Кит, не любил пляжа, да и в море он не купался уже давно — то ли врачи не советовали, то ли сам не очень любил это развлечение.

Послеполуденный пляж был так же полон, как и утром. «Господа курортники» отбывали свою «повинность» от и до, тем более что за это удовольствие им приходилось платить и, порой, немало. А за свои кровные они уж позагорают, как говорится, в три слоя.

Ната и Людочка лежали на своем обычном месте, как ни в чем не бывало.

— Привет, девочки, — чуть сдержанно поприветствовал их Виталик, внимательно разглядывая Нату, будто стараясь найти на ней следы недавних порочных приключений. — Как отдыхается?

— Привет, Виталька, — пропела в своей манере Людочка, стрелнув глазами в сторону Туки.

— Прощу, как говорится, любить и жаловать — мой друг Тука.

— Очень приятно, Людмила, — улыбаясь тонкими губами, не без кокетства представилась Людочка.

— А это Ната, — присаживаясь с ней рядом на песок, сказал Виталий, взглянув на Туку.

— И мне очень приятно, — ответил тот и присел с ним рядом.

Ната молча и чуть отчужденно поглядывала на Виталия, время от времени бросая изучающий взгляд на Туку.

— Как жизнь, Натуля? — чуть задиристо спросил Виталик, поймав ее взгляд. — Где пропадали, нас бросили?

— Это вы нас бросили, друзья, — сухо ответила Ната, пристально глядя ему в глаза.

— Говорят, вы были на экскурсии в окрестностях нашего очаровательного городка, — не без иронии произнес Виталик. — Изучали фауну и флору?

— А почему бы и нет, если больше заняться нечем, — задиристо, со смешком, ответила Ната. — Вы же все деловые-занятые.

— Ну, и как вам наша фауна? Не напугали вас местные гиены и шакалы? — ехидно спросил Вит.

— Таких зверей мы не встречали, — в тон ему с ехидной улыбкой ответила девушка.

— А-а, вам всё больше львы да тигры, наверное, попадались. Ну, и как охота? Добыли хорошие шкуры и меха?

— Все шкуры «со смехом», Виталька, не волнуйся, — подмигнув Людочке, со смешком отпаривала Ната.

— Хватит вам, ей-богу, — вставила Людочка, глядя на них. — А то, боюсь, сами кусаться начнете, как тигры.

— Где ты увидела здесь тигров, Люда? — заливаясь бесшабашным смехом, воскликнула Ната. — Не смеши меня!

— Кажется, нас оскорбляют, а, Тука? — с шутливой угрозой произнес Виталий, обращаясь к другу. — У тебя кинжал с собой? Сейчас «всэм будэм порезать»!

— Кого ты собрался резать, Вит? Этих милых девушек? Ты позоришь мои седины, сынок, — в тон ему ответил Тука. — Мы их на руках будем носить, как настоящие джигиты.

— До ближайшей пропасти, что ли? — со смехом спросила Ната. — Знаем мы вас, джигитов.

— Может, кого-то вы и знаете, уважаемая Ната, а вот нас, вы явно знаете плохо.

— Значит, надо поближе познакомиться, — вставила Людочка. — Тем более что обещают на руках носить, а, Натуля?

— Обещать они все тут мастера, — не сдавалась Ната, — а чуть что — и в кусты.

— Это в каком смысле — в кусты? — иронично спросил Виталик. — Можно найти и более комфортабельные места.

— Ага, «скалы», например, — глянув на него, усмехнулась Ната.

— Мы к горам привычные, можно и на скалах дом построить, — поняв ее по-своему, сказал Тука. — Главное, чтоб в этом доме жили любовь и согласие. Разве я не прав?

— Спорить трудно, — согласилась Ната, глянув на Туку с интересом. Ей явно понравилась его спокойная мужская манера общения, без прищипывания в этих краях заигрывания.

— Ну, вот и не будем больше спорить, — подвел черту Виталик, уже с нескрываемой нежностью глядя на Нату.

— Мы, между прочим, завтра улетаем домой, — прощепетала Людочка. — Так что у нас сегодня, как говорится, прощальный вечер.

— Ну, это дело надо как следует отметить, не так ли? — вопросительно взглянув на Нату, бодренько предложил Виталий и тут же ощутил внутри какую-то пугающую пустоту. «Вот так уедет, и всё? — звонком прозвучало в его голове, — и всё...»

Они договорились встретиться в половине восьмого на той же остановке у парикмахерской. Настроение у Виталия было подавленное, но он крепился, не желая портить вечер себе и другим.

«В конце концов, я знаю, где она работает, а Москва, хоть и за горами, но съездить всегда можно», — решил он для себя напоследок.

Ровно в половине восьмого Виталий в компании Кита и Туки стоял на остановке, поджидая девушек. Определённых планов на вечер не было, но в их городке всегда без проблем можно найти уютное местечко «по карману», чтоб провести приятный вечерок с «милыми дамами». Главное, чтобы компания была хорошая, а там — хоть в бар, хоть в кафе на открытом воздухе, хоть в недорогой и потому популярный национальный ресторанчик «Абрскил» можно заглянуть. Или посидеть за чашечкой кофе по-турецки и за бутылочкой белого сухого «Псоу» на набережной — было бы о чем поговорить с хорошими людьми.

На часах уже натикало восемь, а Ната с Людочкой всё не появлялись. Виталий пока не очень волновался, зная, как много времени занимает у женщин макияж или, как выражались в их компании, «марафет»: «Ната, безусловно, захочет выглядеть в последний вечер как звезда экрана, а это требует и сил, и времени», — успокаивал себя парень. Он вообще готов был ждать сколько угодно, прощая ей любые опоздания, лишь бы дождаться. Хотя, как и все, ждать и догонять он не любил.

— Ну, где эти красотки? — раздраженно бросил Кит. — Стоим тут, как три осла на привязи, а они, может, вообще не придут.

— Не заводись, Кит, придут, — упрямо ответил Виталий, начиная тоже волноваться. Он закурил сигарету.

— Дай и мне, Вит, — попросил Кит.

— Дай уехал в Китай, понял. Свои надо иметь. Сигареты не рояль — купи и в карман положи, — протягивая ему пачку, проворчал Вит.

— Ладно, не жисься, сигарету пожалел, — огрызнулся в ответ Кит, хотя только Виталий из всей их компании ежедневно покупал и носил в кармане пачку сигарет. Остальные были несгибаемыми «стрелками», любящими неизменно только один сорт сигарет — под названием «чужие».

— Ты на моих «бычках» вырос, пацан, — шутиливо бросил ему Виталик, — так что помалкивай.

Девушек всё не было. Кит ворчал и злился, разливая желчь и насмешки. Виталий, как мог, защищал девушек, однако и сам уже нервничал. Около девяти на остановке появился Бепо.

— Здорово, орлы, — задорным голосом произнес он, пожимая руки друзей. — Кого поджидаем?

— Ты откуда упал? — спросил Тука, хмуро поглядывая на него. — Китайцев уже одолел, вояка?

— Броня крепка и танки наши быстры, — с улыбочкой, как ни в чем не бывало, провозгласил Бепо. — Враг будет разбит, победа будет за нами, ура!

— Вот кретин, — улыбнулся Тука, обращаясь к Виталику и показывая на Бепо кивком головы, — устроил нам сегодня побудку.

— Мы все на страже мира и труда, — гордо отрапортовал Бепо, — а враг не дремлет, значит, и нам спать некогда. Ты мне ещё спасибо скажешь, дурачок, когда в армию пойдёшь. Будешь там самым опытным воином.

— С тобой скорее в дурдом попадёшь, чем в армию, — отмахнулся Тука.

— А вы тут что, на боевом посту? Кого стережёте, братцы? — Бепо с ухмылкой глянул на Виталия.

— Должны Ната с Людочкой подойти. Завтра улетают, — объяснил Вит.

— Зря ждёте, друзья, ваши птички уже улетели — «фр-р-р», — изобразил Бепо.

— Куда улетели? Ты чего плетешь, морда? — грозно рыкнул Виталик. Горячая волна ударила ему в голову.

— Спокойно, господа, нас предали, крепитесь — Запад нам поможет, — протараторил Бепо, всё так же нагло ухмыляясь. — Ваши птички полетели в сторону Машеры на синих «Жигулях» первой модели. Прошу без паники, слабонервных будем привязывать к столбам.

— Откуда ты знаешь? — напирал на него Виталий.

— Я ехал на троллике сюда, а они проехали в обратном направлении мимо. У меня глаз-алмаз. Ваша Ната, сэр, сидела впереди, а сзади эта мартышка-Людочка и, кажется, наш дорогой сосед Томаз. Так что

ваша карта бита, сэр, — закончил Бепо, победно глянув на онемевшего от такой новости Виталия.

— Все они потаскухи, — презрительно резюмировал Кит, сплюнув себе под ноги. — Не горюй, Вит, мы тебе еще лучше «птичку» подберём. Пошли.

Четверка друзей медленно тронулась в сторону своего района. Виталий шёл молча, чувствуя себя оплёванным. На душе было тошно и муторно. Друзья, чувствуя это его состояние, не приставали к нему с разговорами. Время от времени он ловил на себе их скрытые взгляды. Он знал, что они любили его так же, как он любил их, и его неудача, его поражение было и их неудачей и поражением. Человек, задевший честь «кента», задевал честь всей компании «кентов» и становился если не врагом, то презируемым существом для остальных.

«Томаз, Томаз, Томаз...», — это имя крутилось в голове Виталия, сковывая душу колючим льдом злобы и ненависти.

— Я ему полжизни отниму, я его... — бессвязно бормотал Вит, жадно затягиваясь сигаретой.

— Ты это о ком? — спросил идущий рядом с ним Тука.

— Я этого Томаза изуродую, — со злостью прохрипел Виталик.

— А он при чем? — спокойно спросил Тука. — Если бы они не хотели пойти с Томазом, кто бы их заставил? Значит, не больно ты нужен этой Нате.

— Ну, это мы ещё посмотрим. Она меня плохо знает, — упрямо заявил парень.

— Ты ее тоже пока не очень хорошо знаешь, — небрежно вставил Кит, — так что плюнь и забудь. Много их тут приезжает покайфовать на югах.

— Ты не прав, Кит, она не такая, — грустно произнес Виталий. — Я это знаю, я это почувствовал и понял. Нет в ней этого. Там эта Людочка командует, шлюшка дешевая, таскает Нату за собой, куда ей хочется.

— Лиха беда — начало. Смотри сам, но пословица не зря говорит: с кем поведёшься, от того и наберёшься, — уже серьезно сказал Кит.

«Не верю я, что Ната может, как эта Людочка, прыгнуть в постель к первому встречному. Не верю, не верю... — прорываясь сквозь бурелом сомнений, испытывая жгучую ревность и задыхаясь от обиды, убеждал себя Виталий. — Она такая восхитительная, такая нежная — моя любовь, моя богиня!», — звучало в нём, как заклинание...

Имя твое — молитва моя...

Голос любви — музыка рая!

Ты для меня — бездна и Бог!

Ты и божественна, ты и земная.

VIII

Безрадостные дни тянулись нескончаемой чередой. Прошло всего полмесяца с тех пор, как уехала Ната, но Виталию эти пятнадцать дней представлялись бесконечным глухим пятнадцатилетием. Он изнывал от тоски и скуки, плохо спал по ночам — тревожные мысли и радужные бессмысленные мечтания бередили душу, лишая покоя и сна. Днём он ходил мрачный и раздраженный. Не спасали ни книги, ни кино, ни ежевечернее бдение у бильярдного стола.

Ната была с ним везде и всегда. Её, ставший в отдалении ещё более привлекательным, прекрасный образ жил в сердце парня, вызывая время от времени острую нить в душе. Тогда становилось совсем невыносимо и он, стараясь забыться, часами валялся на диване, уткнувшись лицом в подушку. Он не нашёл в себе силы поехать в стройотряд со своим курсом, хотя знал, что это грозит неприятностями в начале будущего учебного года.

«Нет, надо ехать в Москву. Я так больше не могу. Я хочу её видеть, — измучившись вконец, решил он. — Но мама, мама ...»

Мама, конечно, видела, что с ним творится что-то неладное. Она несколько раз пыталась выяснить у сына причины его душевного состояния, но он, отшучиваясь или замыкаясь, уходил от объяснений, заранее предвидя реакцию матери.

Мама хотела, чтобы он «выучился и стал человеком», и никакие, пусть даже самые прелестные наты, не укладывались в эту формулу будущего счастья сына, и, естественно, являлись для мамы лишь зловердной помехой на пути к успеху. Виталий знал, что скажи он ей о Нате, мама начнёт злиться, нервничать и убеждать его, что всё это блажь и ерунда, главное — учёба, институт и т. д. и т. п.

«Но я люблю её, люблю! Я не могу без неё. Я хочу её видеть, обнимать, целовать, — кусая в ярости подушку, терзал себя Виталий. — Нет, я должен поехать к ней, во что бы то ни стало. Иначе я свихнусь здесь совсем ...»

В один из вечеров, когда отец был в ночную смену, он неожиданно и прямо сказал маме, что хочет поехать в Москву, что у него там девушка, и ему для этого нужно сто рублей. На следующий он день первым рейсом улетел в столь желанную сейчас столицу — там была Ната, там жила любовь и сверкала мечта!

Виталий уже относительно неплохо знал Москву, пожив в различных ее районах во время своих прошлых непродолжительных визитов, прошагав, как турист, многие километры по улицам центра, наблюдая, изучая, познавая и восхищаясь. Он знал улицы и старые переулки в прошлом бандитской Марьиной Рощи и района метро «Рижская», где жил

некоторое время у знакомых, когда приехал в столицу поступать в институт сразу после окончания школы.

Там же, недалеко от «Рижской», в знаменитом Банном переулке, он встретил Толика, который снимал однокомнатную квартиру в Останкино и искал компаньона на условиях «фифти-фифти». Виталий, не желая обременять себя продолжительными поисками более удобного отдельного жилья, сразу согласился, хотя из Останкино до Парка культуры, где находился Институт иностранных языков, или в просторечии — Иняз, куда он хотел поступить, было далековато.

В тот июль стояла удушающая жара, где-то под Москвой горели торфяные поля, застывая горизонты мутной сизой пеленой. Однажды утром, выйдя из дома в Останкино, Виталий не увидел Останкинскую телебашню, привычно торчавшую до этого в перспективе улицы. Он ошеломлённо вглядывался в пространство, силясь что-либо понять, но в голову лезли какие-то дурацкие мысли о диверсантах и шпионах. Только через какое-то время, приметив, что вместе с телебашней пропали и стоящие в том же отдалении дома, парень сообразил, что это «шутки» торфяного смога. «Импортное», малопонятное для провинциала словцо «смог», отразив реальность бытия, сразу стало живым и понятным.

Его компаньон по квартире целыми днями пропадал на работе, появлялся к вечеру усталый и, наскоро перекусив, заваливался спать. Виталик целыми днями, аж до мути в глазах, «долбил» учебники и необходимую литературу, готовясь к вступительным экзаменам.

Однако, все труды и материальные затраты оказались напрасными — он не прошел по конкурсу, недобрав всего один балл. Неожиданное фиаско (он числился в школе в перспективных учениках и приложил, действительно, много сил, чтобы оправдать это мнение), конечно, сильно расстроило его, но деваться было некуда — пришлось возвращаться домой.

В последние дни своего пребывания в столице Виталий компенсировал свою неудачу продолжительными экскурсиями по различным достопримечательностям столицы: Кремль, ВДНХ, Парк им. Горького, Сокольники, Лужники, Ленинские горы, Исторический музей, Третьяковская галерея, Музей изобразительных искусств им. Пушкина, Бородинская панорама, Музей Советской Армии, Арбат, Тверской бульвар, Садовое кольцо, улица Горького (так в те годы называлась Тверская), проспект Калинина (ставший впоследствии Новым Арбатом) и ещё, и ещё, и ещё...

Он жадно насыщался Москвой и не мог насытиться до конца, хотя порой буквально валился с ног от усталости, и, не имея уже сил, отдавался воле торопливой московской толпы, увлекающей его, как щепку в бурном потоке, в грохочущий «водопад» метро, где тот же поток вти-

скивал его в жаркий и набитый до отказа вагон, а потом, тяжело дышащего от духоты и липкого от пота, выталкивал на поверхность.

Метро ему не понравилось. Нет, он с интересом осматривал разнообразные, порой впечатляющие, интерьеры станций, особенно в центре города, но муторная тряска в душном переполненном вагоне, когда за окном темень и некуда направить взор, утомляла и раздражала его. Поэтому, когда представлялась такая возможность, и некуда было спешить, Виталий предпочитал ездить по Москве наземным общественным транспортом, наблюдая из окна троллейбуса меняющиеся картины грандиозных московских просторов и древних живописных уголков.

Единственно, что поразило и как-то покорило его в Москве в эти первые наезды в столицу, это удивительно большое, на его взгляд, количество старух и стариков, попадающихся буквально во всех местах и на каждом шагу, а также отвратительные сценки с участием пьяных граждан, которые разыгрывались на «подмостках» прекрасного города почти повсеместно.

«Откуда столько стариков? Куда они все топают? Дома им, что ли, не сидится?», — думал он тогда, глядя на очередную шаркающую на встречу согбенную фигуру.

Гораздо позже, ближе познакомившись с жизнью огромного города, Виталий понял, что старики, так часто встречающиеся на улицах Москвы, в большинстве своем — несчастные одинокие люди, оставленные на произвол судьбы своими взрослыми детьми, обретшими желанное «отдельное квартирное» существование. Поэтому жалким в своей ветхой беспомощности, много пережившим и много поработавшим на своем веку старым людям приходится самим «шаркать» по магазинам и по другим делам, обеспечивая свой одинокий пенсионный «прожиточный минимум».

Алкаши, само собой, ничего, кроме омерзения, не вызывали. Однако удивляла реакция, вернее, отсутствие реакции на это позорное явление со стороны милиционеров, вальяжно гуляющих парами мимо беспокойно-хмельных, копошащихся у пивнушек и винных магазинов темных горлопанистых компаний. «У нас бы их живо скрутили, а тут, гляди, — чешет зигзагами поперек тротуара, мычит что-то непотребное и ничего, — удивлялся Виталик, — Позорят, гады, город!»

Он видел этот великий и знаменитый на весь мир город разным — и в искрящейся круговерти зимних метелей, и в ярком блеске летнего зноя, и в стылой серости осеннего ветра, гоняющего по широким улицам и бульварам кипы опавшей листвы, — и он принял его в своё сердце, как нового знакомого, случайно встретившегося на жизненном пути, и, незаметно, ставшего добрым другом навеки.

Виталию были известны только номер универмага, где работала Ната, и название станции метро, в районе которого он был расположен. Но этого было вполне достаточно. Остановиться было негде, поэтому прямо из аэропорта он поехал в этот универмаг, горя желанием увидеть её поскорее и надеясь, что с её помощью он найдет себе какой-нибудь ночлег.

Он увидел Нату, серьёзную и строгую, одетую в форменный халатик, едва вошёл в магазин. Она стояла за прилавком в окружении разложенного и развешанного на полках галантерейного товара — прилавок галантерейного отдела находился прямо напротив входа. Некоторое время Виталий стоял в сторонке, наблюдая за её работой, вернее, за самой девушкой, наполняясь горячим трепетом от мысли, что она — вот здесь, рядом, в двух шагах, живая и прекрасная. Он был готов броситься к ней с поцелуями и объятиями прямо здесь, в многолюдном зале универмага, настолько переполняло его сейчас чувство любви и нежности к этой стройной светловолосой девушке, ставшей уже для него самым дорогим и близким человеком.

— Здравствуй, Ната, — глядя на неё восхищенным взглядом, тихо произнес Виталий, протолкнувшись к прилавку.

— Ой, Виталик! — удивленные глаза Наты выхватили его восторженное лицо из скопища сосредоточенных и озабоченных лиц покупателей, толкающихся у прилавка. — Ты откуда взялся?

— С неба упал. Вот прилетел на тебя посмотреть, — радостно и, видимо, глупо улыбаясь, ответил он.

— Ты подожди минутку, я сейчас выйду, — ему показалось, что в её глазах сверкнула искра радости.

Виталий вышел на улицу и, закулив сигарету, стал прогуливаться туда и обратно вдоль стеклянных витрин универмага. Радостное ощущение сбывшегося счастья охватило его целиком, наполняя сердце горячими токами крови. Он был готов прыгать от счастья на одной ножке, кувыркаться здесь же на тротуаре, говорить комплименты всем женщинам и мужчинам, проходившим мимо; он был готов сделать для Наты всё, что угодно, невзирая ни на какие препятствия.

«Ната, Натюлька, прелесть моя, любовь моя, я снова с тобой...», — прекрасной мелодией звучало у него в душе.

Минут через десять из дверей универмага вышла Ната. Виталий бросился к ней, желая схватить её в охапку, но она со смехом остановила его вытянутыми руками:

— Ну, что ты, Виталька, люди же кругом!

— Люди всё поймут, — целуя её в щеку, с радостной улыбкой воскликнул он. — Здравствуй, Ната, здравствуй, моё солнышко. Я умирал без тебя и вот приехал, чтобы ожить. Надеюсь, ты не хочешь моей смерти от любви? Или мне умереть здесь же у Ваших ног, моя Королева?

— Не надо, не умирай, — с улыбкой глядя на него, тихо и нежно произнесла Ната, беря его под руку. — Пойдём, посидим, поболтаем.

Они зашли во двор дома, на первом этаже которого был расположен универмаг, и уселись на узенькой скамеечке у одного из подъездов.

— Ты меня так удивил своим появлением, я совсем не ожидала, что ты...

— Что я наберусь наглости приехать к Вам в гости, мадемуазель? Но я тут не виноват. Это любовь подарила мне вдруг крылья, и они принесли меня к тебе, Ната, моя дорогая, моя любимая Ната!..

Виталий привлёк её к себе и нежно поцеловал в шею за ушком.

— Не надо, Виталька, люди смотрят, — освобождаясь из его объятий, но явно довольная таким проявлением нежности, прошептала Ната. — Ты где остановился, путешественник?

— Пока у Ваших ног, моя прелесть, — с улыбкой, беззаботно ответил Виталий. — Прямо с самолета — к Вам.

— Ну, а ночевать есть где?

— Я пока не думал об этом.

— Ладно, что-нибудь придумаем, раз такое дело. Я поговорю с нашими девчонками, может, у кого и есть что-нибудь на примете. К себе домой я тебя, сам понимаешь, пригласить не могу — ты же мне не жених, — весело рассмеялась Ната.

— Так в чём же дело? Я готов и в женихи. Я уже говорил, что ради Вас, моя Королева, готов на всё!

— Ишь ты, быстрый какой! А, может, я замуж пока и не собираюсь?

— А ты подумай и соберись. Я тебя беру, — с шутливой важностью объявил Виталий, снова стараясь привлечь её к себе.

— Так и быть, подумаю. Погляжу на ваше поведение, молодой человек, — пообещала Ната. — А сейчас мне надо идти работать. Ты, Виталька, погуляй где-нибудь, а к закрытию магазина подходи. Если голодный, тут рядом есть столовка.

— Я сыт одной любовью! — с шутливой восторженностью заявил Виталий, на прощание целуя её в щеку. — Надеюсь, вечером, встретив Вас снова, я утолю эту жажду поцелуев, моя прелесть?

— Надеяться никому не запрещается, — помахав ему рукой, Ната скрылась за служебной дверью магазина, выходящей в этот двор.

Виталий, улыбаясь своим радостным мыслям, лениво осматривал утопающий в зелени высоких деревьев и пышных кустов обычный московский дворик с качелями и песочницей, с лавочками и скамейками, с детскими колясками и старушками, сидящими у своих подъездов. Он радовался всему этому, подставляя лицо теплым солнечным лучам, пробивающимся сквозь узор густой листвы лета.

«Как хорошо, когда всё хорошо», — блаженно и лениво потягивался он, сидя на дворовой скамейке. Было очень приятно, что Ната встре-

тила его с радостью, немного неожиданной после их внезапной и неприятной для него разлуки. Эта нескрываемая радость была настоящая, она читалась в её больших озорных глазах, и Виталий, вдохновлённый этой радостью, старался не вспоминать Томаза, Людочку и всю остальную малосущественную теперь суету. Его Ната здесь, рядом, он встретит её вечером, и они будут веселы и счастливы вдвоём. Что ещё надо от жизни?

Вечером, после работы, Ната повезла Виталия в гости к своей подружке Галке, которая жила одна, занимая комнату в коммунальной квартире. В соседней комнате проживала уже пожилая и тоже одинокая соседка.

Галина оказалась весёлой, приветливой, и, на редкость, гостеприимной женщиной. Она была постарше Наты на несколько лет и тоже работала в крупном универмаге где-то в центре. Дружили они уже давно, ещё с училища, и хотя виделись не часто, поддерживали приятельские отношения, постоянно перезваниваясь и выручая друг друга в трудные минуты.

К удивлению Виталия, в небольшой, но уютно обставленной комнате Гали, их ждал уже накрытый стол. Осталось только выставить на него пару бутылок сухого вина, которое Виталик с Натой прихватили по дороге.

Быстрая, худенькая Галка по-домашнему суетилась, усаживая гостей за стол и желая им угодить как можно лучше. Она слегка смутила Виталия этим неожиданным внимательным обхождением, предлагая ему попробовать то эту, то другую закуску, нахваливая, как бы между прочим, «Наткиного кавалера», красневшего от ее шуточных комплиментов. Суховатое лицо Галины светилось весёлой озорной улыбкой, отсвечивающей лучиками в её небольших, чуть раскосых, серых глазах. Глаза эти, добрые и честные, говорили об истинном хорошем к нему отношении, и скоро Виталий, уже немного освоившийся в чужом доме, сам почувствовал дружеское расположение к этой молодой энергичной и жизнерадостной женщине.

Засиделись они далеко за полночь. Подружки-болтушки тараторили без умолку, обсуждая свои извечные женские проблемы: «а он?», «а ты?», «а она?», «а у них?», «а это платье», «а тот костюм», «а эти туфельки», «а эта парфюмерия», «а эта бижутерия»... без конца и почти без перерывов.

Виталик, чтобы не очень скучать в женском обществе, ставил на проигрыватель все пластинки из Галкиной коллекции, приглашая время от времени то одну, то другую даму на танец. Одна веселая песенка со словами: «На девчонок мы больше не глядим...» стала в этот вечер очень популярной, или как говорят сегодня «хитом», в их маленькой компании, заставляя подпевать немудрёным шуточным стихам: «Они всю жизнь нам разбивают сердца, от них мучения нам без конца...»

Ещё в метро, по дороге к дому Галины, Ната сказала Виталию, что её родители уехали вчера, в пятницу, в заводской дом отдыха на вы-

ходные. Поэтому она может остаться ночевать у Галки, ну, а верный «рыцарь» Виталька, само собой, должен будет охранять сон своей Королевы.

Добрая Галочка долго и упорно предлагала им занять её единственный раскладной диван, видимо, полагая, что они уже любовники «со стажем». Было видно, что для Галки всё это, как говорится, дело житейское. Виталий и Ната, ужасно стесняющиеся Галины и друг друга, убедили её, в конце концов, что им гораздо удобнее будет спать на полу. Шутливо обругав их «бестоковыми», Галка постелила на полу два матраца, укрыв их, как полагается, простыней, бросила сверху две подушки и одеяло.

Виталий предусмотрительно вышел покурить на кухню, чтобы дать дамам возможность спокойно расположиться. Он ужасно волновался в ожидании этой столь неожиданной и такой странной ночи «не вдвоём». Горячая волна счастья ударила ему в голову, затопляя душу и сердце при одной только мысли, что вот сейчас, через несколько минут, он окажется под одним одеялом с Натой, такой милой и желанной, но что потом?.. Присутствие в той же комнате «постороннего» (это Галя-то посторонняя у себя в доме!) выбивало его из душевного равновесия, внося смуту и неразбериху в мысли и чувства.

«Да... ситуация! — нервно размышлял Виталик, жадно затягиваясь сигаретой, — нарочно не придумаете»

В комнате было темно. Он быстро разделся и, дрожа от волнения, приблизился к лежащей под одеялом Натой.

— Ну, иди скорее под одеяло, а то замёрзнешь, — услышал он из темноты шепот Наты. — Иди, мой хороший.

Виталий опустился на колени у неё в ногах и протянул ей руки. Ната, взяв его руки своими нежными тонкими пальцами, тихонько притянула парня к себе: «Мой любимый», — даже не услышал, а скорее почувствовал он её жаркий шёпот...

Следующие два дня Виталий ночевал у Валеры, с которым познакомил его по просьбе Наты работающая вместе с ней разбитная девчонка по имени Вера. Виталику пришлось «поставить» Валере за знакомство и дать «червонец» вперёд за ночлег.

Ещё молодой, но потрепанный постоянными пьянками Валера привёл его в свою захаамленную грязную двухкомнатную квартиру, где он жил вдвоём с матерью. Мать, по словам парня, укатила сейчас в деревню, так что — «гуляй, бродяга, от рубля и выше». Судя по груде пустых бутылок разных марок и калибров, загромождавших угол в маленькой комнате Валеры, он уже давно «гудел по-черному». Об этом же свидетельствовало и его одутловатое жёлтое лицо с заплывшими щёлочками нагловатых глаз.

«Да, хороши хоромы», — с неприязнью отметил про себя Виталий, разглядывая всё это бардачное хозяйство. Но выбирать не приходилось,

и, затребовав у хмельного Валеры чистую простыню и наволочку, он расположился на узкой кушетке слева от входа. Напротив стояла неприбранная разваленная кровать хозяина «хаверы».

Единственным преимуществом этой «хаты» было то, что недалеко, в этом же районе, жила и Ната, с которой Виталик проводил все вечера, неизменно встречая её после работы у магазина. Его и без того немногочисленные денежные запасы незаметно, но быстро, таяли, приближая скорую разлуку. «Кавалер» даже не смог себе позволить пригласить свою даму в кафе, от чего ужасно страдал. Проклиная в душе свою беспомощность и вынужденное безденежье, он «развлекал» Нату долгими прогулками по вечерним московским улицам. Сгорая от любви, Виталий увлекал её в пустынные в позднюю пору загородки автобусных остановок, где они долго и жарко целовались, задыхаясь от страсти.

За эти несколько дней «московского счастья» Ната стала ему ещё дороже и ближе, он уже не представлял себя без неё, а её, естественно, без себя. Она стала его первой и единственной, любимой и желанной, родной и близкой.

История с Томазом, с их несостоявшейся прощальной встречей время от времени скребла душу Виталия острыми когтями обиды и ревности, и однажды он решился спросить Нату, почему так получилось в тот не самый приятный вечер.

— А мы с Людмилкой уже шли к вам, но вдруг останавливается машина, из нее выходит Томаз и приглашает нас поехать с ними — за рулем был тот самый его товарищ, у которого мы были на даче. Мы ему объясняем, что у нас свидание с вами на остановке, а он говорит, что ехал сейчас мимо этой остановки и вас там не видел, — сразу сделавшись чуть холодной и отчужденной, объяснила Ната.

— Обманул, сволочь, — со злостью произнёс Виталий. — Мы вас ждали полтора часа.

— Да, получилось нехорошо, — тихо согласилась Ната, стараясь не глядеть ему в глаза. — И Людмила тогда стала уговаривать поехать с Томазом...

— Ох уж эта Людочка-приблудочка, — презрительно усмехнувшись, бросил Виталик. — Ну, и куда вас отвезли эти «ястребы-перехватчики»?

— Мы были в каком-то загородном ресторанчике, у реки, там ещё такой плетеный домик стоит...

— Понятно, — протянул Виталий, незаметно наполняясь раздражением и злостью. — Томаз тебе предлагал... ну, что-нибудь такое, «про любовь», как говорится?

— Да, он говорил, что я ему очень нравлюсь, ухаживал, конечно, замуж предлагал.

— Небось, и целоваться лез, скотина, — зло вставил Виталик.

— Ты знаешь, на удивление, нет. Даже там, на даче, он всё ручки целовал, строил из себя такого аристократа, что мы с Людмилкой умирали со смеху, — уже с улыбкой рассказала Ната.

— Ну, и чем кончилась вся эта аристократическая «love story»? — ехидно спросил ревнивый «Ромео».

— Да ничем. Мы его своими подначками и смешками довели, конечно, до белого каления, но виду он не подал, хотя злился ужасно. В общем, расстались, как говорится, друзьями.

— А тот, другой, его дружок с дачей?

— С тем «кадрилась» Людмила, а я даже имени его не запомнила толком — то ли Гоги, то ли Гурам, чёрт его знает, — равнодушно махнула рукой Ната.

— А что же вы на даче тогда делали, моя прелесть? — задиристо спросил он.

— Ничего, отдыхали, загорали, слушали музыку и пили вино, — уже раздражаясь, ответила Ната. — И, вообще, что за допрос? Почему это я должна перед тобой отчитываться?!

— Потому что ты моя, и я тебя никому больше не отдам, — привлекая её к себе, с шутилой строгостью произнес Виталий. — Иначе «всём буду порезать», понятно?

— А мне такой страшный и грубый не нужен, — с капризной ноткой в голосе отпарировала девушка. — Я люблю нежность, потому что я «нежное создание», понял, грубиян?

— Будет Вам и нежность, будет и любовь, — симпровизировал со смехом парень и, обняв тоненькую талию Наты, приник к её мягким пухлым губам долгим сладостным поцелуем.

В своё временное жилище он попал уже далеко за полночь. Открыв дверь квартиры ключом, который дал ему бесшабашный Валера, Виталий, не зажигая света, прошёл в комнату. Его кушетка стояла у самого входа и, чуть привыкнув к темноте, он заметил, что она уже занята. Какой-то парень спал в одежде на постели Виталия, уткнувшись мордой в подушку. «Может, это Валера до своей не дотянул? — подумалось Виталику, но, оглянувшись назад, он разглядел на соседней кровати лежащего на спине с открытым ртом, тоже во всей одежде, Валеру. В комнате страшно разило винным перегаром.

«Вот козёл, — разозлился Виталий, ещё раз глянув на распластанного на постели Валеру. — Приволок кого-то и завалил на мою постель, алкаш поганый».

Остаться здесь уже не имело смысла, да и не хотелось вовсе. Виталий и без того испытывал ужасную брезгливость, ночуя в этом грязном вертепе, а теперь и подавно стало совсем противно.

«Ладно, сегодня переночую на Курском», — даже почувствовав некоторое облегчение от мысли, что больше не появится в этом доме, решил парень.

Захватив свой небольшой студенческий портфель, который и составлял весь его багаж в этом путешествии, Виталий бросил ключ от квартиры на стол и вышел на улицу. Теплая летняя ночь мерцала далёкими тусклыми звёздочками. На улице было тихо и пустынно. Редкие машины на большой скорости проносились в сторону центра и в сторону кольцевой автодороги по широкому, освещенному голубыми неоновыми фонарями, проспекту.

Остановив какого-то частника, он доехал до огромного, сверкающего огнями, стеклянного аквариума Курского вокзала. Сквозь высокие светящиеся витражи здания вокзала были видны снующие в разные стороны маленькие, на расстоянии, человечки.

«Ну, что ж, нырнем сюда и мы», — беззаботно решил Виталий, входя в просторный, незатихающий и ночью, зал. Мысль о том, что ему придется ночевать на вокзальной скамейке, ничуть его не угнетала, а даже, наоборот, как бы вносила ещё одну частичку романтики в его и без того довольно романтическое и бестолковое путешествие.

«В жизни всё надо попробовать на своей шкуре», — философски укрепил себя в душе Виталик, устраиваясь на жёсткой неудобной скамье. Дорогой сердцу старый портфель уютно устроился у него в изголовье...

Молоденький сержант милиции растолкал его в половине шестого утра, вежливо объяснив, что спать здесь не положено.

«Прямо как у Высоцкого, — усмехаясь в душе, вспомнил Виталик песенку популярного артиста и барда: «... А утром — не петух прокукарекал — сержант подымет, то есть как человека ...»

Ещё в день приезда в столицу, боясь, что потратит все деньги, он приобрел билет на обратную дорогу. День отлёта, незаметно приблизившись, обозначился грустно близким и четко-конкретным словом «завтра».

«Романтика романтикой, а «ломать» здесь ещё одну ночь как-то не очень хочется», — сонно размышлял Виталик, потирая онемевшее плечо. — Надо что-то придумать».

Перебирая в памяти московские фамилии и адреса, он вдруг вспомнил: Ростовцева Елена Ивановна — пожилой добрый человек, исконная москвичка, редкий ныне представитель той настоящей старой московской интеллигенции, Интеллигенции с большой буквы.

Несколько лет назад, в один из своих очередных приездов в Москву, Виталий снимал комнату в коммунальной трёхкомнатной квартире, где и жила славная Елена Ивановна. Как оказалось, комнату сдал её сын, журналист, давно живущий своей суетной жизнью, далёкой от скром-

ного, но сохранившего величавую патриархальность жития-бытия его старой матери. Володя, сын Елены Ивановны, предложивший свою комнату Виталию, там же, в Банном переулке, после того как получил «деньги вперёд», просто отдал ключ от комнаты и объяснил, как доехать, даже толком не расспросив парня, кто он и откуда.

Высокая грузная пожилая женщина, приветливо встретившая Виталия в дверях квартиры, без лишних слов и объяснений проводила его в комнату сына, а вскоре пригласила к себе на чашку чая. Небольшая комната в два высоких окна была тесно уставлена старинной, антикварной по нынешним временам, мебелью. Виталик впервые увидел такую мебель в обычной квартире, полагая, что все эти вычурные столики, изящные секретеры, бюро и стулья с резными спинками давно уже стали музейными экспонатами.

Круглый стол с мраморной, розовой в крапинку, столешницей, комод с зеркалами, отделанный тем же мрамором, резные тяжёлые стулья, диван с высокой деревянной узорчатой спинкой, картины на стенах, разные диковинные в наше время бытовые мелочи и украшения создавали какой-то особый, ни с чем не сравнимый, колорит этой небольшой уютной комнаты, как будто нечаянно застрявшей в своём далеком прошлом, и потому сохранившейся в стенах этого «дореволюционного» московского дома, «спрятавшегося» в старом московском переулке недалеко от набережной Москвы-реки.

Казалось, что само время, устало присев у стола с папиросой в зубах, остановилось в этой комнате где-то в конце девятнадцатого — начале нынешнего двадцатого века, не желая расставаться с привычной и милой его сердцу атмосферой тех лет.

Так же устало облокотившись о стол, сидела с сигаретой «Ява» в зубах и хозяйка этой комнаты Елена Ивановна Ростовцева, благосклонно поглядывая на смущённого её вниманием Виталия своими чёрными, мудрыми, чуть насмешливыми глазами.

Ненавязчиво, как-то между «ещё чашечку...», «попробуйте это варенье...», «курите, не стесняйтесь...» она расспросила Виталика о том, кто он, откуда и зачем, не вдаваясь при этом в подробности, не спрашивая никаких документов и адресов. Глубоко затягиваясь сигаретой, Елена Ивановна рассказывала юноше о себе, о своем покойном муже-архитекторе, о сыне, беспокоившем её своей не налаженной, на её взгляд, какой-то «беспочвенной» жизнью.

— Мотылёк-журналист, одним словом, — чуть печально говорила она, — хотя у него и талант есть, стихи писал неплохие. Но суета молодости, друзья, женщины... Ну, Вы меня понимаете, Виталий.

Виталик «понимал» и сочувственно покачивал в подтверждение этого головой, прихлёбывая из чашки крепкий душистый чай. Чего ж не понять? Сам, можно сказать, почти такой.

Из рассказа Елены Ивановны он узнал, что вся эта квартира, где сейчас ещё одну комнату занимала молодая семья с маленьким ребенком, когда-то целиком принадлежала их семье, но после смерти мужа, как образно выразилась сама хозяйка дома: «нас немного уплотнили, разбавив, так сказать, старое вино свежей водой». Впрочем, она, по её словам, об этом вовсе не жалела, а даже радовалась присутствию пусть чужих, но хороших людей, их ребенку, с которым она тоже нянчилась время от времени.

— Ведь Володя мой всё ещё не женат, да и не дождусь уже своих внуков, наверное, — вздохнув, закончила она свой неторопливый и грустно-ироничный рассказ.

Утром, уходя на свою пенсионерскую работу, Елена Ивановна оставила Виталию ключи от квартиры, чем сильно удивила его, не привыкшего к такой доверчивости со стороны знакомых ему москвичей. Странно, но ни Елена Ивановна, ни её сын Володя не заглянули в паспорт Виталия, оставляя на его совести все те сведения, которые он им о себе словесно предоставил. Для Москвы, где люди уже давно привыкли больше проверять, чем доверять, это было редкостью и удивительно.

Впоследствии, покидая гостеприимный дом Елены Ивановны и сидя с ней за последней, прощальной чашкой чая, Виталий рассказал об этом, поразившем его своей неожиданностью, доверии с её стороны к незнакомому, впервые, можно сказать, увиденному человеку.

— Я же разговаривала с Вами в первый вечер, Виталий, и я видела Ваши глаза, — чуть снисходительно улыбнувшись, объяснила Елена Ивановна. — А больше ведь и не надо ничего.

«Дай Бог, чтобы она была жива и здорова», — подумал Виталий, набирая номер телефона Елены Ивановны. На вокзальных часах было уже около девяти утра, но он надеялся, что Елена Ивановна еще дома. Ему повезло: трубку сняла сама Елена Ивановна, удивившаяся и обрадовавшаяся его звонку: «Конечно, я Вас помню, Виталий, конечно, можно переночевать, раз такая ситуация, не надо лишних слов, приезжайте». Виталий сообщил, что объявится вечером, чтоб не надоедать лишний раз.

У Наты был рабочий день, но она обещала отпроситься пораньше, часов в пять, и намекала на возможность скромного пикника на природе. Предстоял прощальный вечер. Денег у Виталия осталось в обрез — на предстоящую дорогу домой и совсем немного на мелкие расходы, так что идея организовать скромный прощальный пикник его вполне устраивала.

Перекусив в вокзальном кафетерии и оставив свой портфель в багажном автомате, Виталий вышел на улицу. Утренний воздух был ещё свеж и прохладен, ещё не так сильно пахло гарью автомобильных газов,

гуадроновым «ароматом» перегретого асфальта, пылью жаркого летнего городского дня. Хотя солнце уже набирало силу и мощь, медленно влезая на вершину полуденной горы лазурного небосвода.

Закурив такую приятную после завтрака первую сигарету, Виталий не спеша шёл в сторону метро, равнодушно поглядывая на снующих вокруг людей, на проезжающие мимо машины, в основном, такси, развозящие уже бывших пассажиров, а ныне — «уважаемых москвичей и гостей столицы» в разные концы великого города.

«Поеду в Пушкинский, — решил он. — Давно там не был, пора обновить впечатления».

Белые мраморные колонны греческого зала встретили его своей спокойной торжественностью и величием, отзываясь в груди знакомым холодком трепетной причастности к волшебному миру великого Искусства. Шеренга белолицых бюстов грозных некогда императоров Великого Рима строго поглядывала на своего неведомого потомка, явно не одобряя его странные одежды.

«Что это за узкая клетчатая туника с открытым воротом, заправленная в чудовищные голубые линялые штаны в обтяжку? Как можно ходить в таком тесном облачении, обливаясь на жаре потом? Нет, люди, несомненно, не стали умнее, если заменили просторные тоги, туники и хитоны этим неудобным варварским одеянием. О, гордый Рим! Горе тебе!», — презрительные «взгляды» высокородных патрициев проводили вполне довольного своим современным нарядом Виталия, покидающего их холодную и величественную обитель.

Зал импрессионистов, любимый зал в Пушкинском музее, встретил его радужной россыпью тонов и полутонов, чудесными переливами света и тени, прозрачной тканью воздушных пейзажей и фантастических в своей реальной ирреальности портретов и жанровых сцен. Вот они — любимый розовый Ренуар, магический голубой Пикассо, искрящийся Ван Гог, воздушный Дега, призрачный Моне, знойный Гоген...

В который раз Виталий заворожено рассматривал эти, оживающие под долгим взглядом, фантастические полотна великих смельчаков, дерзнувших, мучившихся, стервеневших и терявших разум, но шедших до конца своей страстной дорогой вдохновения к великому Олимпу Искусства.

Ровно в пять он стоял в тени деревьев, напротив магазина, ожидая появления своей «богини». Ната появилась в стеклянных дверях универмага в начале шестого, и, увидев Виталия, с улыбкой махнула ему рукой.

— Ждешь? Молодец, — весело приветствовала она своего «Ромео».

— Жду не дождусь, радость моя, — улыбнулся ей в ответ Виталик. — Куда пойдём?

— Одна моя подружка из нашего магазина предлагает составить ей

с другим компанию и организовать небольшой пикничок на природе. Тут у нас совсем недалеко лес — на автобусе минут двадцать. Возьмём с собой «того-сего» и поедем. Ты не против?

— Я не против — в лес так в лес. Тем более что в более комфортабельное место я Вас, моя дорогая, к сожалению, пригласить не могу. Денег совсем не осталось.

— Ладно, мы угощаем. Сейчас Катя выйдет, и поедем. На остановке нас будет ждать её парень.

Вышедшая из магазина через несколько минут Катя оказалась маленькой, черноволосой, круглолицей девушкой с весёлым «заводным» характером. Она как-то сразу стала держать себя с Виталиком по-своему, будто они уже давно знакомы и дружны.

— Надо заглянуть в продмаг, взять чего-нибудь перекусить, ну и сухонького, конечно, чтоб не скучно было, — весело предложила девушка, обращаясь к Нате, но в то же время поглядывая и на Виталия, как бы приглашая его согласиться с этим планом.

На подходе к продмагу, почти у самого входа, какой-то худощавый сутулый верзила с белобрысыми сальными патлами, неопрятно болтающимися ниже воротника замызанной рубахи, пытаясь обогнать их, грубо толкнул Нату плечом и, не оглядываясь, ринулся в магазин. Виталик, резко бросившись вперед, успел схватить наглеца за худое костлявое плечо.

— Эй, приятель, куда прёшь? — зло процедил сквозь зубы Вит, поглядывая в помятое сероватое лицо парня с заплывшими хмельными глазками. — Ты что, козёл, людей не видишь?

Парень, явно обиженный на «козла», резко выдернул плечо из цепких пальцев Виталия.

— Чего лапаешься? Подумаешь, красотки! — чуть испуганно, но стараясь казаться наглым и смелым, выкрикнул он хриплым голосом.

— Я вот сейчас из тебя «красотку» сделаю, паскуда, — наливаясь яростью, произнёс Вит, схватив парня за ворот рубахи и чувствуя, как напрягается всё его тело.

— Да пошёл ты ... — зло прошипел парень, вырываясь и отходя назад.

— Ах ты, мразь подзаборная! — рука Виталия, который в ослеплении гнева уже начинал терять контроль над собой, была готова сорваться со своей «стартовой площадки» и врезаться со всей силы в эту наглую, но трусливую, рожу.

Рука Наты, схватившая его за предплечье правой руки, потянула Виталия назад.

— Не надо, Виталик, оставь его, — услышал он приглушённый, взволнованный голос Наты, — не связывайся с этим дерьмом.

— Вали отсюда, козёл, пока цел, — зло выкрикнул Вит, отталкивая совсем посеревшего от испуга парня. — Скажи «спасибо», что наро-

ду много, а то бы я тебя с удовольствием поучил вежливости, скотина. Руки прямо так и чешутся...

Парень, как-то боком отходя в сторону, косился на Виталия недобрым взглядом и, отойдя на приличное расстояние, сипло выкрикнул:

— Мы с тобой ещё встретимся, пожалеешь тогда! — и грязно выругавшись напоследок, исчез за кустами, отделяющими тротуар от шоссе.

— Топай, топай, шакал, — уже успокаивая самого себя, произнёс Виталий. — Не дай тебе бог встретить меня ещё раз...

— Успокойся, Виталька, ну их к черту, алкашей проклятых, — нежно прильнув к нему, негромко сказала Ната. — А вот и наша Катюша! — приветствовала она вышедшую из магазина с полной сумкой подружку. — Всё взяла, Катя?

Катя, не присутствовавшая при стычке и явно довольная своей «экспедицией», весело ответила:

— Всё в порядке! Зинка меня, слава Богу, без очереди отоварила, а то народу в винном — не пробьёшься.

— А Галька сегодня работает? — спросила Ната, забирая у неё сумку, чтобы передать Виталию.

— Работает. Колбаски у неё взяла и пару баночек кильки в томатном соусе. Подойдёт?

— Сгодится, — с усмешкой произнёс Виталик. — Чай, не графья какие, а?

Девушки весело рассмеялись.

Нужная им автобусная остановка оказалась совсем рядом — метрах в пятидесяти от продуктового магазина.

— А вот и Сережа, знакомьтесь, — представила Катя высокого черноволосого парня, подошедшего к ним от остановки. Виталий пожал протянутую руку парня и назвал себя.

Лесной массив, зажатый со всех сторон светлыми многоэтажками новостроек, встретил их трелями и чириканьем разнообразных птиц, порхающих в густой зелени лиственных и хвойных деревьев. Шагая гуськом по узкой тропинке, вьющейся меж сосен и берёз, компания устремилась в сторону пруда.

Как объяснил Сергей, бывший проводником в этом походе, там, у пруда, самые уютные и красивые места, там всегда и собираются все любители отдохнуть на природе в здешних местах.

Солнце, уже по-вечернему сонное, лениво посверкивало меж деревьев или, спрятавшись за высоким деревом, украшало его крону золотым светящимся нимбом. Было тихо и безветренно. Теплый воздух, насыщенный лесными ароматами, благодатно вливался в распахнутые легкие.

Метрах в двадцати от берега пруда они обнаружили врытый в землю дощатый столик, окружённый густым кустарником. По обеим сторонам столика были врыты узкие, в одну доску, скамьи.

— Вот вам и прекрасный отдельный кабинет загородного ресторана «Лесной аромат», — весело объявил Виталий, осматривая это уютное и живописное местечко.

— Даже с видом на пруд, — подхватила Катя, рассмеявшись.

Пикничок получился не очень веселый. Сергей оказался неразговорчивым, и Виталий, как-то взгрустнувший после выпитого вина, предался своим невеселым мыслям в преддверии скорой разлуки с Натой. Зато Катя и Ната щебетали безумолку, обсуждая свои женские проблемы и обмениваясь колючими замечаниями в адрес сослуживцев. Женский, за исключением директора и нескольких рабочих, персонал их магазина был бесконечно плодородной почвой для самых разнообразных пикантных ситуаций и связанных с ними разговоров и сплетен.

— Представляешь, — рассказывала Ната, — Танька из нашего отдела, та, что в секции кожгалантереи работает, вчера опять с обеда пришла пьяная и наорвалась на директора. Ну, Гриша, конечно, стал орать: «Я тебя с «волчьим билетом» выгоню, я тебя обратно в твою деревню отправлю коров пасти!», — знаешь, как он умеет лаяться. А Танька, дура, уже несколько раз попадалась на работе пьяной. В тот раз, помнишь, смеху было на весь магазин, когда она уснула пьяная в туалете в конце рабочего дня, и её закрыли в магазине. Она проснулась, подняла панику, Грише стала звонить, мол, домой хочу. А магазин-то уже сдан на пульт охраны, открывать ночью с милицией, снова закрывать — целое дело. Гриша ей в трубку орёт: «Ложись в отделе тканей и спи, дура, до утра!» А она ревет: «Боюсь я тут одна, домой хочу, отпустите». Но так ей и пришлось до утра магазин сторожить.

— Пить меньше будет, шалава гулёная, — поддержала подругу Катя. — Ни стыда, ни совести что ли люди не имеют — за прилавком в пьяном виде стоять, на покупателей перегаром дышать. Совсем девки обалдели. Не боятся что ли ничего?

— А чего бояться-то? — хмыкнула Ната. — Из одного магазина выгонят — в другой пойдёт, не проблема. А то и гнать не будут, чтоб не связываться. У нас ведь в торговле каждый продавец знает и понимает, что и директор, и другое начальство свои дела крутят направо-налево, а сор из избы кому охота выносить? Вот и терпят таких, как Танька. А она ведь девка ушлая — палец в рот не кладет.

— Ладно, ну их всех к чёрту. Давайте выпьем за любовь, — сверкнув глазами в сторону Сергея, воскликнула Катя.

— Это что ещё за фрукт такой? — с шутилой мрачностью произнёс парень, поднимая стакан. — За баб-с, вы хотели сказать, девоньки...

— Ну, это кому что нравится, — отпаривала Катя.

— Скорее, кому как повезёт, — печально глянув на Нату, поправил её Виталий и, подняв стакан, с чувством добавил, — за любовь и за тех, кто её порождает в наших сердцах.

— Значит, всё-таки, за баб-с, — с улыбкой уточнил Сергей.

— Молчи уж, медведь бесчувственный, — толкнув его рукой в плечо, с шутилой строгостью отчитала дружка Катя, — баб ему, видите ли, подавай.

— А где же нынче девок-то найдёшь? — загоготал в ответ Сергей. — Разве в младшей группе детского сада поискать?

— Молчи уж, охальник бессовестный, — с укором, но весело улыбаясь, сказала Катя, — людей бы хоть постеснялся.

— Ладно, все свои, — махнул рукой ничуть не смутившийся Сергей, разливая в стаканы остатки вина.

— Ну, что, «на посошок» и по домам?

— Да, уже пора в обратный путь, — согласилась Ната, — а то скоро темнеть начнёт.

— Ну, будем здоровы, будем знакомы, — подвёл итог пикника Сергей.

Они уже подошли к автобусной остановке на широком шоссе, гудящем от проносившегося в обе стороны транспорта. Человек десять толпилось возле остановки, ожидая автобуса. Ната и Катя шли впереди, Виталий следом за ними в нескольких метрах. Сергей отстал в близлежащих кустах «по интимному делу».

Внезапно Виталий услышал далёкий, но резкий крик сзади:

— Вот он, вот он!

Оглянувшись, Виталий увидел бегущую на него со стороны леса ораву из пяти-шести человек. Всё остальное пронеслось в его сознании с быстротой молнии: отбив левой один удар, увернувшись от другого летящего в лицо кулака, ударив кого-то в скулу правой и тут же получив ответный удар в челюсть, Вит разорвал кольцо атакующих и отскочил в сторону. Выхватив из кармана перочинный нож и открыв его быстрым судорожным движением, он остановился в напряжённой позе, держа нож в опущенной правой руке.

Увидев нож, смелые до этого добры-молодцы, резко остановились, злобно глядя в лицо Виталия. Чья-то рука потянулась за валяющимся в пыли булыжником.

— Ну, давай, козлы, кто смелый — налетай, — хрипло выкрикнул Вит. — Чего застыли, паскуды? Кишка тонка, гниды?!

Всё больше и больше наливаясь яростью, готовый на всё, он поливал чуть ошалевшую компанию лохматых парней самыми отборными ругательствами. Неожиданно отделившийся от общей группы коренастый парень невысокого роста с белесой лохматой головой, подскочил вплотную к Виталию, и, схватив руку с ножом за запястье, выдохнул перегаром ему в лицо:

— Ну, чего же ты? Бей!

— Руку убери, храбрец, а там посмотрим, — зло глянув в его мутные бесцветные глаза, хрипло прорычал Вит и, заметив на груди, под

распахнутой рубашкой, тюремную наколку, спросил, — Чалился, шустрый?

— Недавно откинулся, — как-то внимательней и более заинтересованно глянув на Виталия, ответил парень.

— Ну, и что ж ты, орёл, у «хозяина» был, а законов не знаешь? — с усмешкой спросил Вит, высвобождая на всякий случай руку. — С кулаками ломитесь без «разборки», как бакланы, а спроси: за что, почему — не ответишь.

— Мой кореш сказал, что ты его очень обидел, — указывая на кого-то в стоящей за его спиной компании, сказал парень.

— Это он на меня у магазина попёр, — услышал Виталий знакомый хриплый голос и, бросив взгляд в сторону сгрудившейся компании, он увидел своего недавнего «приятеля», толкнувшего Натю у магазина.

— А, этот козлик здесь, значит, — презрительно бросил Вит в сторону компании и, обращаясь к коренастому, который, судя по всему, был у них за «весового», сказал, — Этому вообще следует башку оторвать, чтоб не борзел в другой раз. Неужели ты думаешь, что я на него от нечего делать попёр. Он мою жену толкнул, а извиниться забыл. Вот и пришлось объяснить дурачку, что к чему.

— Ну, ладно, разобрались, — чуть важничая, сказал коренастый, — ты, я вижу, парень свой, уважаю крепких.

— Да, дать ему надо, чтоб не лез на наших, — послышался из-за спин дружков голос белокрысого.

— Ты, Сивуха, заглохни и не суйся, куда не надо. Без тебя разберёмся, — грозно сказал коренастый и, протянув Виталию руку, добавил, — меня Коля зовут. Или просто «Жук». Если что, меня тут в районе все знают. А ты молодец, хорошо держался.

— Стараемся, — пожимая его руку, позволил себе улыбнуться Виталик. — Будь здоров, Жук.

Закрыв нож и сунув его в задний карман джинсов, он оглянулся в сторону Наты и Кати. Они стояли чуть в стороне, ошеломленно глядя на Виталия и его «соперников», будто потеряв дар речи от неожиданности. Вся сцена драки промелькнула в несколько стремительных минут, и они ещё не успели прийти в себя от внезапного испуга. Публика на остановке тоже заинтересованно поглядывала в их сторону.

«Глядят, сволочи, а убивать будут — никто не подойдёт», — зло подумал Виталий, презрительно оглядывая собравшихся у остановки людей. — Хорошо, нож случайно оказался в кармане, а то бы измордовали, подонки, как пить дать. Ну, да ладно, пронесло, и слава Богу».

Перочинный нож он сунул в карман, когда шёл на свидание с Натой, посчитав, что на пикнике он может понадобится, и там, в лесу, нож очень пригодился для «обработки» консервов, колбасы и огурцов. Однако Виталий и предположить не мог, что этим, таким полезным в

путешествиях и в хозяйстве и таким, казалось бы, домашним орудием придётся отпугивать московскую шпану.

«И как я вспомнил о нём?», — удивлялся про себя Виталий, не имевший пристрастия к оружию вообще и никогда не носивший в кармане нож, за исключением «походной» необходимости. — Что значит инстинкт самосохранения — критическая ситуация, опасность для жизни и здоровья, и как будто включающий какие-то неведомые силы мозг работает как бешеный в поисках выхода, мышцы наливаются необычайной мощью и энергией. Интересное ощущение максимальной собранности и отдачи. Тоже, выходит, вдохновение в своём, физическом, что ли, выражении».

Сейчас, расслабившись и уже почти успокоившись, Виталий ощущал в душе горячий трепет освобождения и скрытой мужской гордости. Драться ему, конечно, приходилось и раньше — какой пацан не дрался со своими сверстниками в разные годы своего детства и ранней юности. Но вот так — один против шести, да ещё на чужой территории, он оказался впервые. И нож на человека он тоже поднял впервые...

«Да, ножа они здорово испугались, ханурики», — продолжая «прокручивать» ситуацию, размышлял Виталик, качаясь на мягком сидении автобуса рядом с Натой. — Хорошо, что всё обошлось без крови, а то в заварухе, когда или тебя, или ты, всё могло случиться. Да и контроль где-то теряешь над собой от злости. Вот, сволочи, не живётся им спокойно, дай им с пьяных глаз душеньку отвести — попинать кого-нибудь эдак шестером-всемером, чтоб не скучно было. Самих бы их... А ударил бы ножом, если бы так сложилось? Сейчас даже представить трудно, что, в принципе, мог вонзить лезвие в человека. Кровь... Да, кровь — это серьёзно...».

Виталию вспомнился давний эпизод школьных приключений, когда они с Бепю и ещё одним пареньком, их соседом, отправились после уроков «на охоту», а проще говоря, пострелять птичек. Соседский паренек этот, Гришка, взял из дома отцовское охотничье ружьё в чехле, патроны с дробью, и они отправились в горы. Горы были кругом и рядом, но везде жили люди, и стрелять вблизи жилья было небезопасно. Поэтому было решено доехать на автобусе до Гулисты — горной речки, протекавшей уже за чертой города, и подниматься вверх по ущелью до более или менее тихого места. Так и сделали.

Доехав на автобусе до Гулистинского моста, «охотники» спустились по насыпи к речке, мелкой, но шумной и довольно широкой, и отправились вдоль берега вверх по течению. Высокие лесистые края гор нависали над узкой, извилистой поймой реки, образуя захватывающее по красоте ущелье. Берег речки, стремительно несущейся по каменистому ложу, был густо усыпан хрустящей под ногами галькой. Речка, за-

росшая вдоль берега колючим кустарником и нежно-зеленой травой небольших уютных полянок, то сужалась, бурля на огромных валунах, то разливалась вширь, притираясь к самым скалам, даже подмывая кое-где берег. Порой, чтобы пробраться вдоль берега вперед, приходилось скакать с камня на камень, которые предательски блестили речной влагой.

Кусты ежевики, свисавшие косматыми лохмами с откоса горы, жадно цеплялись колючками за волосы и рубашки новоявленных «охотников». Наконец, после получаса ходьбы, ребята набрали на довольно широкую поляну, окружённую спрятанными горой от солнца и потому чахлыми кустарниками и деревцами дикой сливы. Речка образовывала у края опушки довольно глубокую голубоватую заводь, так и зовущую окунуться после лазанья меж колючих кустов в жаркий полуденный зной. Недолго думая, пацаны скинули брюки и рубашки и с уханьем и гиканьем окунулись в холодную воду. Быстро замерзнув (вода, несмотря на летнюю пору, была довольно прохладной), они выскочили на берег и, наскоро обтершись рубашками, принялись собирать сухие ветки для костра. Вскоре небольшой костёр пылал весёлым огнём, согревая мокрые холодные ноги мальчишек. Бепо достал из рюкзака специально прихваченную в поход алюминиевую сковородку, яйца, сыр, хлеб, помидоры, соль. Через несколько минут ароматная яичница с чуть поджаренным сыром была честно разделена на три равные части и тут же быстро исчезла вместе с хлебом и помидорами в улыбающихся довольных ртах пацанов.

Теперь настал главный момент похода. Гришка степенно открыл чехол, вынул и собрал двустольное новенькое ружьё, сунул в каждый ствол по патрону. Повесив ружьё на плечо дулом вверх, Гришка, как заправский охотник, пошёл вглубь опушки, выискивая добычу, — сделать первые выстрелы по праву хозяина оружия должен был именно он. Вскоре он разрядил ружьё в сторону деревьев, стоящих метрах в тридцати, но, то ли промахнулся, то ли добыча вовремя упорхнула — следов его выстрелов ребята не нашли.

Более удачливый и меткий Бепо сразил наповал небольшую чёрненькую птицу вроде дрозда. Вид этой растерзанной в пух и клочья окровавленной плоти неприятно поразил Витальку, уже взявшего, по очереди, ружьё в руки. От птички, в общем-то, ничего не осталось, кроме грязно-кровавого, облепленного пухом и перьями, бесформенного кусочка мяса. Пареньку стало немного жаль эту ни в чем неповинную, трепыхающуюся на ветке ещё минуту назад птичку, и поэтому он не искал жертвы, а выстрелил наугад, в деревья, прицелившись для интереса в какую-то толстую ветвь. Приклад ружья два раза больно ударил в не ожидавшее такой «грубости» плечо.

Потом они стреляли ещё, пока на другой стороне речки не услышали грозный окрик мужчины в форменной фуражке. Вроде бы он

приказывал им стоять на месте и ждать его, но делать это по своей воле было, по меньшей мере, глупо — ружье егеря отнимет обязательно, — поэтому «друзья-охотники» рванули, что есть духу вниз по течению, и, оторвавшись от преследователя, запрыгнули в удачно быстро подъехавший автобус. Всё обошлось без неприятностей, но тот окровавленный, истерзанный комочек живой плоти застрял в душе Виталия навсегда.

— Не хочу уезжать, не хочу, — шептали губы Виталия, нежно прикасаясь к мягкой щеке Наты, прижавшейся к нему всем телом. — Не смогу так долго без тебя. С ума сойду или утоплюсь.

— Дурачок, лучше приезжай ко мне. Я тебя поцелую, и всё пройдёт, мой хороший. Ты был такой красивый, когда дрался сегодня, что я даже в тебя влюбилась в тот момент.

— Представляю, какой бы я был красивый, если бы они меня достали... Значит, в тот момент ты меня полюбила, моя прелесть, а до этого, выходит, притворялась, что любишь?

— Я и сейчас притворяюсь, просто мне хорошо с тобой.

— Ну, если хорошо, значит, не притворяешься?

— Может, и не притворяюсь, а будешь приставать — разлюблю навсегда, понял?

— Ну, этого я тебе не позволю. Никогда!

— Как это ты не позволишь? Вот разлюблю и всё, и прогоню...

— А я тебя тогда украду и в горы увезу. Не забывай, что мой дед абхаз был настоящим джигитом — с усами, в черкеске и с кинжалом.

— Ну, тогда я сдаюсь. Джигиты с кинжалами мне нравятся, хоть я их и боюсь ужасно.

— Не бойся, я твой джигит, а настоящий джигит никогда не обидит женщину зря.

— А если не зря?

— Тогда всякое может случиться, как в том анекдоте: один джигит вернулся домой с охоты, подъезжает на коне к дому с богатой добычей. Жена увидела его в окошко, выскочила радостная, помогла слезть с лошади, сняла притороченные к седлу охотничьи трофеи, только потянулась к нему с поцелуем, а он ей — хлоп пощёщину! «За что?», — вскричала жена обиженно. «Было бы за что, вообще бы убил», — сказал муж и пошёл в дом.

— Ну, это плохой анекдот. Я бы его сама в ответ — хлоп по морде, тогда бы узнал «что почём», грубиян противный.

— Ну, ты-то у меня амазонка известная!

Они стояли в палисаднике недалеко от дома Наты в густом окружении деревьев и кустов. Было темно и безлюдно. Слева и справа сверкали разноцветные окна однотипных пятиэтажек, которыми, в основном, был застроен весь этот район. Где-то впереди ещё шумела

автострада широкого проспекта, светясь в темноте голубыми огнями высоких фонарей.

— Мне пора, моя прелесть, а то Елена Ивановна моя будет волноваться. Неудобно как-то заваливаться в чужой дом чересчур поздно.

— Ну, подожди еще немного, успеешь, ничего с твоей Еленой Ивановной не случится. Поцелуй меня ещё, мой сладкий.

— Я приеду, я снова приеду к тебе, моя любовь. Вот соберу стипендию за два-три месяца и приеду.

— Так долго ждать — несколько месяцев. А вдруг я тебя забуду?

— Не забудешь. Я буду писать тебе длинные письма о моей любви, и звонить часто-часто. Я тебе ещё надоем своими письмами и звонками, моя сладкая.

— Ладно, я буду ждать, мой хороший. Но ты приезжай скорее...

— Я приеду, обязательно приеду на первые же каникулы — осенью. Ну, дай я тебя ещё раз поцелую, моя радость, на прощание...

— До свидания, Виталька!

— До встречи, Натуля. Я тебе позвоню, как долечу, а потом напишу...

Вечернее ласковое солнце медленно опускалось в серебристое, сверкающее оранжевыми искрами гладкое море. Виталий сидел на пустынном уже почти пляже, глядя в далёкую, зовущую морскую даль, сидел на том самом месте, где любили загорать Ната и Людочка. В этом отдалённом конце пляжа было совсем безлюдно, лишь там, вдали, у входа, виднелись ещё несколько человек — любителей вечернего купания. Он не купался — просто приходил сюда по вечерам, когда было свободное время, или когда было совсем невмоготу от тоски, и долго сидел, глядя на море, курил и предавался воспоминаниям. Порой здесь у него рождались и стихи, которые в последнее время всё больше и больше увлекали его душу и разум, становясь столь необходимым чудодейственным снадобьем от всех невзгод и печалей.

...Сто, тысячи солнц жгут пустыню груди!

Тебя нет! Ты была — как виденье, как миг пролетела,

И где-то сейчас впереди...

Он, как и обещал, звонил Нате каждую неделю и писал длинные, страстные письма с бесконечными признаниями в любви и со стихотворными посвящениями собственного сочинения.

... Люблю тебя сейчас, люблю,
И одиночеством терзаюсь,
А что пишу — я в том не каюсь,
Хоть сердца тайны выдаю...
Хочу, чтоб вечно вы звучали,
Слова любви, слова печали...

Часть вторая

Осень счастья и надежды

I

Студенческие будни текли своим чередом. Каждый день походил один на другой, как две капли воды из одного, неплотно закрытого крана. Утром, разбуженный звонком будильника, Виталий быстро собирался и, попив наскоро чайку, поднимался на второй этаж за Борькой. К моменту его прихода Кит ещё, как правило, валялся в постели, хотя уже прозвучали неоднократные призывы к завтраку тети Жанны, его матери.

— Доброе утро, тетя Жанна, — приветствовал Виталий мать Кита, как правило, открывавшую ему дверь. — Наш студент еще в будуаре?

— Доброе утро, Виталик. Хоть ты его подними, лентяя.

— Подъём, труба зовет, — призывно восклицал Вит, распахивая дверь в комнату друга. — В Вашем распоряжении пять минут, сэр.

Кит срывался с постели, хватал одежду и, одеваясь на ходу, шёл в ванную. Через минуту он выскакивал оттуда, застегивая брюки и рубашку, быстро нырял на кухню, хватал там чашку чая или кофе, уже приготовленную матерью, нёсся с ней в прихожую и садился надевать туфли, время от времени прихлебывая из приткнутой где-нибудь тут же, под рукой, чашки. Завязав последний шнурок и сделав следом за этим последний хлопок, он вставал во весь рост, расправляя плечи, как крылья, и, пробежав пальцами по густой черной шевелюре, открывал входную дверь.

Виталий каждый раз приходил в восторг от этой, почти ежедневной, утренней сценки, исполняемой Китом с профессиональным артистизмом. За короткое время своих экспресс-сборов и супер экспресс-завтрака, Кит успевал, порой, сделать замечание матери насчёт чистоты рубашки или брюк и поругаться с сестрой по поводу очередного дележа сладкого в доме.

На лекции они никогда не опаздывали, предпочитая такси всем остальным видам общественного транспорта. Пятьдесят копеек, «натикавшие» на счетчике такси по дороге до института, платил кто-нибудь из них по очереди. В «трудные» дни полтинник «сколачивался» совместными усилиями. Кит принципиально отказывался пользоваться троллейбусом, чем, порой сильно раздражал Виталия, не отличавшегося таким снобизмом. Но бросить Кита одного на дороге он не мог, да и в такси, тем не менее, ехать намного приятнее, чем в душном, битком набитом троллейбусе.

В институте на период лекций они расставались, но на переменках частенько встречались по разным студенческим делам, забегая друг к другу на этаж.

Домой, если не было разнобоя в занятиях, они возвращались тоже вместе и тоже на такси. Впрочем, если приходилось возвращаться одному, Виталий не чурался троллейбуса, тем более что к концу занятий денег у него, как правило, только и оставалось, что в один конец на троллейбuse.

Предусмотрительный и предприимчивый Кит к концу занятий успевал, как правило, «настрелять» у друзей и знакомых в институте столь необходимый ему полтинник. Персональный автомобиль был его страстью и стимулом жизни, позволявшим выглядеть таким самостоятельным деловым человеком, обременённым множеством различных забот и проблем, и потому не имеющим возможности тратить драгоценное время на проезд в тихомодном, с остановками, троллейбусе.

Впрочем, Кит и впрямь, был вечно в каких-то делах, встречах, беготне, звонках, разговорах, составлявших его оригинальный, суетный до сумасшествия, но привычный и любимый им мир. Вне этой, казалось бы, бестолковой и никому не нужной суеты, Кит чувствовал себя как рыба, выброшенная на берег, — беспомощная, задыхающаяся и жалкая.

Частенько, от нечего делать, Виталий составлял ему компанию в его разъездах и беготне по городу, не стараясь при этом уловить смысла и рациональное зерно всех этих мельтешений. Он считал, что это и невозможно, и ни к чему, и предавался во время этих путешествий, как правило, своим мыслям и заботам. Порой, даже люди, с которыми приходилось встречаться и знакомиться, находясь где-то вместе с Китом, проплывали мимо его памяти, не оставляя никакого чуть заметного следа. Кит же, казалось, знал всех или почти всех «кого надо» в городе, а если вдруг он кого-то и не знал лично, то этот человек, на удивление Виталия, уже где-то, от кого-то о его дружбе слышал и тут же, при встрече, переходил из категории заочных в категорию лично знакомых Киту людей.

Манера Кита запросто входить в контакт и знакомиться с людьми, секунду назад абсолютно чужими, восхищала Виталия своей изящной легкостью и беспринципностью. Будучи ужасным снобом по натуре, Кит, находясь в хорошем настроении, мог, однако, начать весёлый разговор-перебранку с каким-нибудь бродяжкой или пьянчужкой и, расставаясь, одарить мелочью «на пиво», если, конечно, этот «меляк» имелся у него в кармане. В плохом же настроении он мог облаять ни за что и вполне порядочного, спокойного человека.

Вечерами они резались в бильярд, вспоминая за игрой своих кентов Туку и Бепу, которых им всё же, порой, не хватало. Друзья тоже стали студентами, но в Тбилиси, изредка наезжая в родные места на выходные.

— Слушай, Вит, а давай и мы с тобой махнём в Тбилиси. Навестим наших братков, а то что-то они давненько не показывались, да и нам раз-

веяться не помешает, — как-то раз предложил Кит, уложив «доброго своячка» в центральную лузу.

— Можно, — согласился Виталик. — Я в Тбилиси ещё ни разу не был.

— Сейчас, осенью, по студенческому билету дорога в один конец на поезде стоит пять рублей. Туда-обратно — червонец с носу, ну, плюс, чтобы там погулять, кое-что. В общем, надо не так уж много. На выходные вполне можно скататься. Вечером садимся, утром — уже там. То же самое — обратно. Едем?

— Едем. Вот «стипуху» получу, и махнём, — согласился Виталий, прицеливаясь шаром в дальний правый угол. — Они там, наверное, уже разучились кий в руках держать, — усмехнувшись, добавил он, с треском вколачивая шар в лузу.

— Да, бильярд любит, когда и его любят — верно и постоянно, — согласился Кит.

Они сели в поезд в пятницу вечером и, покачавшись ночь на вагонных полках, ранним субботним утром прибыли на тбилисский вокзал. Взяв на стоянке такси, друзья поехали в студенческий городок, где в одном из общежитий проживал Тука и ряд других знакомых ребят из их города, учившихся в различных вузах Тбилиси, но селившихся, как правило, своей земляческой компанией. Бепо жил на квартире у родственников, но, по слухам, целыми днями пропадал в «братской» общаге.

Кит, уже бывавший не раз в Тбилиси, по дороге показывал Виталию некоторые достопримечательности этого большого и необычного своей восточной красотой города. Грузинские названия районов и улиц, мелькавшие за окнами такси, не застревают в памяти Виталия, не знавшего грузинского языка, но сама красота оригинальных по архитектуре зданий и живописная прелесть и больших улиц, и улочек восхищала заворуженного парня.

Студенческое общежитие встретило их обычной для подобных мест суетой, хлопаньем дверей, музыкой, доносящейся из комнат, криками и разговорами, гулко звеневшими в длинных узких коридорах.

Из неожиданно распахнувшейся перед самым носом двери одной из комнат величаво вышел высокий худощавый парень в спортивной майке и потёртых джинсах, неся в обеих руках огромную зелёную кастрюлю.

— Заур, здорово! — радостно окликнул его Кит. — Ты что, умыкнул чужой обед, бродяга?

— О, кого я вижу! — расплываясь в широкой улыбке, громко воскликнул парень. — Какими судьбами, друзья? Пошли в мою берлогу.

Заур, их земляк, сосед и товарищ детских игр, учился в Тбилисском политехническом уже несколько лет. Он с детства увлекался баскетболом, играл за юношескую сборную их города. Имея рост около двух ме-

тров, парень считался перспективным спортсменом, и здесь, в Тбилиси, тренировался и играл за студенческий клуб.

— Заходите, располагайтесь как дома, — ставя кастрюлю на маленький столик и перекинув какие-то вещи с кровати на стоящий в углу стул, гостеприимно предложил Заур.

Виталий и Кит сели на застеленную одеялом кровать. В небольшой узкой комнатке — в типично спартанском стиле всех общежитий — стояли вдоль стен, одна против другой, две кровати; к ним прилепились две обшарпанные тумбочки, небольшой стол у окна и пара стульев по углам — вот и вся меблировка. На одной тумбочке, обнажив всю свою радиотехническую утробу, стоял старый магнитофон с открытой верхней панелью. Стены были обклеены разноцветными вырезками из различных иностранных журналов, представляя впечатляющую галерею известных футболистов, баскетболистов, рок-групп, музыкантов и певцов, а также очаровательных девушек в «купальной упаковке».

Заур нажал клавишу магнитофона, и комнатка наполнилась могучими аккордами одной из баллад известной рок-группы Black Sabbath.

— Гречневой каши не хотите? Выиграл полкастрюли в нарды у хлопчика из двенадцатой комнаты, а ему девочки сварили и подарили — он любитель пожрать, — со смехом рассказал Заур, вынимая из тумбочки тарелки.

— Я не откажусь, если сахар есть, — откликнулся Виталий, любивший сладкую гречневую кашу, — а то мы прямо с поезда. Ты как, Кит?

— Я кашу не ем, но чаю бы выпил. Чай есть, Заур? — спросил Кит, развалившись на постели.

— Найдём, какие проблемы! — весело отозвался тот. — Я сейчас.

Он вышел из комнаты и через пару минут принёс горячий чайник и заварку.

— Вот и чай, господа-приятели, — радостно доложил он. — Прошу к столу.

— Ты что, чай тоже успел в нарды выиграть? — со смехом спросил Виталик.

— Нет, просто я знаю место, где он всегда есть и всегда горячий, — хитро подмигнув, ответил Заур. — Я же тут уже, можно сказать, долгожитель, а «стариков» всегда надо уважать.

— А сколько ты уже крутишься здесь, в Тбилиси? — спросил Кит, насыпая в стакан заварку и заливая её кипятком.

— Пятый год пошёл, а всё конца не видно, — ответил Заур, уплетая кашу за обе щеки.

— Чего так? Ты на каком курсе? — удивлённо спросил Виталий.

— На втором пока. Ещё тянуть и тянуть.

— Что-то я не пойму: четыре года учишься уже, а всё ещё на втором?

— Я же в баскетбол играю, чего тут непонятного, — усмехнувшись, объяснил Заур. — За факультет играю, за институтскую сборную играю, за дубль «Динамо» играю, за республику играю. Короче, играю, играю, играю. Когда учиться, сам подумай!

— Ты так все десять лет проучишься вместо пяти, — усмехнувшись, заметил Виталий.

— А я и не спешу. Баскетбол я люблю, а диплом дадут когда-нибудь. Куда денутся?

— Слушай, а как тут наши друзья прижились? Тука в какой комнате живёт?

— Он вместе с Лёвкой, в восемнадцатой. В конце коридора. Но они сейчас еще в институте, скорее всего.

Лёвку, с которым делил теперь угол студенческого житья-бытья Тука, Виталий знал очень хорошо. Они учились в одном классе и в последние годы школьной жизни сильно подружились, но, к сожалению, Лёвка жил в другом районе, и вне школы встречались они редко.

В Тбилисский политехнический Лёвка поступил сразу по окончании школы, и теперь Виталий виделся с ним крайне редко, но тем радостней были их встречи, наполненные воспоминаниями школьных лет.

«Сколько же мы уже не виделись? Года два, не меньше. Лёвка, Лёвка...», — расчувствовался Виталий, предвкушая встречу со старым школьным другом. Он вспомнил их первую встречу и более чем «необычное» личное знакомство.

В эту национальную школу Виталик попал, можно сказать, по протекции своей тётушки Галочки — второй младшей сестры мамы и, кроме того, уважаемого доцента местного университета — когда их семья переехала жить в ставший ему теперь родным черноморский городок. Школа была как школа, но один «поток» имел национальную специфику: там с первого по десятый класс изучали родной абхазский язык. Опять же по личной просьбе дорогой тётушки он был определён именно в национальный класс, поскольку на русском, общем «потоке», изучали только немецкий, а Виталий уже кое-что умел по-английски, поскольку изучал его в своей покинутой теперь российской школе.

Таким образом, Виталик стал единственным учеником этого сугубо национального класса, а, скорее всего, и единственным в долгой истории этой школы, учеником с русской фамилией и русским происхождением, обучавшимся в национальном секторе национальной школы. От изучения «родного» языка он был, конечно, освобождён ввиду его полного незнания, хотя этот язык был родным языком его матери, и она им владела лучше, чем русским. Однако, обучать там, на Севере, этому сложному в произношении гортанному языку своего единственного сына мама, к сожалению, не стала, видимо, не желая привлекать к себе и к нему излишнего внимания и, тем самым, не вызывать возможные насмешки соседей.

Новый класс встретил Виталика сдержанно, как бы приглядываясь к нему, но вскоре обнаружилось, что многие одноклассники являются одновременно и его родственниками самых различных степеней родства по материнской линии. Это обстоятельство как бы сломало все существовавшие преграды, и Виталий незаметно влился в дружный, сугубо абхазский и родственный, коллектив класса. Впрочем, в первое время он держался особняком, не имея привычки набиваться кому-либо в друзья.

Гордые мальчишки, его новые одноклассники, каждый по-своему определял свое отношение к нему, но, в общем, они, не зная толком русского паренка, тоже вели себя с ним сдержанно.

Однажды на уроке физкультуры Виталик играл баскетболом мячом и вдруг услышал дерзко-приказное: «Дай мяч!». Глянув мельком на «командира», парень продолжал играть, как бы не обратив внимания на наглый тон.

— Дай мяч, оглох, что ли? — послышалось снова. К нему подходил Лёвка, черноволосый, крепко сбитый паренек с чуть раскосыми азиатскими глазами.

— Пошел ты... — спокойно ответил Виталик, продолжая «водить» мяч одной рукой. На спортивной площадке воцарилась тишина. Все одноклассники и одноклассницы смотрели на них в ожидании развязки. Лёвка чуть побледнел, глаза его совсем сузились, превратившись в злые щёлочки боевых дзотов.

— Дай мяч, говорю! — зло выкрикнул парень, хватая Виталия за плечо.

Не раздумывая ни секунды, Виталик «вмазал» Лёвке левой в челюсть и, отскочив, застыл в ожидании драки, крепко сжимая кулаки. Откачнувшись от удара назад и ещё больше побледнев, Лёвка тут же принял боксерскую стойку и бросился в атаку на соперника.

Схлестнуться по-настоящему одноклассники им не дали, растащив в разные стороны.

— Ты чего? На кого попёр? Он же боксом занимается! — шептал чей-то горячий голос Виталию в ухо. Крепкие руки ребят держали его за плечи. В нескольких метрах яростно вырывался из рук друзей взбешённый Лёвка.

— Видал я таких боксеров, — зло крикнул Виталик, тоже стараясь вырваться. Но больше драться им не позволили, а Виталий после этого инцидента стал совсем своим в этом необычном классе, особенно подружившись через некоторое время с тем самым Лёвкой.

Они даже «побратались» на одной из многочисленных в то время вечеринок, организуемых их дружным классом по любому поводу в период учебы в десятом — последнем классе совместной школьной жизни.

«Братание» заключалось в том, что каждый из побратимов вырезал бритвой на внешней стороне руки, чуть ниже локтя, первую букву имени своего «кровного брата», а потом эти кровавые инициалы прикладывались один к другому, обеспечивая тем самым «смешение крови» и, соответственно, «кровные узы братства». Тонкий шрам в виде буквы, остающийся на месте пореза, лишний раз напоминал о побратиме, живущем где-то — пусть далеко и пусть своей жизнью, — но близком в воспоминаниях и при встречах. Недаром же говорится: «старый друг дороже новых двух». Тем более, если это друг детства.

Белесый тонкий шрам в виде буквы «Л» на левой руке остался у Виталия на всю жизнь...

Виталик и Кит, коротая время, играли в нарды, которые приволок от соседей Заурка, постоянно убегающий по своим делам, и через некоторое время появляющийся вновь с очередным грузом смешных общежитиевских новостей. Убежав куда-то в очередной раз, он вернулся минут через пятнадцать в сопровождении радостно улыбающихся Туки и Лёвки. Друзья обнялись и расцеловались, как было принято в их среде между близкими друзьями и «кентами». Маленькая комнатка сразу наполнилась раскатами смеха, возгласов, шумных разговоров и дружеских перебранок.

Тука и Лёвка делились впечатлениями своей столичной студенческой жизни, Кит и Вит, в свою очередь, рассказывали последние новости их родного городка, связанные, в основном, с жизненными перипетиями их общих друзей и знакомых. От упоминания общих друзей один шаг до воспоминаний вообще, и скоро в общем разговоре стали возникать забавные эпизоды и случаи прошлой, в основном, школьной жизни, которая вроде уже и далеко, а вместе с тем ещё свежа в памяти, как недавно просмотренный увлекательный фильм.

— Лёвка, а помнишь нашего незабвенного военрука? Как мы его допекали на занятиях по строевой? А помнишь, как ты однажды удрал с занятий по гражданской обороне в парк, обрядившись в химзащитный костюм с противогазом на голове и с учебным автоматом в руках? Публика в парке так и шарахалась в разные стороны! Ха-ха-ха!

— А помнишь наши вечера? Весело было, и танцевали тогда до упаду. Помнишь, на одной вечеринке Гурам Возба на спор «шейковал» без остановки целую кассету?

— Помню. Он тогда выиграл у Тимура золотую цепочку.

— А когда литровый рог пустили на тосты в новогоднюю ночь, помнишь?

— Ну, тогда все «накушались» под завязку!

— Весело мы жили в десятом, скажи?

— Да, теперь только вспоминать...

Весёлым воспоминаниям не было конца. Гремящие из расхристанного магнитофона мощные аккорды hard-rock сливались с не менее мощными «аккордами» всеобщего громового смеха дружеской компании.

Известный шутник и весельчак Заур тоже внёс свою лепту в общее веселье.

— Слушай, Тука, хочешь пари, что достану задницей потолок в коридоре нашей общаги? — с сатанинской улыбкой предложил он вдруг молчаливому даже сейчас Туке.

— Как это ты достанешь? — лениво спросил Тука, недоверчиво глянув на Заура.

— Достану без каких бы то ни было приспособлений. Вот так, как есть — в джинсах и майке. Ну что, спорим?

— Прыгать, что ли, будешь, длинный? — всё ещё сомневаясь, спросил Тука.

— Как это можно прыгнуть задницей вверх, да еще в коридоре? Ты что, смеёшься, сам подумай!

— Да, прыгнуть таким образом вряд ли получится, — с улыбкой, но всё ещё недоверчиво, согласился Тука.

— Ну, так что, спорим на коньяк? — не отставал Заур, незаметно подмигивая остальным, мол, поддержите — пьём всё равно вместе.

— Давай, Тука, не дрейфь, дело верное, — поддержал Зауру Кит. — Мы все будем за судей, так что обмануть тебя не дадим.

— Ладно, — согласился, наконец, Тука, — спорим на коньяк, но чтоб в руках или рядом ничего не было, на что можно опереться или встать.

— Вот так, как есть, — вскочил довольный поворотом дела Заур, — даже майку, если хочешь, могу снять.

— Майку можешь оставить, — благосклонно позволил Тука. — Пошли в коридор.

Вся ватага высыпала в длинный коридор общежития, предвкушая интересное зрелище.

— Покажи то место на потолке, до которого я должен дотронуться своим задним местом, — как бы серьёзно обращаясь к Туке, но явно разыгрывая спектакль, попросил Заур.

Тука, а за ним и все остальные задрали головы вверх, разглядывая ровную, во всю длину, белизну невысокого потолка.

— Да какая разница, — решил вскоре Тука, убедившись в идентичности всех участков плоскости потолка на всём его протяжении. — Где тебе самому больше нравится. Давай!

Не долго думая, Заур подошел к участку стены между двумя дверями, упёр в стену обе руки и, упершись вслед за этим в противоположную стену обеими ногами, ловко поднялся поперек коридора до самого потолка, быстро перебирая руками и ногами. Он как бы «шел» по сте-

не назад ногами, одновременно передвигаясь вперёд на руках. Зависнув под потолком, Заур три раза прикоснулся задом к его побеленной поверхности и с возгласом: «Тука, я жду коньяк!», — спрыгнул вниз. Под общий хохот зрителей Заур отряхнул побелевшие сзади джинсы и снисходительно похлопал смеющегося вместе со всеми Туку по плечу:

— Учись, сынок, как надо зарабатывать на жизнь!

— Этот способ мне не подходит, — ответил улыбающийся Тука, — ростом не вышел, к сожалению. А ты здорово меня поймал, Заур-джан, я ведь и не сообразил, что коридорчик-то у нас совсем узкий — метра два с половиной, не больше, а ты с вытянутыми вверх руками на все три потянешь, баскетболист чёртов! И куда растёт, бамбук долговязый?

— Бамбук много влаги требует — имей в виду, — рассмеялся Заур, намекая на выигранный коньяк.

— Да вижу, что тут у нас неплохая бамбуковая роща собралась, — под общий смех согласился Тука. — Только успевай наливать и наливать.

— Ничего, общими усилиями управимся, — успокоил его Кит, обнимая за плечи. — Ближе к вечеру поднимемся на фуникулёр, надо Виту показать Тбилиси сверху. Первый раз в столице человек. Да и ресторанчик там же, на горе, стоит неплохой, а?

— О чём речь, Кит, — согласился Тука, подмигнув Виталику. — Всё будет в лучших традициях грузинского гостеприимства, хоть мы и не тбилисские миллионеры, а всего-навсего нищие студенты.

— Ну, миллионерами мы стать всегда успеем, — поддержал его Кит, — главное, вовремя успеть стать настоящими людьми, а, Вит?

— Ты прав, как никогда, — с улыбкой ответил Виталий, возвращаясь вместе с друзьями в комнату Заура. — Слушай, Заурка, а где наш «феноменальный» Бепо? Говорят он у вас в общаге «пасётся» день и ночь...

— Где-то, видать, застрял, но появится обязательно, не волнуйся.

Знаменитый проспект Руставели, залитый мягким золотом осеннего, но по южному ещё теплого солнца, пестрил многолюдной толпой и сверкающими корпусами пронесившихся автомобилей. Желтеющие уже листья высоких ветвистых платанов, стройными рядами обрамляющих тротуар, шелестели кое-где под ногами пешеходов. Тбилисская публика обращала на себя внимание спокойным горделивым достоинством, которое сквозило в лицах, жестах, походке прохожих, как правило, одетых солидно и со вкусом. Попадавшиеся навстречу белолицые, с пышными причёсками блестящих на солнце чёрных волос, огненноглазые молодые грузинские женщины и девушки, восхищали своей знаменитой загадочной красотой и живописными супер модными нарядами.

Виталий слышал от друзей много рассказов об особой тяге тбилисцев ко всему самому модному, самому красивому, самому дорогому, и это мнение лишний раз подтверждала теперь наяву нарядная тбилисская публика, фланирующая «туда-сюда» по проспекту Руставели.

«Не зря бытует шутка о том, что Тбилиси — это маленький Париж», — подумал Виталий, разглядывая прохожих. — Модниц и модников хоть отбавляй».

Застеклённый вагончик фуникулера — подвесной канатной дороги — плавно оторвавшись от платформы и зависнув в воздухе, медленно поплыл вверх и вперед. Внизу, всё шире и шире разливалась красочная панорама прекрасного, несравненного города, огромной многоцветной мозаикой раскинувшегося в широких, разделенных извилистой змейкой Куры, ладонях мягко зеленеющей долины, края которой плавно взбегали на окружавшие её со всех сторон тёмно-зелёные холмы. Сияньем древней, позолоченной изнутри серебряной чаши, до краев наполненной янтарным вином, струился над городом прозрачный золотистый свет заходящего солнца. Искры его, яркими бликами и звёздочками, вспыхивали вдруг на стеклах домов, желтоватой поверхности реки, невидимых глазу многочисленных блестящих предметах, находящихся где-то там, внизу, в огромном скопище домов, образующих этот чудесный город. Древний Тбилиси был прекрасен, как древняя восточная восхитительная сказка, удивляющая своим призрачным роскошным волшебством.

Дружеское веселье было в полном разгаре. Тосты сменялись пикантными анекдотами и забавными историями из студенческой «житухи», которые почти без остановки выдавал весельчак Заурка, развлекавший всю компанию на манер профессионального тамады.

Заширокими окнами ресторана — яркого образчика монументально-рамной архитектуры 40-50-х годов, — зависшего над городом, как бы прилепившись к высокому склону горы, как гнездо ласточки, россыпью бесчисленных ярких огней сверкала драгоценная сокровищница, именуемая певучим словом «Тбилиси». Огни огромного города, взбегая по окрестным холмам, возносились к южным звёздам, будто желая вобрать в себя и эту, недоступную человеку, искрящуюся бездну.

Виталию, как обычно расчувствовавшемуся от обилия дружеского участия, подкреплённого обилием бесконечных тостов, вспомнилась такая далёкая сейчас и оттого ещё более любимая и желанная Ната. До щемящей ныти в груди ему вдруг захотелось, чтоб она оказалась сейчас здесь, рядом с ним, в этой весёлой дружеской и хмельной компании, увидела эту алмазную россыпь огней, как будто падающих с высоких черных небес вниз и заполняющих до краев глубокую котловину города; чтоб она вдохнула вместе с ним этот прохладный пьянящий ночной воздух кавказских гор, наполненный неведомыми, горьковато-южными ароматами осенних деревьев и трав.

— Однажды в Тбилиси приехала итальянская кинозвезда Софи Лорен, — услышал вдруг Виталий звонкий голос Заура, привлёкшего всеобщее внимание друзей очередным анекдотом. — И вот как-то

поздно вечером сидит она в одном пеньюаре в своем шикарном номере «люкс» перед зеркалом трюмо и совершает вечерний туалет, готовясь ко сну. Вдруг распахивается окно, и в комнату врывается молодой грузин. Ну, она, конечно, в панике — посторонний мужчина, может, грабитель, может, насильник, а она в одном пеньюаре! Вскрикивает она, собирается кричать и звать на помощь, а он ей говорит: «Нэ бойся, дарагая, ничего не сделаю, клянусь мамой. Только одну просьбу маленькую имею и всё». Ну, она слегка успокоилась после этого, а он ей протягивает кольцо с бриллиантом и говорит: «Эта мой малёнький подарок от всей души. Я ничего не прошу, только, когда будешь уезжать, помашки рукой с трапа самолёта и скажи: «до свидания, дарагой Гоги». Больше ничего не прошу». Ну, она, конечно, согласилась — просьба самая пустяковая, и опять же подарок ей понравился.

И вот настал день отъезда. Софи Лорен провожает в аэропорту огромная толпа поклонников таланта и красоты, и среди провожающих стоит тот самый Гоги со своими друзьями. Вот она поднимается по трапу к самолёту, поворачивается к провожающим лицом, машет ручкой и громко кричит: «До свидания, дорогой Гоги!» Все друзья, конечно, смотрят на своего друга Гоги вот такими «полтинниками», а он, так небрежно махнув рукой, презрительно бросает: «Э-э, какой ещё свидание? И так надоела по горло!» Публика вокруг хватается за голову, услышав такое, а он, гордо повернувшись, уходит прочь.

— Это на тбилисских похоже! — перекикивая взрыв общего хохота, со смехом воскликнул Кит. — Я их хорошо знаю. «Понту» в них хоть отбавляй, и любят иногда «пустить пыль в глаза». Я вот тоже знаю похожий анекдот.

Однажды один русский турист, приехавший поглядеть на прекрасный город Тбилиси, шёл ночью по тёмной улице, возвращаясь в гостиницу. Топал, топал, устал, а до гостиницы ещё далеко. Решил он взять такси и сунул руку в карман, чтоб посчитать, сколько у него денег осталось. Вынул деньги, закопошился в темноте и нечаянно выронил рубль. Стал искать — ни черта не видно. Ползает по тротуару, шарит руками — никак не найдет. Тут идет мимо местный «крутой», а потбилисски «джи-джи», и спрашивает туриста: «Щто патерял, дарагой?» «Да вот, рубль уронил — не могу найти», — отвечает ему турист. «Давай пасвечу», — предлагает тбилисец. Достает он из кармана пачку денег, вынимает, не глядя, из нее червонец или, может, четвертак, свёртывает его трубочкой, поджигает зажигалкой, как свечку, и светит туристу. Тот нашёл свой рубль, радостно благодарит тбилисца за помощь, а наш-то скромно так отвечает: «Не за щто, дарагой. Бумаги не жалко, главное — гостю помочь в беде».

— Так и есть, — подхватил Тука, — тут такие раскрученные «джи-джи» встречаются, что не то что червонец — столик сожгут, не

пожалуют. Я тут недавно был в гостях у одного своего тбилисского одноклассника. «Пахан» у него «бабки» лопатой гребёт, сам на «мерседесе» катается, и сыну, когда тот в институт поступил, «жигули» сразу подарил. А на «хате» у них обстановочка, как в музее, я вам скажу. Мебель вся старинная, зеркала, картины, ковры — где сесть не знаешь. А в подвале вообще — атас! Стоит большой бильярд и в каждом углу по телевизору переносному, чтоб лишний раз не поворачиваться, значит, во время игры, если что глянуть в «ящике» захочется.

— Да, умеют люди жить, чего говорить, — понимающе качая головой, сказал Кит. — У нас в городе таких «джи-джи» тоже хватает. «Шустрят», кто как может. А почему бы и нет, если есть такая возможность. Один раз живём, в конце концов, почему бы и не покайфовать?

— Не в этом же главное, Кит, — подал голос Виталик. — За деньги, даже за миллионы, всего не купишь.

— Ну, ты у нас идеалист известный, знаем. Честь, совесть, любовь, правда ... Всё это есть в прекрасных детских книжках, а в жизни, Вит, тебя с твоей честью, совестью и правдой сто раз продадут и купят эти самые «джи-джи». Они ведь теперь везде есть, сам знаешь. Жизнь такая пошла, что тот, кто может, тот и пан, а кто не может — тот болван.

— Ну, это поживем-увидим, кто пан, а кто — болван. Правда, она всегда своё возьмёт. Мы же не в Америке живём, в конце концов, чтоб миллионеров плодить подпольных. Когда-нибудь возьмут всю эту братию за хвост, и тогда поглядим, где твои «рокфеллеры» окажутся.

— Да ладно тебе, простачок. Кто кого брать будет? Все «одним миром мазаны», все в одну петлю повязаны. Ты оглянись кругом, вникни, а то привык в своих книжках ответы искать. Ты их в жизни нашей веселой поищи, тогда поймешь. Ничего, столкнёшься как-нибудь сам, шлёпнешься разок мордой об стол, тогда по-другому запоёшь.

— Жизнь покажет, — упрямо пробубнил Виталий, не желая отступать от своих принципов.

— Покажет, покажет. Она тебе, дурачок, такое покажет, что ты от удивления заикаться будешь.

— Ладно, политики, кончай базар, — встрял в разговор Заур, — отваливать пора. — Когда коньячок кончается, тогда кабачок закрывается.

— А сейчас проверим вашу храбрость, джигиты, — провозгласил Заур, когда компания друзей вышла на воздух. — Предстоит принять участие в смертельном трюке, который по плечу только настоящим горцам.

«Смертельным трюком» оказалась вагонетка фуникулёра, но не подвесная, а спускающаяся по рельсам с помощью троса и лебедки. Поблескивающие металлом рельсы пугающе падали во тьму по крутому склону горы, покрытому густым колючим кустарником.

— Неплохой гроб на колёсах, не правда ли? — с шутилой, но мрачной усмешкой, спросил Заур, когда все забрались внутрь вагончика, и

он медленно пополз вниз, в неизведанную и потому пугающую чёрную бездну обрыва. — Представляете, как весело он покатится вниз, если трос внезапно лопнет? А такое, говорят, случалось уже не раз с этой развальной.

— Ладно, кончай страху нагонять, и так «мандраж» берёт, — глядя в чёрную бездну обрыва, с усмешкой, но чуть раздражённо, сказал Тука.

— Не знаю, как вы, а я лично, если вдруг «понесёт», выпрыгиваю, — решительно и серьёзно, но со скрытой усмешкой в голосе, сказал Заур и, ухватившись руками за поручни, встал в открытом боковом проёме входа, как будто и впрямь приготовившись прыгать в кусты.

— Слышь, Тука, — сказал он через секунду, как-то внезапно напрягшись и как будто прислушиваясь к чему-то, — кажется, она быстрее пошла, нет?

Вагонетка и впрямь заскользила вниз чуть быстрее. Видимо, начался самый крутой участок спуска, а Заурка, зная об этом, решил ещё больше «накалить атмосферу», верно рассчитывая на доверчивость Туки, и на его известную чрезмерную бдительность в моменты опасности.

— Э, братцы, она и впрямь пошла быстрее, — уже с тревогой в голосе, но ещё как бы не веря и стараясь улыбкой скрыть подступившее волнение, тут же подтвердил Тука. Он тоже встал поближе к противоположному проему выхода, осторожно выглядывая во тьму ночи. Виталик, Кит и Лёвка сидели на скамейке лицом по ходу движения и, перемигиваясь друг с другом, молчаливо, с показным волнением на лицах, наблюдали за действиями Заура и Туки, ожидая весёлой развязки.

— Э, по-моему, она ещё быстрее покатила, — уже волнуясь по-настоящему, воскликнул Тука, обернувшись к друзьям, и призывая их в свидетели.

— Что-то тут не то, братцы, — разыгрывая испуг, подхватил Заур. — Раньше она так быстро не катилась. Я тут много раз ездил, знаю. По-моему, пора прыгать, а?

Все вскочили и, разыгрывая волнение, начали суетливо толкаться в узком пространстве вагонетки. Тука, схватившись за поручни, уже высунулся по пояс, время от времени оглядываясь на друзей, как бы ожидая их решения.

Заур вообще висел над бегущей мимо землей на одной ноге, держась рукой за поручень. Казалось, он вот-вот выпрыгнет из вагонетки, которая «раскогегарилась» ещё сильнее и неслась вниз, посвистывая встречным ветром.

— Надо прыгать, слышь, Тука! Разобьёмся все к чёртовой матери! — с паническим страхом выкрикнул Заурка. — Надо всем прыгать! Я прыгаю!

И он выпрыгнул. Как раз в тот момент, когда вагонетка как-то неожиданно плавно сбросила скорость и почти остановилась. Через секунду Тука торопливо выпрыгнул под смех друзей следом за Зауркой, но уже из спокойно стоящей вагонетки.

— Ну, как аттракциончик? — с улыбкой спрашивал Заур своих умиляющих со смеху друзей. Тука, несколько смущенно, смеялся вместе со всеми, восклицая время от времени: «Ну, ты артист, Заур-джан!», — чем вызывал новые приступы смеха у своих друзей.

— Тебе бы в каскадёры податься, Тука, — задыхаясь от смеха, прохрипел Кит, — цены б тебе не было, особенно в комедийных фильмах. Вицина бы классно дублировал в трюковых эпизодах.

— Чего уж там Вицина! — подхватил Лёвка. — По прыжкам в кусты он самого «индейца» Гойко Митича запросто переплюнет!

Продолжая весело обсуждать «смертельный трюк», друзья вышли на широкий проспект. Такси, конечно, не было, но вскоре подвернулся «чичико» — частник на «жигулях», — который согласился их подбросить.

— Куда едем? — спросил владелец «Жигулей» по-грузински, когда компания вошла в машину.

— На кладбище, — по-русски, грозным голосом сказал Заур, мрачно глянув на водителя.

Тот испуганно уставился на парня, который сидел впереди с ним рядом, и через секунду тихо выдавил по-русски: «На кладбище нэ поеду».

— Почему не поедешь? — с ещё большей угрозой в голосе спросил Заур, оглядываясь на сидящих сзади друзей. — У нас там дело есть.

— Туда не поеду, не по пути, — как-то сжавшись, тихо ответил хозяин машины, испуганно оглянувшись на сидящих сзади хмельных здоровых парней.

— Ну, ладно, тогда давай в студгородок, — снисходительно «разрешил» Заурка. — Там другую машину найдём.

Ехали они в полном молчании. Водитель нервно переключал ручку скоростей, поглядывая в зеркальце заднего обзора на сидевших сзади четверых парней. Изредка он косился и на мрачного Заура, светлая кулатая голова которого почти упиралась в крышу автомобиля.

Когда они вылезали из машины, Заур протянул водителю деньги, но тот, отказавшись от них, быстро укатил, резко взяв с места.

«При чём тут кладбище?», — размышлял всю дорогу Виталий, догадываясь, однако, что это какой-то очередной «прикол» Заурки.

— Здорово «труханул» этот «чичико», а? — со смехом воскликнул Заурка, когда «жигули» унеслись прочь, посверкивая красными огнями задних «стопарей» — Даже «бабки» не взял!

— Слушай, Заур, он что, кладбища испугался, что ли? — спросил Виталий усмехаясь.

— Понимаешь, все тбилисские блатные, разные там воры-шпанюки ездят для своих разборок, как правило, на кладбище. Все это знают. Публика эта, сам знаешь, суровая — без ножа редко кто из них ходит, а кое-кто и «пушку» носит в кармане. Вот наш «чичико» и «труханул», когда я про кладбище сказал. Подумал, конечно, что мы из блатных, раз ночью на кладбище собрались ехать. Опять же хмельным от нас пахнет, а Кит с Тукой оба небритые, черные — натуральные бандиты, да и только. Он и деньги не взял на радостях, что легко отделался, а то бывает так, что и машину отнимут. Попробуй рыпнись, когда с такими «орлами» дело имеешь. А мы, бедные студенты, сэкономили на этом деле пару рублей, которые нам завтра очень даже пригодятся на обед, — со смехом закончил он своё пояснение.

В комнате Заура они увидели Бепю, который играл в нарды с незнакомым парнем, ожидая их прихода.

— Здорово, гуляки! — приветствовал их Бепю, вставая с кровати и пожимая руки всем по очереди. — Где пропадаете? Бедный Резо уже, наверное, спать хочет — умирает, а я его развлекаю, вас, бродяг, ожидая. Мне сказали ваши соседи, что земляки, мол, твои приехали, а куда отвалили — никто не знает.

— Как жизнь столичная, Бепю-друг? — спросил Виталий, прижимая его к груди. — Морда у тебя, смотрю, довольная.

— А что ей, морде, сделается, если, конечно, с кирпичом случайно не столкнется, — со смехом ответил Бепю, обнимая, в свою очередь, друга. — Вы-то как там, в родных краях? Море наше еще плещет прибором?

— Море плещет, солнце блещет, — ответил, улыбаясь, Кит, тоже обнимаясь с Бепю. — Всех своим загаром лечит.

— Ну, ты, Кит, совсем поэтом заделался, я смотрю, — хлопая его по плечу, воскликнул Бепю.

— С кем поведешься, — усмехаясь, ответил Кит, показывая головой на Виталия. — Мы же с Витом теперь вдвоём, как два неразлучных башмака, связанных одним шнурком.

— А где же второй шнурок? — хитро спросил Бепю.

— Второй шнурок вы с Тукой увезли сюда, в Тбилиси, и надеюсь, он у вас ещё не лопнул.

— Пока нет, но если и лопнет, мы его свяжем узелком покрепче, а, Тука?

— Ага, или заменим резинкой от знаменитых трусов Бепю, — со смешком ответил Тука.

Ночевать Виталий и Кит устроились в комнате Туки и Лёвки, которые, по их словам, нашли себе пристанище на пустующих койках у соседей.

Весь следующий день пролетел как-то незаметно, до краев заполненный разнообразными впечатлениями от встречи с неизведанным волшебным царством, именуемым городом Тбилиси.

Утром неугомонный Заур зазвал всю компанию во Дворец спорта на баскетбольный матч с участием тбилисского «Динамо». После матча он с видимым удовольствием познакомил друзей с несколькими баскетболистами-мастерами. Виталий, считавший Заура высоким парнем, был удивлен, увидев его рядом с одним из баскетболистов-динамовцев. Спортсмен был выше долговязого Заурки почти на целую голову — примерно на столько же, на сколько Заур был выше Виталия.

— Чему удивляться? — с легкой завистью отметил Заур, отвечая на замечание друга, — у него рост два двенадцать.

Узкие и крутые улочки старого Тбилиси очаровали Виталия своей древней, умудрённой столетиями тишиной и несуетливостью. Звук шагов, звонко отчеканивающийся на булыжной мостовой, казалось, прыгал, как резвый шарик пинг-понга, меж мшистых каменных стен домов, протягивающих друг другу над головами прохожих дружеские ветви виноградной лозы. Украшенные зеленью виноградных листьев галереи некоторых зданий, стоящих друг против друга, находились чуть ли не на расстоянии вытянутой руки, соединяясь там, наверху, в трепетно-солнечную живую арку, дарующую тень нагретым солнцем глянцевым камням мостовой.

Маленькая старинная церквушка, спрятавшаяся от суеты широкого проспекта в небольшом зелёном скверике, одаривала вошедшего под ее гулкие своды торжественной прохладой древнего камня и лёгким запахом горящих свечей. Грустные, отрешённые лики многочисленных святых смотрели с икон огромными бездонными глазами мучеников, как бы раздраженных мишурным блеском дорогих окладов и нескромной пышностью церковного убранства. Одни лишь свечи, отражаясь тёплыми лучиками на серебре и позолоте убранства храма, казалось, приносили в вечно страждущую душу иконописных святых живой огонь любви и веры, горящий в их вселенских взорах.

Спрятанная в какой-то высокой, сложенной из крупного серого камня, стене, маленькая — в несколько столиков — кофейня, удивила ароматным уютом и сдержанным, но изящным убранством. Деревянные, «под старину», тёмные столики и стулья удачно гармонировали с серыми каменными стенами, украшенными со вкусом исполненной и с не меньшим вкусом развешанной чеканкой. Кофе по-турецки, сваренный, видимо, в особом, «для своих», варианте (угощал Заур), оказался изумительно хорош, под стать этому очаровательному тихому заведению.

Популярный кинотеатр, специализирующийся на показе западных фильмов, завершил программу дня захватывающими приключениями лихих ковбоев из «Великолепной семерки».

Прямо из кинотеатра друзья проследовали на вокзал, где в ситуации отсутствия билетов Киту всё же удалось «зацепить» двухместное купе в СВ.

То юности стремительные годы...

— Пускай подороже, но зато поедем, как белые люди, — чуть важничая, в своей манере, горделиво заявил Кит.

Виталий, усталый и очумевший, был готов упасть хоть на крыше этого поезда, лишь бы, наконец, спокойно отключиться до утра.

Тука, Бепо, Лёвка и Заур стояли на полутёмном перроне и, чуть грустно улыбаясь, смотрели на светящиеся окна поезда. Потом их всё более уменьшающиеся фигурки начали медленно уплывать назад, растворяясь во тьме ночи.

II

Писем от Наты не было. Виталий сходил с ума от тоски, звонил ей еженедельно в магазин, но телефонные разговоры не приносили никакого удовлетворения. Ната, находясь на работе, не могла говорить открыто, да и Виталий, услышав в телефонной трубке её голос, начинал задыхаться от восторга, немел от счастья, напрочь забывая все слова, приготовленные для неё. Он писал ей длинные нежные и восторженные письма, вкладывая в них всю свою душу, всю силу своей любви, омрачённой сейчас тоскою вынужденной разлуки.

... О, если б у меня была такая осень,
Я б с именем твоим молился и писал —
О том, что нет тебя прекрасней рассказал,
И песни б пел любви у древних сосен...

Виталий с нетерпением ожидал приближения «октябрьских», когда удачное сочетание праздничных и выходных позволит выкроить дней пять-шесть для поездки в Москву. Он мечтал об этой поездке, как умирающий от жажды мечтает о глотке воды, восторженно делясь с Натой своими радужными планами на эти долгожданные, обещающие стать восхитительными ноябрьские дни.

Ната за всё это время прислала всего одно письмецо, но и эти ее скудные слова о любви возносили Виталия на вершину блаженства, вдохновляя больше, чем все восхитительные сонеты Петрарки и Данте, вместе взятые.

— Ну, что тебе пишет твоя барышня? — с улыбкой спросила как-то мама, заметив в руках сына письмо, которое он носил с собой и перечитывал беспрестанно.

Всех знакомых Виталию девушек мама почему-то называла этим архаичным, но возвышенно старинным, исконно русским словом «барышня», неизвестно откуда попавшим в ее небогатый русский лексикон.

— Барышня пишет, что любит и целует, мамуля, — с горделивой улыбкой отвечал сын, хитро поглядывая на мать.

— Какая хоть она у тебя? Красивая? — с легкой иронической усмешкой спросила мама.

— Очень красивая, лучше всех, — ответил Виталик и вкратце описал внешность Наты, — стройная, высокая, длинноногая и большеглазая блондинка.

— Небось, крашенная блондинка-то? — усмехнулась мама, с хитринкой глянув на сына.

— Представь себе, нет. Самая натуральная. Ты же знаешь — я не люблю фальшивых подделок, мамуля.

— Ну-ну, дай Бог, чтоб фальшивкой не оказалась. А то много их разных бывает...

— Моя не разная, а как раз та, что надо! — уже слегка раздражаясь, сказал Виталий.

— Дай-то Бог, — с легкой печалью в голосе тихо сказала мама и ушла на кухню.

Вскоре он услышал резкие звуки переставляемой посуды, звон тарелок и чашек, дзиньканье вилок и ложек, доносящиеся из кухни. Мама, скрывая свое волнение от сына, как правило, переносила раздражённое состояние духа на ни в чем не повинную посуду и кухонную утварь, жалобно позвякивающую в её быстрых, нервных руках.

Дни тянулись медленно и однообразно, не оставляя по себе никакого следа в памяти, сливаясь в безликий и безрадостный серый поток. Дождливыми осенними вечерами Виталий частенько пропадал у Кита, где они, развлекаясь нардами, засиживались за полночь.

Самым счастливым человеком в доме Кита в эти их «домашние вечера» был его отец, дядя Костя — добродушный, умный и, как и многие истинные учёные, чуть отрешённый от грубых реалий жизни и потому слегка наивный человек. Он как-то весь внутренне расцветал, упиваясь скрытой радостью и счастьем, видя своего непоседливого и беспокойного сына дома, рядом с ним. Он никогда не намекал на то, что уже поздно, что уже пора спать, позволяя друзьям общаться один на один сколько угодно. Лишь бы дома, лишь бы на глазах.

Дядя Костя почему-то ужасно боялся за своего сына, считая, что тот, со своим дурным заносчивым характером, обязательно попадёт в какую-нибудь неприятную историю, пропадая подолгу неизвестно где. Он не раз просил Виталика «не оставлять Бориса» в его непредсказуемых путешествиях по городу, полагаясь на трезвую голову и спокойный нрав лучшего друга своего сына. Кит частенько саркастически посмеивался над этим, но, не желая лишний раз огорчать и беспокоить отца, сам, порой, просил дружка сопровождать его в этих «баламутных» похождениях. А Виталик спасался этими прогулками

от своей безысходной тоски и скуки, не вынося одиночества даже «в малых дозах».

В один из дождливых домашних вечеров, когда друзья коротали время за традиционными нардами в лоджии квартиры Кита, туда вошёл дядя Костя и взволнованно произнёс:

— Мальчики, я хочу с вами серьёзно поговорить.

Кит и Виталик, оставив на время игру, уставились на него с интересом.

— Сегодня в городе случилось несчастье. Мне рассказали, что одного мальчика ваших, примерно, лет, ударили ножом, и он умер в больнице, — с трепетным волнением в голосе произнёс дядя Костя.

Кит и Виталик переглянулись, обменявшись чуть недоуменным взглядом, мол, «Ну, и что? При чем здесь мы?», — но вида не подали.

— Они там заспорили, — продолжал отец Борьки, всё более взвизгиваясь, — и кто-то кого-то крепко обругал самыми нехорошими словами. И вот результат: мальчик, студент, как и вы, умер. Это ужасно! Дорогие мои мальчики, я вас прошу, я вас умоляю: если даже какой-нибудь подлец обругает вас или даже вашу мать, пусть даже самыми нехорошими словами, не связывайтесь. Скажите: «Да, хорошо», — и уйдите, уйдите, ради Бога. Я вас прошу!

Кит и Вит напряглись что есть мочи, желая сохранить приличествующую моменту серьёзную мину, но смех разбирал их, растягивая сжатые губы в предательскую улыбку. Они понимали благие намерения отца, боящегося из-за нелепой случайности потерять любимого сына, но им было смешно слышать такие несуразные, на их взгляд, увещевания. Они-то понимали, что ни лезвие ножа, ни даже дуло пистолета не заставят их, забыв мужскую честь, уйти оскорблённым и оплёванным трусом, чтобы нести потом в душе эту печать презрения к себе через всю жизнь. Да лучше захлебнуться своей собственной кровью и сдохнуть, но перед тем, в последнем яростном усилии воли, успеть плюнуть этой кровью в морду своему подлому врагу.

— Вы можете дать мне такое обещание, мальчики? — строго спросил дядя Костя.

— Какое обещание, папа? — изо всех сил стараясь выглядеть серьёзным, спросил Кит.

— Не связываться ни в коем случае с разными негодьями, что бы они там ни говорили, — с серьёзной решимостью настаивал отец Борьки.

— Нет, папа, — не выдержав и рассмеявшись во весь голос, прерывисто выпалил Кит, — такого обещания мы дать тебе не можем.

— Но почему? — с несказанным удивлением, округлив глаза и подняв густые чёрные брови вверх, спросил дядя Костя.

— Потому что это смешно, папа, — грубо отрезал Кит и, вновь рассмеявшись, добавил, — может, нам ещё и поблагодарить уважаемых не-

годяев за то, что они нас не убили сразу, а лишь «ласково» обложили матом? Ты что, в своём уме?

— По-моему, это ты ненормальный, Борис. Виталик, ну, хоть ты скажи ему, — с мольбой в голосе обратился дядя Костя к Виталию.

— Дядя Костя, дорогой, Вы извините, но Ваша просьба... — замялся Виталий, не желая обижать глубоко уважаемого им и уже далеко не молодого человека. — Трудно что-либо обещать наперёд, потому что различные бывают ситуации и не всегда есть возможность избежать дра... конфликта, понимаете? Это уж как получится, — добавил он с улыбкой, желая по возможности смягчить свой отказ.

— Вы ещё глупые мальчишки, — раздражённо выпалил отец Кита, — бравирующие друг перед другом своей дурацкой храбростью, не задумываясь о последствиях. Ничего, вы вспомните мои слова, когда у вас появятся свои дети! Тогда вы почувствуете ответственность за своего... — уже покидая лоджию и хлопнув в раздражении дверью, бросил расстроенный дядя Костя.

Вслед ему донеслось громкое ржание Кита и сдержанный смех Виталика, уже вновь взявшихся за игральные кости.

— Давай, бросай, — весело сказал Кит, обращаясь к другу. — Ну, выдал пахан, нечего сказать. Тоже мне, Макаренко нашёлся. Или этот, как его? Ян Амос Краменский!

— Каменский, — поправил его Виталий.

— Какая разница, всё одно — болтовня и чепуха, — презрительно констатировал Кит, с треском переставляя на игровой доске нарды свои «камни», — «Се бай ду — хау ду ю ду»!

— Кит, а ты не знаешь, кто этот паренёк? Не слышал, что там за «базар»? — спросил Вит, в свою очередь бросая кости, или «зари», как их называют в кругу нардистов.

— Не знаю. Завтра выясним у блатных, — серьёзно ответил Кит, перехватывая зари. — Наверняка, какой-нибудь дешёвый «базар» из-за «тёлки». Тоже мне, мафия! Хотел, небось, попугать или так, кровь пустить слегка для пущей важности, чтоб другие боялись. И не рассчитал удара, как это бывает, идиот. Теперь будет париться на нарах лет десять.

— Да, десять лет — это круто, — согласился Вит, сразу вспомнив Нату и своё ожидание встречи с ней. Десять лет ожидания представились ему такой бесконечной бездной тоски и одиночества, что у него от одной этой мысли похолодело в груди.

«А если б там, в Москве, в той драке всё повернулось иначе и пришлось бы...», — само воспоминание и всё то, что могло из этого получиться, ожгло нутро Виталия ледяным холодом страха.

«Ната, конечно, меня бы ждать не стала. Я ведь ей пока никто, а, порой, и мужей-то законных не ждут до конца. Да, жизнь, — не знаешь,

То юности стремительные годы...

где поймашь...», — разматывал Виталик невесёлую нить размышлений, продолжая машинально бросать зари и делать ходы на доске. — Та же игра — что выпадет на игральных костях судьбы, тот ход и будешь делать. А зари ложатся по-разному, и не всегда удачно для тебя, и сюрпризов в жизни хватает...».

III

Её огромные голубые весёлые глаза облили Виталя лучезарным светом живого интереса и легко читаемой благожелательности. Девушка открыто смотрела на него с ласковым добродушием, сопровождая взгляд мягкой улыбкой и как бы предлагая и ему ответить ей так же сразу и так же прямо и добродушно. Виталик утонул в её глазах, растерянно отыскивая в своем мозгу причину этого взгляда и, не находя её, растерялся ещё больше, не зная, что сказать, куда деть свои глаза.

— Знакомся, Вит, — услышал он бодрый голос Кита, появившегося из дверей гостиной. — Это Лана, моя двоюродная сестра. А это Ольга, подружка нашей Ланы.

— Очень приятно, — чуть смущённо пробурчал Виталя, глянув в сторону второй девушки, на которую он, столь внезапно захваченный в плен голубыми глазами Ланы, как-то не обратил особого внимания. Светленькая, круглолицая, какая-то невзрачная Ольга мило улыбнулась, отвечая на равнодушный взгляд парня.

— А это наш Виталик, — представил друга Кит, — наш знаменитый в будущем поэт, и подлинный Ромео — в настоящем.

— Ладно, Кит, кончай трепаться, — добродушно улыбаясь, пробормотал Виталя, бросив в сторону Кита шутивно-грозный взгляд. — А то все мои тайны выдашь сразу, а потом мне и рассказать о себе будет нечего.

Он чувствовал на себе неотрывный взгляд Ланы и старался не смотреть на неё, боясь вновь утонуть в бездонной голубизне прекрасных глаз девушки. Это удавалось ему с большим трудом — в узком, заставленном громоздкой мебелью, пространстве лоджии, где они расположились, явно не хватало «стратегического простора».

Взгляд Виталя, помимо желания, время от времени вновь окунался в притягивающую и пугающую его голубую пучину глаз Ланы, вызывая в душе неясное беспокойство и смущение. Глаза эти не просто откровенно говорили о живой заинтересованности, но и приглашали к взаимности, отвергая своей восторженной открытостью все преграды межличностных отношений. Взгляд Ланы с детской искренностью возглашал: «Ты мне очень понравился, Виталя, и это восхитительно! Я хочу, чтоб мы стали друзьями. Что же ты? ...».

— Ну, что, друзья, пойдём, прогуляемся, — предложил, наконец, Кит, — вечерок сегодня как раз для романтических прогулок — луна и звёзды, и всё такое прочее. — Он с обворожительной улыбкой глянул на Ольгу, как бы предлагая ей принять от него в дар все эти бесценные сокровища.

Вечер был действительно чудесен. Мягкая прохлада воздуха, чуть разбавленная горьковатыми ароматами южной осени, приятно наполняла лёгкие. Свежие порывы ветра доносили, порой, терпкие запахи моря, скрытого сейчас ночной мглой. Лишь отблеск звёзд, мерцание в чёрном стекле воды береговых огней да лёгкий, похожий на вздохи, плеск волн, выдавали его присутствие в ночи.

Виталий и Лана сидели на лавочке под огромным раскидистым эвкалиптом. Эта небольшая эвкалиптовая рощица, венчающая собой длинную приморскую набережную, являлась излюбленным местом отдыха горожан, и не менее излюбленным местом ночных свиданий. В светлые вечерние часы здесь можно было встретить стариков, азартно игравших в домино или в шахматы, бабушек с малолетними внуками, молодых мамаш с колясочками. В более позднее «тёмное» время на тех же скамейках под сенью эвкалиптов располагались настроженные молодые парочки, будто спасающиеся в объятиях друг друга от пугающего их «страшного» ночного мрака.

Виталий намеренно выбрал лавочку у дорожки, под фонарём, не желая давать Лане малейшего повода подумать о нём «что-нибудь такое». Кит с Ольгой укрылся где-то по соседству, наверняка, выбрав местечко поукромнее.

Это неожиданное знакомство с Ланой, столь откровенно выказывающей своё более чем благосклонное к нему отношение, выбивало Виталия из колеи душевного равновесия, заставляя мучиться от неловкости и ощущаемой ненужности этой встречи. Вместе с тем, ему было совестно обидеть ни в чем не повинную девушку каким-либо проявлением открытого равнодушия к ее добрым и, в общем-то, понятным и приятным ему чувствам. Кому не нравится это вдохновляющее ощущение женского интереса к своей персоне? Тем более, если ты вдруг понимаешь, что тебя любят или, по крайней мере, хотели бы полюбить. А Лана, как это было ни странно, выказывала это всем своим поведением. Между ними не было сказано ни слова о любви (да это было бы и смешно в первый же день знакомства), но вся затаённая чувственность и недосказанность её речи, сдержанность и одновременно лёгкое кокетство, её глаза, в конце концов, говорили всё без слов.

Виталий, никогда не любивший «сидеть на двух стульях сразу», решил сразу поставить все точки над «i» с тем, чтобы между ним и Ланой не было в дальнейшем никаких неясностей. Мысль о том, чтобы вос-

пользоваться её чувствами и закрутить «романчик» ради «спортивного интереса» претила ему своей нечистой пошловатой липкостью. Он не хотел обижать Лану этим «гусарством», а серьёзного тут ничего и быть не могло, потому что Ната, далёкая милая Ната, снилась почти каждую ночь. Но даже если бы Наты у него не было, даже если бы он был «свободным художником», ничто не заставило бы его, испытывавшего по отношению к этой девушке лишь чувство дружеской симпатии, унижить пошлыми ухаживаниями двоюродную сестру Кита, своего ближайшего друга.

Виталий даже почувствовал к девушке легкую жалость, стараясь как можно тоньше, деликатнее и незаметнее прочертить между ними невидимую, но не переходимую границу отношений. Там же, на романтической лавочке под эвкалиптом, он сказал Лане, как бы между прочим, что у него есть любимая девушка, и что он хотел бы на ней жениться. Однако Лана, на его удивление, никак внешне не отреагировала на эти подробности личной жизни Виталия, продолжая вести себя всё в той же веселой, сдержанно кокетливой манере. Ему ничего не оставалось, как только тоже избрать в разговоре с ней манеру шутливой, ни к чему не обязывающей весёлой дружелюбности.

Она работала медсестрой в том же санатории, где и мать Виталия. Ольга тоже была медсестрой, девушки и работали вместе. Родители Ланы жили в деревне, отец ее, брат Борькиной матери, был председателем колхоза. Всё это Лана рассказала Виталию, одновременно расспрашивая о его студенческом житье-бытье. Открытая, искренняя манера общения этой девушки очень импонировала парню и, в конце концов, он поборол свою скованность, обрёл уверенность и спокойствие.

— Где же это наши спутники спрятались? — шутивно спросил Виталий, имея в виду Кита и Ольгу. — Забрались, наверное, в самый тёмный уголок и целуются без передышки. Надо их уже побеспокоить, а то они поцелуями удушат там друг друга. Как ты считаешь, Лана, пора их вспугнуть?

— Если это так, то им можно только позавидовать, — озорно глянув на Виталия, с дразнящей улыбкой ответила Лана.

— Так ты, значит, им завидуешь? — спросил он, посмотрев ей прямо в глаза.

Бездонная, тёмно-синяя в ночи, глубина её глаз притягивала, но уже не пугала его. Она молчала, храня на губах легкую улыбку, но глаза её говорили, нет, они кричали: «Да, да, я им завидую, я им очень завидую!».

Заворожённый этим фантастическим, почти вызывающим взглядом, Виталий медленно приблизил своё лицо к лицу Ланы и легонько коснулся губами уголка губ девушки. Она закрыла глаза, ожидая большего, но он уже поборол свою минутную слабость и, улыбнувшись, спросил:

— Надеюсь, я тебя не очень огорчил?

— Вот именно — не очень, — тоже улыбаясь, но с легкой обидой в голосе, ответила Лана.

— Всё познаётся в сравнении, Ланочка, — чуть грустно произнёс Виталий, вставая со скамейки. — Пойдём, поищем наших.

Они пошли по дорожке в глубину рощицы. Виталик посвистел их условным свистом. Откуда-то справа, со стороны густых тёмных зарослей кустов, донёсся ответный свист Кита. Другим оставалось только проводить девушек домой.

Через несколько дней Кит предложил Виталию поехать с ним в их деревню, в гости к дяде.

— Понимаешь, мой двоюродный братуха — старший брат Ланы — привёл в дом невесту. Женился, короче. Ну, и по этому поводу устраивается небольшой домашний праздник для своих, близких. Большую свадьбу будут делать позже. Поедем, делать всё равно нечего.

— А удобно будет, Кит? Я ведь человек посторонний, никогда не был в их доме.

— Ладно, «не звони». Ты же со мной. В субботу, короче, едем.

Автобус катил по шоссе почти без остановок. За окнами мелькали частные двухэтажные дома в окружении заборов и многочисленных садовых деревьев, пробегали ряды кипарисов, стоящих, как стража, вдоль дороги, чуть вдали зеленели плантации чая и мандаринов. Порой в поле зрения попадались пасущиеся у дороги коровы и копошащиеся в земле свиньи.

— Долго ехать, Кит? — спросил Виталий, глядя в окно автобуса.

— Да нет, около часа. А дом их совсем недалеко от шоссе стоит, так что долго топать не придётся.

— А народу много соберётся?

— Я думаю, человек десять-пятнадцать. Родственники, ближайшие соседи. Пахан мой ещё утром уехал, чтоб помочь им, хотя какая от него польза в этом деле — не знаю.

— Да ладно, что он курицу или поросёнка никогда не резал?

— Может, когда-то и резал, но в последние годы я от него таких подвигов не наблюдал.

— Ну, что ты хочешь — город есть город. Всё уже готово, бери и жарь-парь. Можно подумать, ты или я режем скотину каждый день.

— Самому бы не загнуться, а не то что кого-то резать. Просто там и без пахана есть, кому этим делом заняться — дядька, братуха, Лана, соседи...

— Слушай, я всё тебя хотел спросить: Лане сколько лет?

— Года двадцать два-двадцать три, я точно не помню. А эта Ольга, её подружка, по-моему, чуть-чуть помоложе.

— Да? А мне показалось, будто Ольга старше.

— Дурачок, не старше, а опытней. Усёк?

— Да ясно, чего тут не понять.

Двухэтажный, но уже довольно старый, домик родителей Ланы стоял недалеко от берега реки, с шумом несущей свои мутные, бурлящие на отмелях и камнях, воды в сторону моря. Обычный, ничем не примечательный двор с несколькими деревцами и разнообразными хозяйственными постройками и пристройками, раскиданными вдоль забора и за домом.

Убранство дома тоже было скромным, если не сказать бедноватым. Усатый, коренастый и крепкий ещё пожилой мужчина, дядя Кита, встретил их радушно на веранде и без церемоний провёл в дом. В комнатах царил обычная в таких случаях суета — все что-то делали, носили, ходили, говорили, обсуждали. Кит познакомил Виталия с братом и его невестой, виновниками предстоящего застолья.

Внезапно появившаяся в комнате Лана с радостным удивлением приветствовала Бориса и Виталия, одарив последнего своим незабываемым нежным взглядом. Виталик чувствовал себя чуть смущенно, как и всегда в новой незнакомой обстановке, тем более что появление друзей привлекало к ним внимание всех присутствующих.

Поприветствовав всех и, тем самым, отдав дань вежливости, Кит увёл друга «осмотреть окрестности». С полчаса они побродили по берегу реки, бросая в воду камешки и болтая о пустяках, пока со стороны дома их не окликнули. Всё было готово, можно было занимать места за столом. Виталий и Кит уселись рядом. Любивший вкусно поесть Кит без особого смущения осматривал кушанья, выбирая, что попробовать в первую очередь. Жареные куры, варёное мясо, сациви, ткемали, мамалыга, сыр, огурцы и помидоры — всё это выглядело очень аппетитно, «вдохновляя» своими изумительными пряными ароматами.

- Мальчики, вино у нас мужское, крепкое, так что не увлекайтесь, — с улыбкой предупредил друзей Борькин дядя.

- Разберёмся, — вполголоса, так, чтоб его слышал только Виталий, пробурчал Кит.

Они себя мальчиками уже давно не считали и поэтому, шутливо перемигиваясь и обмениваясь шуточками, не пропускали ни одного тоста, до конца выпивая свои стаканы. Они не хотели «ударить лицом в грязь» перед деревенскими, которые считают, что умеют пить лучше городских. Хотя, наверное, так оно и есть, потому что к концу застолья и Кит, и Виталик были пьяны «в доску».

Обычай абхазского застолья не позволял покидать стол на какое-то время и потом вновь возвращаться на своё место. Каждый вставший из-за стола покидал его уже совсем, прощаясь с остальными последним своим тостом.

Друзья решили сидеть до последнего, но Виталий, в конце концов, был вынужден покинуть стол, поскольку почувствовал, что пить он

больше не сможет — это могло привести уже к роковым последствиям, а сидеть за столом, не поддерживая тостов, было не принято.

Осторожно ступая и всеми силами стараясь сохранить ровность походки, Виталий вышел во двор «подышать воздухом» и покурить. Когда он вернулся в дом, Кит ещё сидел за столом, продолжая что-то шумно говорить своим соседям по столу. Виталик же уже почти ничего не понимал и никого не замечал, пребывая в состоянии пьяного «лунатизма».

К нему подошла Лана — она не садилась за стол, выполняя обязанности хозяйки. Взяв Виталия под руку, она повела его в соседнюю комнату, ласково нащёптывая ему что-то на ходу. Увидев в полутемной комнате кушетку, покрытую ковром, парень всё сразу понял и с облегчением растянулся на жёстком ложе. Глаза его закрылись сами собой, и он утонул в каких-то неведомых, чёрных, зыбких и кружащихся волнах.

Очнулся он внезапно, услышав скрип приотворяемой двери. Кто-то быстро вошёл в комнату, мелькнув неясным силуэтом в просвете открывшейся и закрывшейся двери. Виталий попытался приподняться, но легкие руки нежно прижали его плечи к кушетке.

— Лежи, — услышал он тихий голос Ланы, — не волнуйся. Я на минутку!

Её руки нежно коснулись его лба, убирая пряди рассыпавшихся волос, и в следующее мгновение она прильнула мягкими теплыми губами к губам чуть оторопевшего от неожиданности Виталия. Он закрыл глаза, вновь улета в блаженные выси, а когда открыл их через мгновение, Ланы в комнате уже не было...

— Ну, хватит спать, Вит, — разбудил его пьяный голос Кита. — Ещё вся ночь впереди, выспишься.

— А что, уже поздно? — спросил Виталий, медленно приходя в себя и жмурясь от света лампочки.

— Часов девять-десять, наверное, — ответил Кит, никогда не носивший часов. — Уехать домой мы уже не сможем, так что ночуем здесь, понял?

— Неудобно как-то, а, Кит?

— Неудобно напиваться «в стельку», сэр, в то время, когда Вам предложили напиться всего лишь «в лоск».

— Слушай, ничего, что я так раскис немного? Как-то неудобно теперь.

— Да, кончай ты. Все свои. Никого ты этим не удивил, потому что любой из деревенских уверен в том, что все городские кончают застолье твоим манером. Пойдём лучше пройдемся — мозги надо проветрить.

— Скоро будем пить чай, так что далеко не уходите, — ослепляя друзей весёлой улыбкой, предупредила их Лана, убиравшая со стола последние стаканы и тарелки.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — взяв «под козырёк», шутиливо отчеканил Кит. — Рядовой Вит, за мной!

Сразу после чая стали укладываться спать. Кит и Виталий расположились вдвоем на одной широкой кровати в большой комнате. Лана ещё некоторое время порхала по дому туда-сюда, но вскоре и она ушла к себе. Спать друзьям что-то совсем не хотелось. Пребывавший в весёлом настроении Кит, развлекал Виталия пикантными анекдотами. Они переговаривались и посмеивались вполголоса, когда из-за дощатой стенки раздался голос «жениха» — двоюродного брата Кита Тимура:

— Вы спать будете сегодня, орлы?

— Можно подумать, он спать собирается, — с приглушённым смешком сказал Кит. — С молодой женой под боком. Кого дурить собрался, женишок?

Виталик, не выдержав, рассмеялся, утыкаясь лицом в одеяло. Они затихли на какое-то время, как вдруг за стенкой раздался ритмичный скрип.

— Ну, вот, давно бы так, — серьёзным голосом произнес Кит. — А то спать ему, видите ли, мешают.

Виталик, не выдержав, вновь засмеялся, Кит заржал за ним следом. Из-за стенки тут же раздался голос Тимура:

— Вы успокоитесь сегодня или нет?

— Мы-то спокойны, — вполголоса сказал Кит со смешком. — Это тебе молодая жена покоя не даёт.

Они снова засмеялись, закрывая лицо одеялом. Некоторое время за стенкой было тихо, но вскоре раздался всё тот же ритмичный скрип.

— Кровать, бедная, рассыплется скоро, — тут же прокомментировал эти звуки Кит. — Разве можно так со старой мебелью обращаться? Никакой жалости у людей, лишь бы себе удовольствие доставить.

Виталий уже задыхался от смеха, затыкая себе рот одеялом. Кит, не стесняясь, ржал во все горло.

— Э-э, вы кончать там будете или нет? — послышался грозный голос Тимура.

Услышав эту фразу, друзья чуть не завизжали от восторга, подпрыгивая на кровати в конвульсиях сумасшедшего смеха, который тем сильнее вырывался наружу, чем сильнее они старались его сдерживать.

— Ладно, давай спать, — прошептал Кит, чуть успокоившись, — а то я боюсь, что лопну от смеха.

Он повернулся к дружку спиной и вскоре сонно засопел. Виталик ещё долго не мог уснуть, то усмехаясь, вспоминая шутки Кита, то уносясь мечтами в Москву, к такой далекой и такой желанной Нате, то оживляя в сознании как будто приснившееся ему ощущение тёплых мягких губ Ланы, прикасающихся к его губам нежным поцелуем.

IV

Приближались долгожданные ноябрьские праздники. Виталий уже заранее предупредил маму, что собирается на праздничные дни махнуть в Москву. Ему удалось подкопить немного денег и на маму он, конечно, тоже немного рассчитывал. Милый образ любимой и желанной Наты всё явственнее вставал в его памяти, согревая душу предвосхищением упоительного счастья, любви и нежности.

Кит, узнав о намерении Виталика поехать на праздники в Москву, решил составить ему компанию. Упавший, как снег на голову, Бепо, который раньше срока сорвался из института якобы по причине болезни, тоже решил ехать с ними. Через приезжавших на выходные дни знакомых ребят они известили и Туку, который до сих пор был в Тбилиси, о своем намерении совершить «групповую экскурсию» в столицу, уточнив для него примерный день отъезда. По замыслу, Тука должен был в тот же день вылететь из Тбилиси в Москву, где и встретится с «основной группой» у Центрального телеграфа или в кафе «Московское», там же — на улице Горького. Кафе это, как и телеграф, были тогда своеобразной «биржей» кавказских ребят, приезжавших на время или учившихся в Москве.

Осуществление плана «групповой экскурсии» требовало особого внимания и некоторой предприимчивости, поскольку родители Кита и Бепо, узнав о их намерении составить Виталию компанию, не очень обрадовались этой затее, предпочитая, чтобы их мальчики спокойно сидели «под крылышком», а не болтались неизвестно где за тысячи километров от дома.

Однако, «молодые орлы», уже успевшие немного опериться в житейских высях, о которых любящие родители почему-то забывают в процессе «бдения и воспитания» подрастающего поколения, проявили железную стойкость своих побуждений, не убоясь и неминуемого в перспективе отчего гнева. Дело, в общем, было решённое, но день отъезда в целях конспирации тщательно скрывался от «стариков».

Деятельный Кит уже раздобыл где-то довольно приличную сумму денег. На вопрос Виталия «откуда?» Кит коротко бросил:

— Одолжил.

— А как будешь отдавать? — не успокаивался Виталик, не любивший «тёмных дел».

— Это мои дела, Вит, — жёстко ответил дружок, давая понять, что продолжения разговора на эту тему не будет.

«Ну, что ж, у тебя свой «чан варит», в конце концов», — решил про себя Виталий.

За несколько дней до отъезда произошло непредвиденное и неприятное событие: в деревне умерла старая бабушка Бориса. Похороны были назначены как раз на тот самый «день икс». Отец Кита, догады-

вавшийся о примерном дне отъезда, с великим облегчением увёз сына в деревню на похороны, наивно полагая, что тем самым лишил его возможности поехать с друзьями в Москву.

Уезжая в деревню, Кит строго наказал ждать его, обещая вернуться, во что бы то ни стало.

Виталий и Бепо, упаковав багаж, который уместился в студенческом портфеле и в небольшой дорожной сумке, сидели как на иголках в доме Виталя, ожидая Кита. Время тянулось мучительно медленно. Ранние осенние сумерки уже затемняли стёкла окон, размывая серым туманом очертания предметов в доме. Но свет включать не хотелось. Друзья сидели и курили одну сигарету за другой, нервно перебрасываясь короткими фразами.

Бепо, не без основания опасавшийся внезапного появления своего отца, которому могло взбрести в голову поискать своего «бэби» у Виталика, время от времени предательски провоцировал друга «свалить», не дожидаясь Кита, напористо убеждая, что Кит поймёт и найдёт их в аэропорту. Виталий не соглашался на его доводы, не желая портить всё дело из-за прихоти Бепо. Он вообще не очень радовался тому, что Бепо едет с ними, зная «баламутный» неукротимый характер своего «кента».

«Хлопот с ним не оберёшься, как пить дать. Он же не может без приключений», — говорил Виталий Киту, когда персона Бепо замаячила на горизонте предстоящей поездки.

«Ты же знаешь, сам он от поездки не откажется, а «бортануть» его тоже не получится — паренёк он у нас цепкий», — равнодушно ответил тогда Кит.

— Слушай, Вит, — не унимался Бепо, судорожно затягиваясь сигаретой, — может, мы оставит ему записочку. Мол, так и так, ждём в аэропорту там-то, там-то. Пора уже «валить», Вит. Не дай Бог, мой пахан нагрывает. Я же дома с утра не был.

— Я дал ему слово дожидаться, Бепо, — сухо и резко ответил Виталик. — Твой пахан — это твой пахан, и ты сам с ним разбирайся. Нас не надо пеленать в общие с тобой пеленки. У нас уже давно у каждого свой персональный горшок, понял?

— Но он ведь к этому времени уже обещал появиться, а, Вит? Может, пахан Кита привязал его там к дереву или запер в сарае...

— Он обещал «сто процентов», и значит, придет хоть вместе с деревом, хоть вместе с сараем. Отвяжись, Бепо, не будь занудой, и так нервы на пределе.

Когда терпение, казалось, уже совсем иссякло, а серые сумерки уже давно превратились в глубокую темень, дверь в квартиру Виталя резко распахнулась, и в комнату влетел запыхавшийся Кит:

— Валим шустро, братцы! Пахан мой, наверняка, ринулся за мной в погоню.

Схватив сумки, они быстро вышли из дома, направляясь в сторону шоссе.

— Как тебе удалось от него смыться? — спросил сразу же повеселевший Бепо.

— Сказал, что иду «отлечь», а сам — через забор и садами-огородами на шоссе. Хорошо, автобус быстро подвернулся, а то бы куковал, неизвестно сколько. Такси там, конечно, нет, а вечером «чичи-ко» боятся мужиков подсаживать.

— Повезло и, слава Богу, — тоже успокоившись и сразу прибодрившись, резюмировал Виталик. — Теперь надо, чтоб и дальше подфартило, а то вдруг билетов на самолёт не будет?

— Не бойся, что-нибудь вырулим, — уверенно произнёс Кит, останавливая такси.

— В аэропорт, — солидно объявил он шоферу, по-хозяйски устраиваясь на переднем сидении и, оглянувшись к друзьям, расположившимся с сумками сзади, заодно добавил:

— Господа, нас ждут великие дела!

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнул, — иронично заметил Виталий. — Мы ещё, кстати, не имеет даже варианта насчет «хаты» в Москве.

— Не волнуйся, Вит, со мной не пропадёшь. Прорвёмся, — уверенно заявил Кит, закуривая сигарету.

Билетов на ближайший рейс, конечно же, как назло, не было. Оставив Виталия и Бепо у фонтанчика на площади перед зданием аэропорта, Кит ринулся искать какого-то своего знакомого, надеясь на его помощь. Маленькая площадь аэропорта с небольшим бассейном и фонтанчиком в центре была ярко освещена светом фонарей и прожекторов. Озабоченные пассажиры с сумками и чемоданами и редкие служащие аэропорта сновали в различных направлениях. Подъезжающие и отъезжающие такси, автобусы и частные автомобили добавляли к этой суетливой картинке свои огни, звуки и запахи, создавая знакомое всем впечатление никогда не утихающей жизни вокзалов и аэропортов.

Виталий и Бепо медленно прогуливались, покуривая, взад-вперед вокруг фонтанчика, поджидая Кита, исчезнувшего в чреве административного корпуса аэропорта.

— Атас, Кита пахан! — вдруг испуганно воскликнул Бепо, указывая в сторону стоянки автобусов. Глянув в указанном направлении, Виталий увидел быстро идущего в их сторону «дядю» Костю.

— Он нас заметил, Вит! «Чухаем» быстро туда, — прошипел Бепо, увлекая Виталия куда-то вправо. Быстрым шагом, не оглядываясь, они дошли до угла здания аэропорта и, резко свернув за угол, спрятались за стоящей в темноте черной «Волгой». Через несколько секунд мимо машины на приличной скорости пролетел отец Кита, устремляясь к следующему углу здания.

— Быстро на площадь! — воскликнул Бепо, выскакивая из-за машины. — Надо срочно найти Кита и валить отсюда!

Друзья выбежали на площадь и рванули в сторону административного корпуса. Из подъезда, как по щучьему велению, им навстречу вдруг вышел нахмуренный Кит.

— Кит, твой пахан здесь! Видел нас. Надо валить отсюда шустро, — выпалил Бепо на одном дыхании.

— Быстро на трассу, — скомандовал тут же сориентировавшийся в обстановке Кит.

Друзья остановили частника, который после недолгих переговоров, согласился отвезти их в аэропорт Адлера. Компания быстро загрузилась в «Жигули», и машина рванула по ночному шоссе, уносясь в освещённую фонарями перспективу дороги.

— Быстро он нас настиг, — усмехнулся Кит, устроившись, как всегда, на переднем сидении. — Но теперь уже не достанет. Сразу надо было ехать в Адлер, да я в спешке как-то упустил этот момент. Там и шансов больше улететь побыстрее, чем в нашем городке. Здесь билетов совсем нет, хоть ты умри.

— А там, думаешь, ждут нас с билетами, — ехидно вставил Виталик.

— Там рейсов больше, а, если что, сядем на поезд и — «ту-ту».

— Почти двое суток тогда зря потеряем, Кит.

— Ничего, успеешь к своей мадонне. Тише едешь — дальше будешь, — подняв указательный палец вверх, с нравоучительным видом произнёс Кит.

— Тоже верно, — согласился Виталий и, откинувшись на пружинистую спинку сиденья, отдал себя во власть восхитительного и странного, всегда волнующего ощущения быстрой езды — покой и скорость одновременно!

За тёмными окнами автомобиля мелькали редкие огоньки далёких домиков, раскиданных по окружавшим дорогу холмам и предгорьям. Шоссе то извивалось поворотами горного серпантина, как огромная чёрная змея, то превращалось в несущуюся со свистом строго вперед стрелу.

— Бепо, ты своих предупредил, что уезжаешь или, как всегда, сюрпризом? — повернувшись назад, спросил Кит, заранее улыбаясь.

— Им известно, что такая идея существовала, а это главное, — равнодушно ответил Бепо. — Я им позвоню из Москвы, не волнуйся.

— Да мне-то что волноваться? — воскликнул Кит, усмехаясь. — Волноваться больше всех, я думаю, будет твой пахан, а потом начнёт нас с Витом «дёргать» не по делу.

— Ладно, деловой, ты лучше своего пахана вспомни для начала, а потом о моем будем говорить, — сухо отрезал Бепо и, зло усмехнувшись, добавил, — то же мне, «дяденька» нашёлся. Да, у меня в кармане больше, чем у тебя в два раза, понял, дурачок?

— Ну, ты скажешь — в два раза! — иронично усмехнулся Кит. — «Пятихатку» что ли имеешь? Не заливай, Бепо!

— Представь, имею, — гордо ответил Бепо, усмехаясь в ответ.

— Откуда? — недоверчиво произнёс Кит, но глаза его оживленно блеснули.

— Секрет фирмы «Бепо и компания», — напуская солидный вид, ответил дружок. — Но я за слова отвечаю, Кит.

— Тогда «ништяк», братва, — восхищённо воскликнул Кит. — Гуляем, как говорится, «за всю масть» — «бабки» позволяют. Сколько же у нас всего, а? Вит, ты что имеешь?

— Рублей сто семьдесят будет, — ответил Виталик, чуть помедлив.

— Так. Плюс мои две с половиной сотни, плюс у Бепо пятьсот. Со всем даже неплохо, а, пацаны? «Гуляй, рванина, от рубля и выше!», — как поется в одной песенке.

— Для того и едем, — как бы подводя черту, с усмешкой произнёс Бепо. — Хоть раз в жизни имеем право гульнуть в столице, что называется, «по полной, не глядя»?

— «Не глядя» — в столб врежемся, — иронично вставил вдруг молчавший до этого хозяин машины. — Не глядя только в постель прыгать можно, и то риск есть, если там не жена.

Друзья понимающе рассмеялись.

— «Кто не рискует, тот не пьёт шампанского», — важно изрёк Кит общеизвестную поговорку. Виталия всегда немного злила эта дурацкая манера друга «выдавать» набившие оскомину изречения и афоризмы с таким видом, будто они им только что придуманы.

— И шампанским можно захлебнуться, мой юный друг, — усмехнулся Виталий.

— Да мы морской водой за столько лет не захлебнулись, Вит, так что в шампанском не утонем, — рассмеялся в ответ Кит.

— Тем более что некоторые вещества определённого сорта вообще не тонут, — тут же вставил Бепо, и первый заржал во всё горло.

В адлерском аэропорту билетов на Москву тоже достать не удалось, хотя Кит и прилагал к этому невероятные усилия и щедрые чаевые. Оставался поезд. Быстро переместившись с помощью такси из аэропорта на вокзал, друзья резво устремились в толпу у кассы. Виталий ужасно нервничал, до самого последнего момента наблюдая за Китом, пробивающимся в сутолоке к окошку кассы. У него отлегло от сердца только тогда, когда запаренный и растрёпанный Кит с радостной улыбкой выбрался из толпы, держа в руках билеты.

— Через полчаса едем, — возбужденно сообщил он. — Поезд Цхалтубо-Москва. Места плацкартные, но это, я думаю, нас не страшит, господа.

— Хоть на крыше! — радостно воскликнул Виталик, хлопая друга по плечу. — Молодчина, Кит!

Они вышли на перрон. Было по-вечернему прохладно. Зябко кутаясь в пальто, друзья уселись на лавочке и, закулив, блаженно расслабились. Каждый молча затягивался сигаретой, выпуская струи дыма в ночное звёздное небо.

Виталий упивался мыслью о том, что скоро, совсем скоро он вновь встретит Нату. Он грезил об этой встрече, представляя, как вновь обнимет и поцелует её, увидит родное прекрасное лицо, ощутит вновь блаженную сладость её нежных губ... Где-то внизу груди, под ложечкой, возникла вдруг щемящая прохладная волна, заполнившая затем всю грудь и заставившая его глубоко вздохнуть. Он не мог сдержаться — губы сами расплылись в мечтательной блаженной улыбке.

— Гляди, Бепо, наш Ромео уже улетел, — заметив улыбку Виталя, с шутливой иронией произнёс Кит. — Мы ещё ждём поезда в Адлере, а он уже в Москве!

— Ему легче, — усмехнулся Бепо, — у нас так не получится. Мы всё ноги мозолим, по земле топая, а он «на крыльях любви» витает за облаками. Ха-ха!

— Что ж, мне жаль ваши мозолистые ноги, братишки, — рассмеявшись, парировал Виталик. — «И бескрылые души», — добавил он про себя.

— Каждому — своё, — изрек Кит, как будто угадав невысказанную другом фразу. — Чтоб взлететь, тоже ведь от земли оттолкнуться надо, а?

Раздавшийся вдали гудок известия о прибытии долгожданного поезда. Через несколько минут длинный состав, гремя и лязгая буферами, остановился на привокзальном перроне. Окна вагонов были, в основном, темны — граждане пассажиры уже расположились на ночлег. Через полчаса и трое друзей, взобравшись на верхние полки плацкартного вагона, присоединились к общей массе спящих и одновременно катящихся по рельсам вперед и вперед «граждан пассажиров».

Приключения начались сразу же, едва друзья вышли рано утром из поезда на Курском вокзале столицы. Взяв на стоянке такси, они решили первым делом позавтракать в каком-нибудь кафе в центре города. После «пассажирских харчей», хоть и в вагоне-ресторане, это было просто необходимо, чтобы вновь почувствовать себя людьми. Такси уже вырулило на широкий проспект Садового кольца, когда Виталий вдруг понял, что чего-то из вещей явно недостаёт.

— Слыш, Бепо, а где мой пиджак? — встревожено спросил он, внимательно глядя на друга. — Ты хотел его надеть как будто. Я тебе его дал. Где он?

— Вит, — всполошился Бепо, как будто вспоминая что-то, — а ведь я его повесил в купе на крючок, хотел надеть, но в спешке, видать, забыл.

— Болван! — сердито воскликнула Виталик. — Это мой единственный выходной пиджак!

— Ладно, Вит, не суетись, найдём, — успокоил друга Кит и, повернувшись к шоферу, скомандовал, — шеф, давай в депо. Поезд уже, наверняка, там.

Побежав по рельсам депо меж составов и вагонов, они, наконец, нашли свой поезд и, после недолгих переговоров с проводницей, «выручили» модный «клубный» пиджак Виталия.

Вновь взяв такси, друзья подкатили к какой-то кафешке в районе Кузнецкого моста. Время было дообеденное и народу в кафе было немного. Их довольно быстро обслужили и вскоре, довольные и сытые, они вышли на улицу, намереваясь поехать в сторону Центрального телеграфа. Такси уже катилось по проспекту Маркса в общем потоке машин, когда Виталий вдруг подскочил на сиденье:

— Мы забыли весь наш багаж в кафе!

— Да ты чего, в натуре?! — не поверил Кит, заглядывая под ноги друзей, сидящих сзади.

— Да, да, и портфель, и сумку! Когда ели, поставили под стол. Шеф, давай обратно к кафе, быстро! — взволнованно воскликнул Виталик. — У меня там и документы, и «бабки» почти все лежат. Вот чёрт!

Через несколько минут друзья ураганом влетели в кафе. Бепо быстро подскочил к старичку-гардеробщику.

— Дед, мы тут десять минут назад забыли две сумки. Надо поискать.

— А на бутылку будет? — весело спросил старичок, сверкая хитроватыми щёлочками глаз.

— О чем речь, дорогой! На две будет, только найди, — тут же заверил его Бепо и для полной уверенности похлопал старика по плечу. — Давай, дед, поищи быстренько, у нас мало времени.

Старик пошаркал в сторону служебного входа, а Виталий решил на всякий случай заглянуть в зал. Подойдя к «своему» столику, который после их ухода пустовал, он наклонился и увидел под столом забытый «в попыхах» багаж — и портфель, и сумка были на месте.

«Ну, слава Богу!», — воскликнул про себя Виталий, и, схватив вещи, вышел в гардероб.

— Всё в порядке! — радостно улыбаясь, сообщил он подскочившим к нему друзьям, показывая в приподнятых руках сумку и портфель.

— Тогда валим отсюда, — Кит распахнул входную дверь кафе. Виталик двинулся за ним следом и уже в дверях услышал голос старика-гардеробщика, обращавшегося к уходившему последним Бепо:

— А как же на бутылку, ребятки? Обещали ведь!

— Да, пошёл ты! — грубо отрезал Бепо и хлопнул на прощанье дверью. — Вот, козёл старый! Пальцем не пошевелинул, а дай ему. Я б тебе дал, да боюсь, потом не соберут.

Друзья весело рассмеялись, довольные очень удачным окончанием неприятного происшествия.

— Что ты, Бепо, — со смехом воскликнул Вит, — тут такие «орлы» попадают! Еще не то увидишь.

— Да, знаю я их, алкашей, — презрительно бросил Бепо. — За воюру и купить и продать можно.

Они шли по шумной многолюдной улице, увертываясь от встречаемых прохожих.

— Что за люди! — воскликнул Бепо. — Прут как танки. Уже раз пять меня плечом зацепили. Ещё раз кто-нибудь наскочит, я ему точно врежу, чтоб глядел, куда топает.

— Устанешь долбить, — усмехнулся Виталик, — не обращай внимания. Ты просто ещё не привык к этой толкотне, а для них это родная стихия, так сказать.

— Не-е, у нас в городе лучше. Идёшь по улице спокойно, как человек. А эти, гляди, несутся, как угорелые, чуть не топчут друг друга. Что за жизнь?

— Что поделаешь, Бепо, — Москва-столица. Народу живёт много, приезжих тоже много. Вот мы хотя бы — припёрлись и тоже толкучки добавили. А таких, как мы, миллионы. Каждый день приезжают и уезжают.

— Нет, я бы здесь долго не выдержал, — немного помолчав, сказал Бепо. — А ты, Кит, как думаешь?

— Мне без разницы. Он меня толкнет, я его толкну — ничья. Но у нас лучше, ты прав. Люди кругом свои, знакомые. Есть с кем встретиться, поговорить. А здесь каждый за себя. Только успевай крутиться.

— Да уж, крутятся они, я смотрю, будь здоров. На них глянешь — у самого голова кругом идет. Нет, надо на «тачке» ездить, так легче, — сделал вывод Бепо, увертываясь от очередного «танка».

— Соображаешь! — с усмешкой похвалил его Кит. — А вот и знаменитая во всем мире улица Горького!

Вскоре Виталий и Бепо стояли на площадке лестницы перед входом в громоздкое серое здание Центрального телеграфа. Мимо них вверх и вниз по лестнице сновали различные люди. Несколько человек, как и они, стояли или прохаживались на площадке и на тротуаре внизу, видимо, ожидая кого-то. Но знакомых лиц друзья пока не заметили.

— Слышь, Бепо, а куда Кит делся? — спросил Виталик, слегка толкнув друга локтем. — Только что, вроде, был здесь.

— Пошёл куда-то туда, — ответил Бепо, неопределённо махнув рукой вправо, — в магазин что ли? Сказал, чтоб никуда не отваливали без него.

— Что-то не видать никого из наших, а?

— Ещё рано, наверное. Попозже кто-нибудь обязательно замаячит.

Равнодушно посматривая на проходящих мимо людей, Виталий внутренне боролся со сжигающим его желанием тотчас позвонить Нате в магазин и сообщить ей о своём приезде. Но неопределенность их положения, отсутствие пристанища и связанные с этим совместные хлопоты убеждали его, что сейчас звонить не стоит.

«Я ведь даже не смогу с ней встретиться сегодня, пока не найдём ночлег. Иначе я потеряю «своих». Ладно, подождём пока», — решил он, скрепя сердце.

Время шло, а Кит всё не появлялся. Друзья начали уже волноваться, но тут к ним подошёл их земляк и сосед Гена, поступивший недавно в какой-то московский институт.

— Здорово, орлы, — воскликнул Генка, улыбаясь и пожимая руки Виталика и Бепю. — Смотрю, стоят, как охотники на вершине горы, высматривая добычу. Какими судьбами?

— Да вот прикатили на Москву посмотреть, вас повидать, — с улыбкой ответил Бепю. — Ждём Кита — ушёл на пять минут и пропал.

— Значит, и Кит с вами? Давно его не видел, надо пообщаться. Ну, как там дома, что новенького?

— Всё нормально, Гена, — ответил Бепю. — Солнце блещет, море плещет.

— Уже скучаю здесь. А как подумаю, что ещё столько лет учиться — душа кровью обливается. Но что делать? Надо.

— Надо, Гена, надо, — понимающе подтвердил Бепю, — сами так же маемся в Тбилиси.

— Я сейчас забегу на переговорный домой звякнуть, а потом попожду с вами Кита, добро? — и Генка скрылся за огромной массивной дверью телеграфа.

— Добро, — вслед ему сказал Бепю и, повернувшись к Виталию, заметил, — ну, вот, слава Богу, Генку встретили. А ты боялся. На крайняк, одну ночь у него можно будет перекантоваться.

— Это хорошо, если так, но где же Кит?

Кит объявился у телеграфа только на следующий день, вызвав бурную радость замучившихся его ждать друзей.

— Ты где пропал, Кит? — кричал Бепю, хлопая друга по плечу. — Мы тут уже не знали, что и думать — ушёл и с концом.

— В «контуре» был, — усмехнувшись, ответил Кит.

— В милиции? — удивлённо переспросил Виталик. — А что случилось?

— Представляешь, в магазине полез без очереди, а меня такой мужичок невзрачный дёргает, мол, имейте совесть, молодой человек. Ну, я его смело послал подальше, а он вынул красную книжечку и вежливо предложил пройти куда следует. Долго выясняли — кто, откуда, зачем, почему? Хотели выслать в 24 часа, но я сказал, что у меня тут дядя живёт, и я, мол, к нему в гости приехал.

— У тебя, что, действительно, тут дядька живёт? — спросил Вит.

— Да, есть один дальний родственник. Отдыхал у нас как-то с семьей. Хорошо, что у меня его адрес был в записной книжке — когда-то записал на всякий случай. Так вот, уже поздно ночью привозят меня менты по этому адресу. Открывает дверь этот «дядя», заспанный, в майке, трусы по колено. Его спрашивают: «Это ваш племянник?», а он со сна врубиться не может, в чём дело и меня, вроде, не узнаёт. Ну, думаю, всё, кранты. Сейчас оформят «24 часа» и — «гуд бай», столица. Тут я, не долго думая, бросаюсь «дяде» на шею и начинаю засыпать его приветами от всех родных и близких из наших краёв — кого-нибудь, думаю, обязательно вспомнит. Слава Богу, он, наконец, вспомнил, кто я такой и подтвердил, что я его племянник. Сдали меня ему с рук на руки и честь отдали, как положено. У них в доме и переночевал. А вы где ночь «ломали»?

— Встретили здесь Гену Харазия, — ответил Виталий. — Хотел с тобой повидаться, ждал с нами до ночи, а потом к нему ночевать поехали. Он должен подойти попозже. Ну, ты, Кит, выдал прикол в первый же день! Ушёл — и с концом, пропал, исчез. Мы тут, как три дуба у телеграфа, весь день торчали. Не знали, что думать, где искать. Ты уж на будущее поаккуратней здесь с невзрачными мужичками, братуха. Не дома, легко не отделаешься.

— Ладно, не каркай, — махнул рукой Кит. — Чёрт попутал.

— Ну, конечно, дома ты везде свой парень. Что такое «очередь», ты и не слышал, всегда впереди всех прёшь. А тут, брат, своя культура — главное не в том, что ты сумел купить, а в том, что «отстоял» за этой вещью, предположим, часа два. Это, видимо, народ вдохновляет.

— Олимпийский принцип, короче, — вставил с усмешкой Бепо, — «главное — не победа, главное — участие».

— Вот-вот, точно, Бепо, — подхватил Виталик. — А ты, Кит, своим незапланированным энтузиазмом и единоличным рвением ломаешь все правила игры и вносишь сумятицу в души честных тружеников. Так нельзя, братуха. Я, например, не выношу эти очереди, и поэтому лучше вообще не буду иметь эту вещь, но стоять два-три часа в душном магазине за какими-то шмотками, как тут делают многие, не стану. Но и лезть через головы не могу — совесть не позволяет, да и жалко на это тратить нервы и силы.

— А мне не жалко, — рассмеялся Кит, — мои силы — на что хочу, на то и трачу. Чего их жалеть? Один раз живём.

— Смотри, пожалеешь, да поздно будет, — усмехнувшись, сказал Виталий. — А вдруг на обратную дорогу этих, растрченных не по делу, сил не хватит, чтоб вернуться оттуда, куда ты, прыткий, ускачешь?

— А я — всегда вперёд! — бодро и весело воскликнул Кит. — Только вперёд и никогда назад!

Вечером они сидели в кафе «Московское», отмечая шампанским удачное избавление Кита. В зале было шумно и весело. Все столики были заняты, кругом светились молодые весёлые лица, в общий гудящий гомон зала время от времени врывается звонкий девичий смех или громкий мужской голос, вызывающий к своей компании. Музыка, к сожалению, не было, но «кенты» не замечали этого, разгорячённые разговорами и шампанским. Бепо, как обычно, не пропускал ни одной девушки, встречая и провожая жадным горящим взглядом каждую из тех, кто проходил мимо их столика.

— Ух, какая пошла! — восклицал он время от времени, толкая локтем то Кита, то Виталия. — Гляди, Кит, гляди!

— Смотри, из штанов не выпрыгни, — усмехнулся на это Кит. — Лови тебя потом!

— Потом, Кит, его уже ломиком не отдёрешь, — со смехом вставил Виталий.

— Да, — гордо заявил Бепо, — хватка у меня железная. А они, лапочки, между прочим, это любят.

— Ну, это по-разному бывает, Бепо, — сказал, усмехаясь, Виталий. — У многих девушек на железную хватку аллергия — холодное оно, железо, понимаешь. Ты им что-нибудь потеплей предложи.

— Мужчина должен быть крепким, как сталь, — уверенно произнес Бепо. — Иначе он просто тряпка.

— Ну, робот тоже в этом деле далеко не уйдёт, — не соглашался с ним Вит. — Тут, видимо, тоже нужна та самая золотая середина, которая ценится во всём. Ты как считаешь, Кит?

— Если середина золотая, я — за! — со смехом ответил Кит. — Золото всегда в цене.

— У тебя одно на уме, — иронично заметил Виталик, прекращая разговор.

Он вновь с мучительным раздражением подумал о том, что из-за дурацких походов Кита, из-за отсутствия пристанища (которое, будучи один, он давно бы нашёл) он не имеет возможности встретиться с Натой, ради которой он и приехал в Москву.

Компания друзей, оставить которую было бы нечестно с его стороны, становилась обузой и преградой на пути к такой долгожданной встрече с любимой девушкой. Однако выхода пока не было, и Виталий, скрепя сердце, решил потерпеть ещё немного.

«Но завтра утром позвоню ей обязательно. Найдём или не найдём где жить — всё равно. Я должен её видеть, во что бы то ни стало», — решил он для себя.

— Слышь, Вит, — голос Бепо вернул Виталия к действительности. — Что-то наш брат Тука не объявился пока. Неужели не смог из Тбилиси вырваться?

— Может, ещё объявится, — вяло ответил Виталик, разливая шампанское по бокалам, — мало ли что. А куда Кит делся?

Кита за столом не было, а Виталий, увлечённый своими мыслями, и не заметил, как он «испарился».

— Не знаю, — ответил Бепю, оглядывая шумный зал кафе. — Сказал: «Я сейчас», — и отвалил куда-то.

— Надеюсь, не до утра, как вчера, а то нам с тобой опять «на коврике» у Генки ночевать придётся, — мрачно пошутил Виталик, тоже поглядывая по сторонам.

Набитые «до отказа» в сравнительно небольшом зале кафе молодые парни и девушки сливались в одну галдящую, суетливую безликую массу.

«Хорошо хоть нет танцев, а то бы тут вообще было не продохнуть», — подумал Виталик, вдыхая тяжёлый, прокуренный воздух кафе. Курили почти все, и синий удушающий дым висел в непроветриваемом помещении плотной туманной завесой. Некурящий человек, подышав полчаса таким «воздухом», вполне мог «забалдеть» и без вина.

Кит объявился так же неожиданно, как и исчез. Вместе с ним к их столу подошёл невысокий симпатичный парнишка, во внешности которого с первого взгляда трудно было бы угадать кавказца. Тёмно-каштановые, с лёгкой рыжинкой, волосы в сочетании с ясными голубыми глазами, придавали его добродушному лицу заметную привлекательность.

— Знакомьтесь, наш земляк Руслан, — представил парня Кит, пригласив его стул. — А это мои друзья.

Виталий и Бепю тоже назвались, по очереди пожимая руку новому знакомому. Кит в это время уже успел притащить чистый бокал, прихватив где-то по дороге и четвёртый стул.

— Ну, что, за знакомство, — весело предложил Кит, наливая Руслану полный бокал шампанского. — Будем знакомы, будем здоровы! — Звякнув стеклом сдвинутых бокалов, друзья дружно выпили.

— Я рассказал Руслану о нашем бедственном, в смысле жилья, положении, и он предложил нам пожить несколько дней у него. — Кит одной рукой обнял Руслана за плечи. — Они с товарищем снимают трёхкомнатную «хату» на двоих, так что места всем хватит, я думаю.

— Места хватит, — улыбаясь добродушной улыбкой, подтвердил Руслан.

— Я предлагаю выпить за здоровье Руслана, — продолжал свою речь Кит, разливая всем шампанское, — за нашего нового друга. Такие, как он, украшают нашу землю, наши родные места, потому что благодаря таким мужикам, как он, наш прекрасный край славится своим гостеприимством. Выручить человека в трудную минуту, помочь, чем можешь, — таков закон наших обычаев — закон, который завещали нам наши предки!

«Ну, Кит даёт, — усмехнулся про себя Виталий, слушая столь пламенный тост друга. — Вот что значит — надо для дела».

— Дорогой Руслан, твоё здоровье! — закончил Кит, подняв свой бокал.

— За тебя! Будь здоров! — поддержали его Виталик и Бепю.

— Спасибо большое, друзья, — Руслан тоже поднял свой бокал. — И вам пожелаю здоровья и удачи.

Вскоре, опустошив очередную бутылку шампанского, компания, наконец-то, покинула прокуренный зал «заведения». После дымного воздуха кафе на улице дышалось, как в горах. Под ногами хрустели замёрзшие мелкие лужицы, матово блестящие на тротуаре в свете синих фонарей. Улица Горького словно текла светящимся яркими огнями потоком автомобилей сразу в обе стороны. Было довольно прохладно, пар белыми клубами вырывался изо рта прохожих. Ожидавшие на обочине дороги такси друзья поёживались от холода и, стараясь согреться, переминались с ноги на ногу. Выдыхаемый пар клубился над их головами, улетаая вверх и незаметно растворяясь в свете фонарных огней.

Здание телеграфа, напротив через улицу, светилось многоцветной ночной иллюминацией. Большая, искрящаяся ярким белым светом множества лампочек, праздничная цифра 57, расположенная на фоне ярко красного панно в виде колышущегося на ветру знамени, невольно привлекала взгляд. Все убегающие в далекую перспективу улицы фонарные столбы были соединены гирляндами лампочек и украшены светящимися красными розетками в форме гвоздик и пятиконечных звезд. Широкая красивая улица выглядела в этот ночной час сказочно прекрасной светящейся рекой, то плавно, то стремительно несущей свои огненные воды в сторону Кремля. И только там, будто ударившись о его мощные тёмно-красные стены, она растекалась в широкое зарево Манежной площади.

Трёхкомнатная квартира в белом высотном доме-«пенале», где нашли своё временное пристанище трое друзей, была обставлена в более чем спартанском духе. В каждой комнате стояло по кровати, стол у окна — в большой комнате, маленький столик на кухне и два-три стула — вот и вся «меблировка». Впрочем, ни Руслана с Костей, московских студентов, снимавших эту квартиру, ни тем более их неожиданных гостей это нисколько не смущало. Как место ночлега, эта квартира устраивала всех, несмотря на то, что дом был расположен в одном из сравнительно новых, и потому сравнительно отдаленных (даже от метро) районов. Для Виталия, не говоря уже о его спутниках, этот район был абсолютно незнаком, как другой город, хотя и это, ранее пустовавшее, а ныне густо застроенное однотипными высотными коробочками обширное пространство в районе кольцевой автострады, носило гордое имя — Москва.

Вопрос с крышей над головой удачно решился, можно было спокойно начинать «светскую» столичную жизнь.

Следующий день прошёл в бестолковом мотании по городу — неугомонный Кит имел кучу каких-то ему одному известных и нужных дел. Виталий не вникал в эти дела и проблемы, отдавшись на волю друзей — Ната работала, и до вечера время всё равно надо было как-то «убить». Он позвонил ей в магазин, сообщил о приезде, и они договорились встретиться вечером. Теперь он жил ожиданием этого счастливого вечера — всё остальное было неважно и ненужно. Мысли о том, что скоро, совсем скоро он снова увидит свою Нату, встретится взглядом с её большими, зеленоватыми, чуть лукавыми глазами, обнимет её тонкое гибкое тело, прикоснётся с поцелуем к её улыбающимся ярким губам, услышит её голос и смех — мысли об этом вызывали сладостный трепет в груди и отражались на лице парня непроизвольной счастливой улыбкой.

Кит и Бепо, замечая эту странную улыбку Виталия, начинали отпускать свои обычные пошлые шуточки, соревнуясь в остроумии. Виталик не обращал на это внимания, принимая шутки без обиды, даже не отвечая на них, как обычно. Чувство приближающейся радости и счастья, нежной волной наполняющее всё его существо, окрыляло душу и уносило высоко-высоко — в мир любви и упоения, такой далёкий от мелкой житейской суеты

V

Вечером они веселой компанией ввалились в кафе «Метелица» на Калининском проспекте (ныне — Новый Арбат) — в те годы самое популярное у молодежи кафе Москвы. Виталий не сводил влюбленных глаз с Наты и буквально млеял от малейшего прикосновения к ней. Кит и Бепо намеревались «подцепить» подружек в самом кафе, что, в общем-то, не составляло проблемы — московские девочки благосклонно относились к ухаживаниям кавказских гостей столицы.

Они заняли столик в углу у высоких окон-витражей, выходящих на светящийся огнями рекламы и окнами небоскребов проспект Калинина. На тротуарах царил вечернее оживление. Людской поток двигался в обоих направлениях, еще работали магазины, привлекающие толпы покупателей, в основном, приезжих, постепенно заполнялись многочисленные на этом московском «бродвее» кафе и рестораны, кто-то, наверное, спешил в театр им. Вахтангова или в кинотеатр «Октябрь». Страхнув с себя заботы трудового дня, столица «культурно отдыхала».

Высокие стаканы с розоватым коктейлем и фужеры для шампанского уже поблескивали на столике, отражая своими глянцевыми боками разноцветные огни освещения зала. Виталик с Натой уже шептались о чем-то, склонившись друг к другу и потягивая из соломинок сладкую прохладу коктейля, Бепо пыхтел над тугой пробкой бутылки шампанского, когда Кит подвел к их столику двух девушек.

— Не стесняйтесь, девочки. Это мои друзья. Знакомьтесь, и, как говорится, прошу к нашему шалашу. Бепо, подшустри пару стульчиков, ну, и остальное.

Через минуту Бепо уже приволок два стула, а еще через пять минут и два коктейля для новых знакомых. Девушек звали Марина и Светлана. Держались они скромно и даже чуть застенчиво, было заметно, что заведомыми «зачачными» мест они не являются.

Ната поглядывала на подружек с едва заметной усмешкой, сразу, по привычке торгового работника, оценив все их достоинства и недостатки. Последних набралось, конечно, больше: девочки были простоваты, и рядом с ними Ната, безусловно, смотрелась королевой. И как подобает королеве, она сдержанно, но благосклонно приняла новое знакомство, не придавая ему большого значения. Впрочем, поболтать с женщинами она любила, и вскоре незаметно втянула обеих девушек в разговор, между делом выведывая, кто они и «чем дышат».

Виталия девушки никак не заинтересовали, он был занят одной Натой и почти не обращал на них внимания. Зато Кит, и особенно Бепо, «охмурили» новых подружек, как могли. Для Бепо «женская тема» всегда была «большим вопросом», страстью жизни, и он просто выворачивался наизнанку, стараясь привлечь к себе как можно больше внимания. Анекдоты и тосты сыпались из него, как из рога изобилия, он старательно подливал всем шампанского, особенно напирая на то, чтобы девочки пили его тосты до дна. «Таков закон суровых кавказских гор», — говорил при этом Бепо и делал «страшные глаза», сверкая белками глаз.

Девушки, а с ними и все остальные весело смеялись. Обстановка за столом стала совсем непринужденной — коктейль и шампанское делали своё дело. В зале было шумно от разговоров, в воздухе плавали волны табачного дыма, шумная ритмичная музыка время от времени вытаскивала посетителей из-за столиков и сбивала в трясущуюся в «шейке» толпу на пятачке перед эстрадой.

Виталий несколько раз пытался вытащить Нату «попрыгать», но она отказывалась, и это его слегка злило. И только когда зазвучала медленная мелодия и толпа танцующих сильно поредела, Ната согласилась потанцевать.

— Я не люблю толкаться в куче и нюхать запах чужого пота, понял, дурачок? — нежно сказала она на ушко Виталию, когда он обнял её за талию и, слегка прижав к себе, плавно повёл в танце.

— Ты как всегда прав, мой сладкий демон, — шептал в ответ Виталик, прикасаясь губами к пахнущей духами коже за ушком Наты.

— Не целуйся в общественном месте, это запрещено, — с шутиливой строгостью сказала Ната, чуть отстраняя голову и заглядывая парню в глаза.

— Где написано, что запрещено? Не вижу надписей и объявлений, — разыгрывая удивление, с улыбкой отвечал Виталий, снова целуя её за ушком. — Раз не запрещено, значит, разрешено. Мне же разрешено, а?

— Ладно, так и быть, уговорил, — смеялась Ната, ещё теснее прижимаясь к нему.

— Я так ждал этого часа, я просто с ума сходил без тебя, моя любовь, моя девочка, — жарко шептал он, обнимая девушку всё крепче и крепче.

— Судя по всему, со мной ты сходишь с ума ещё больше, смотри, не раздави меня, — смеялась она, пытаясь чуть освободиться из его объятий. — Если я на тебя так плохо действую, надо подумать о твоём здоровье и оставить тебя в покое.

— Сейчас, по-моему, уже ты сошла с ума. Разве это возможно? Теперь я оставляю тебя, только когда найду покой в могиле.

— Кошмар! Сколько времени я должна терпеть эти объятия! Ни за что! Я свободный человек, я требую свободы!

— Твоя свобода — моя любовь, твоя любовь — моя свобода. Мы скованы одной цепью. Навсегда. Ты поняла?

— Если эта цепь золотая — я согласна.

— Счастье не в блеске золота, а в золоте души, моя радость! А золото души — это любовь.

— Одной любовью сыт не будешь.

— Ах ты обжора! На, съешь меня!

— Не хочу, ты невкусный.

— Зато ты у меня вкусная и сладкая. Я тебя обязательно съем, всю, всю...

Танец закончился и Виталий, нежно прижав Нату напоследок, взял её под локоть и отвёл к их столику. Кит и Бепо со своими «дамами» не танцевали. Они оба вообще не любили танцевать, считая это занятие чем-то зазорным для «серьёзных пацанов». А себя они, конечно, считали серьёзными и деловыми, которым все эти «танцы-шманцы» ни к чему. Поэтому пока Виталий и Ната танцевали, «деловые» ребята усердно уговаривали своих подружек поехать к ним в гости, где можно будет ещё посидеть, выпить шампанского, поболтать. Конечная цель приглашения, естественно, не разглашалась, но как бы подразумевалась сама собой — для чего же ещё могут «девочки» поехать ночью к «мальчикам».

Кит обхаживал Светлану, высокую плотную, чуть широковатую в бедрах, с густыми темными волосами и яркими карими глазами на

округлом улыбающемся лице. Бепо шептал что-то на ухо Марине, как бы невзначай положив ей руку на плечо и слегка прижав к себе. Маленькая пухленькая Марина, склонив голову к Бепо, с улыбкой слушала его, время от времени мотая головой в знак отказа. Её прямые распущенные светлые волосы, почти скрывавшие наклонённое вниз лицо, колыхались из стороны в сторону, касаясь лица Бепо.

— Наши новые знакомые, наши прекрасные Марина и Светлана, отказываются поехать к нам в гости, — чуть саркастично объявил Кит, разливая по бокалам шампанское. — Наверное, боятся нас, грузин. Но мы же совсем не страшные. Ната, скажи, ведь мы хорошие мальчики и никогда никого не обижаем.

— Хорошие мальчики сидят дома с папой и мамой и читают книжки, — со смехом ответила Ната, — а вы бродите по кабакам и пьёте алкогольные напитки. Правильно девочки вас боятся.

— Книжки мы тоже иногда почитываем, не волнуясь, а вино у нас в Грузии, ты знаешь, не «алкогольный», а «божественный напиток», — многозначительно подняв палец вверх, заявил Кит. — Поэтому мы вино боготворим и пьём его как боги, а не как простые смертные. Грузин без вина — всё равно, что колодец без воды. Поэтому давайте выпьем за то, чтобы этот колодец никогда не высохал.

Все дружно сдвинули бокалы и выпили. Пора было уходить, но отказ девушек поехать в гости задерживал компанию за столиком. Кит и Бепо упорно старались добиться своего — они не привыкли терпеть фиаско в таких делах.

— Натуся, ну уговори их, ты сможешь, — прошептал Виталий на ухо Нате, — а то мы отсюда до утра не уйдём.

Ему не терпелось остаться с любимой один на один — об этом он так долго и так мучительно мечтал вдали от неё, рисуя в воображении упоительные сцены их тайного и сладкого уединения. Нате тоже уже надоело это упрямое противоборство «мальчиков» и «девочек». Она всегда любила ясность и чёткость во всём, неопределённость её раздражала и сбивала с толку. Да — так да, нет — так нет, — и нечего тут маяться.

— Ладно, девчонки, что вы, в самом деле, — с добродушной снисходительностью произнесла Ната. — Поехали с нами, посидим, шампанского ещё тяпнем. Мальчики хорошие, я их знаю, они не обижают, а мальчишки?

— Ну, конечно, о чем разговор? — чуть не дуэтом воспрянули духом Кит и Бепо.

— Сейчас ещё пару бутылочек шампанского возьмём и поехали, — бодро заявил Кит. — Бепо, «дёрни» официанта.

Кафе уже закрывалось. Заказы не принимали, да и на вынос торговать спиртным было запрещено, но за соответствующую мзду Бепо

довольно быстро договорился с худеньким чернявым официантом и вскоре принёс две бутылки шампанского, засунутые в бумажный пакет «для маскировки».

— Всё в порядке, дамы и господа, — торжественно объявил он, подходя к столу с пакетом в охапке, — можно отправляться, экипаж ждёт у подъезда.

Ната ещё раз ободряюще кивнула девушкам и те, наконец, согласились. Дружной гурьбой компания двинулась к выходу.

На улице было холодно. После прокуренной духоты кафе, морозный воздух чуть обжигал легкие и охлаждал лоб, освежая голову. Сыпался легкий снежок, посверкивающий на лету в розоватом свете высоких фонарей, изогнувших длинные шеи в сторону мостовой. По широкому проспекту, сверкая красными огоньками сигнальных огней и переливаясь гляncем кузовов, мчались легковые автомобили. Время от времени медленно, как бы поперевапочку, проползали автобусы и троллейбусы.

Ехать пришлось на двух такси — посадить в машину шесть человек таксист категорически отказался, несмотря на уговоры Кита и Бепо и обещания «не обидеть». Благо, пока препирались с таксистом, подвернулась вторая машина, в которую сели Виталий и Ната. «Мальчики с девочками» поехали в первой.

Едва машина тронулась, Виталий обнял Нату за плечи, притянул к себе и жадно впился губами в её мягкие горячие губы. Она, не сопротивляясь, прильнула к нему всем телом, с тем же жаром отвечая на его поцелуй. Оторвавшись, наконец, от её губ, он почувствовал, что голова его кружится ещё больше, и он уже не мог сказать точно, от чего он больше пьян — от шампанского или от любви.

Не зашторенное окно светилось синим холодом ночи. В темноте комната производила впечатление таинственной картины какого-нибудь художника-фантаста. Откуда-то снизу, издалека, синева подсвечивалась туманным расплывчатым светом фонарей и окон жилого массива.

Эта чужая комната на каком-то очень «надцатом» этаже огромного дома была сейчас для Виталия средоточием Вселенной, средоточием всей жизни. Он лежал, откинувшись на подушку и положив правую руку под голову, а на его плече лежала белокурая головка Наты, и он гладил её волосы и плечи и время от времени целовал её холодный лоб, щеки и губы. На своей обнажённой груди он ощущал горячее дыхание девушки, и счастье, заполнившее его в эту минуту, было настолько фантастически неземным, что он представлял их обоих летящими в огромном синем космосе, мерцающем дрожащими искрами далёких и близких звезд.

«Неужели это возможно? Неужели это со мной? Неужели я нашел Её, ту самую, что предназначена судьбой на всю жизнь? Она дарит мне столько счастья, даже блаженства, что я уже не могу себе представить жизнь без неё. Без неё? Без неё?! — нет, это невозможно, это самоубийство, это значит, что я должен вырезать себе сердце, чтоб не иметь его вовсе. Нет, это невозможно! Это дар судьбы, это что-то от Бога, наверное. Я так долго ждал этого счастья. Нет, любовь — это не просто красивая девушка, не просто желание и наслаждение, это что-то... что-то огромное, необъяснимое и всепоглощающее, как море. Да, как море, постоянно дышащее глубиной и силой где-то там, в душе, внутри всего тебя. И чувство это бывает таким же разнообразным, как море. Недаром говорится: от любви до ненависти...

Нет, я без неё уже не смогу. Она должна остаться со мной навсегда. Да! Только так. Я женюсь на ней, да, женюсь, и тогда она будет рядом со мной всегда. А вдруг она не захочет? Что значит — не захочет? Я люблю её больше всего на свете, и она не сможет, не посмеет мне отказать. А вдруг она?...».

— Ты о чём задумался, а? — тихий голос Наты вернул Виталия к реальности. — Тебе хорошо со мной?

— Я как раз задумался о том, как мне хорошо с тобой, — целуя её волосы и шею, мечтательно произнес он. — Размечтался я тут немного.

— И о чём, если не секрет?

— В том-то и дело, что это большой секрет для меня.

— А для меня?

— От тебя у меня секретов нет, моя прелесть. Я мечтал о том, как мы поженимся, и ты родишь мне маленького мальчика. Неплохая мечта, правда?

— Мечтать, конечно, можно, но замуж я пока вообще-то не собиралась. И так всё хорошо.

— Ну, сборы-то невелики — взяли паспорт, и пошли в ЗАГС. И потом я уверен, что после этого всё будет ещё лучше, чем теперь. Я буду с тобой, ты будешь со мной — мы будем вместе навсегда.

— А это необходимо — быть вместе навсегда?

— Я окончательно понял, что не могу без тебя, и поэтому это необходимо мне.

— А мне?

— И тебе тоже, потому что я люблю тебя больше жизни, моя сладкая девочка.

— Значит, ты всё уже решил и за себя и за меня, — Ната отодвинулась и, чуть приподнявшись в постели, посмотрела на него сверху вниз. Холодок дерзости, мелькнувший в её глазах, больно резанул Виталия по сердцу.

— Да, решил, — с улыбкой мягко ответил он и, потянувшись к ней, добавил, — по другому я просто не смогу жить.

— Значит, всё решил? — усмехаясь, спросила Ната, отталкивая его руки. — А может, у меня уже есть жених? Ты об этом не подумал, мой мальчик?

— Жених?! Ты что, с ума сошла, Натуся? Какой может быть жених, если я тебя люблю, понимаешь, я, я! Ты что, серьёзно?!

— Ну, может, не жених, но один парень, который тоже...

— Что тоже?! Что?! — Виталий вскочил с постели и стал одеваться, нервно надёргивая на себя одежду. — Ты что, с ним тоже спишь? Ты... Ты... Я убью тебя! Убью, если...

— Не ори, сумасшедший! Ребята услышат.

— Это ты сошла с ума! Какой парень? Кто? Где? — Виталий перешёл на хрипящий шепот и задышался от этого шёпота и злости. Он резко сел на кровать и схватил Нату за плечи.

— Говори, а то я... Я не знаю, что я сейчас с тобой сделаю!

— Отпусти меня, ненормальный, мне больно! — вскрикнула девушка, пытаясь освободить плечи из его цепких пальцев. — У меня же синяки будут, отпусти!

— Говори, что за парень, — уже без злобы, тихо и сурово произнес он. — Ты спишь с ним?

— По-твоему, я сплю с каждым встречным, что ли? Хорошо же ты обо мне думаешь.

— Он не первый встречный, если ты назвала его женихом. Давно у тебя с ним?

— Ничего у меня с ним нет, дурачок. Просто был парень, ухаживал за мной, предлагал жениться.

— Кто такой?

— Врач, здесь в Москве учился. Успокойся, он уехал к себе домой, и больше я его не видела.

— Ты спала с ним, да? Скажи, да?

— Нет, нет, успокойся. Ничего не было, честно. Просто гуляли, ходили в ресторан пару раз.

— Да, и он ничего не хотел. Даже не пытался и не прикасался?

— Почему же не пытался, не прикасался? Мы целовались с ним несколько раз, но и только.

— Ага, поцеловались и разбежались. Ангелочки. Святая любовь. Кому ты это говоришь, девочка?

— Ну, клянусь тебе, только целовались. Он мне не очень нравился, и замуж я за него не собиралась. Хотя он очень просил. Хотел увезти с собой.

— Чёрт с ним! Не хочу о нём слышать. Но ты-то, ты, Натуся! Как же ты, а? А я — я для тебя никто?

— Ты далеко был, а он здесь. Мне было скучно. Я просто решила с ним развеяться.

— Нет, ты меня с ума сведёшь! И после этого я буду спрашивать, пойдёшь ты за меня или нет? Я просто утащу тебя, даже если ты не захочешь. Нет, это кошмар какой-то! На три месяца нельзя одну оставить. Уже женихи, уже рестораны. Нет, я тебя дарить никому не собираюсь, и не надейся. Не для этого я тебя встретил и полюбил, чтоб так глупо потерять. Ты что, меня убить хочешь, что ли? Я же этого не переживу. Я чёрт знает, что сделаю!

Виталий прижал девушку к себе и, целуя её шею, грудь, руки, лицо, губы, ещё долго шептал что-то, обжигая её жарким дыханием. Она гладила его волосы, плечи, и ласковая колдовская улыбка блуждала по её лицу...

«Светлана, Светлана!», — вдруг глухо донёсся откуда-то из глубины квартиры приглушённый испуганный женский голос. Виталий вскочил на ноги.

— Кто это? — удивлённо оглядываясь на Нату, чуть испуганно спросил он. То, что Кит и Бепо находятся в соседних комнатах со своими новыми подругами, абсолютно вылетело у него из головы. Виталий забыл о них напрочь, как только они с Натой оказались одни в этой маленькой тёмной комнатке. Комната эта была самой маленькой в квартире и самой уютной. Виталий специально торопился занять её, чтобы им с Натой уже никто не мешал. Они оставили друзей на кухне, где Кит и Бепо усердно угощали девочек шампанским. А потом был фантастический полёт во Вселенной Любви... И эта неожиданная ссора.

— Кто это, Ната?

— Кто-то из девочек кричит, пойдя, посмотри, что у них там, — она тоже встала с постели и начала быстро одеваться. Виталий задержал на ней восхищенный взгляд. В синем полумраке, наполнявшем комнату, её тоненькая точеная фигурка светилась, как подсвеченный мрамор. Он сделал шаг в её сторону...

— Иди, иди, дай одеться, я стесняюсь, — прошептала Ната с улыбкой, прикрываясь не одетым ещё платьем. Виталик прижал её к себе и нежно и мягко поцеловал в губы.

«Светлана, Светлана...», — снова раздался приглушённый, будто придушенный и потому пугающий голос. Виталий быстро вышел, плотно прикрыв за собой дверь. В смежной комнате на кровати у противоположной стены лежали Кит и Светлана. Она, видимо, собиралась встать на зов подруги, но Кит, лежавший с краю, не пускал её, обняв обими руками. В полумраке комнаты белые бретельки лифчика мелькнули яркими полосами на плечах девушки, когда она попыталась приподняться.

— Что за шум, ребята? — с лёгкой усмешкой спросил Виталий. — Что там у них, Кит?

— Кто их знает, зайди, глянь, — не оборачиваясь, недовольно буркнул дружок.

Марина стояла, прижавшись спиной к стене, испуганно отталкивая руками Бепо, навалившегося на неё всем телом. Его руки жадно и суетливо шарили у неё под юбкой.

— Не надо, ну, не надо, я не хочу, — испуганно выдавливая из себя девушка, отбиваясь от рук парня. — Светлана, Светлана! — снова как-то придушенно выкрикнула она.

— Молчи, сука, — зарычал Бепо, ещё сильнее прижимая ее к стене.

— Бепо, завязывай, — Виталий подошёл и взял дружка за плечо. — Обалдел, идиот?

— Отвали, — глухо прорычал Бепо, не оборачиваясь.

— Давай, не борзей, морда. «Спалить» нас всех хочешь? — уже наполняясь злобой, сквозь зубы произнёс Вит. — Ещё ментов нам тут не хватало. — Он дёрнул приятеля за плечо. Бепо невольно обернулся, и Виталий увидел его злые, почти сумасшедшие глаза.

Воспользовавшись моментом, Марина вырвалась из объятий своего «кавалера» и, оправая на ходу юбку, выскочила из комнаты. Бепо дёрнулся за ней, пытался поймать рукой за платье, но Виталий придержал его, прижав к стене.

— Оставь её, идиот, успокойся. Ну, не хочет девочка, что поделаешь, — улыбнувшись, с уже шутилой интонацией произнёс Вит. — Насильно мил не будешь, слышал?

— Для чего ехала, если не хочет, сучка, — зло прошипел Бепо. — Целкой прикидывается.

— Почему прикидывается? Может, и впрямь целочка. Поэтому и боится.

— А если боится, не надо по кабакам шляться и шампанское дармовое жрать. «Динамистки» проклятые, — Бепо пыхтел, как паровоз, выпуская ненужные теперь пары злобы.

— А почему бы им шампанского не попробовать, если угощают. Всё логично и понятно.

— Стал бы я её просто так поить шампанским. Она ведь понимает, что после этого будет, на «хату» едет, а потом вдруг — нет, я — девочка, я не могу, я не хочу. Если бы не ты, я бы ей показал «не могу — не хочу».

— Пойми, Бепо, здесь нельзя так. Чужая «хата», сами живём на птичьих правах. Всё обломится из-за какой-то...

— Тебе легко рассуждать, умник. Ты со своей Натой там кайфуешь, а я что, не хочу?

— Ты насчёт Наты заткнись лучше, понял? Это другое, и тебе, ослу, этого не понять никогда.

— Да, ладно...

— Бепо, я тебе всё сказал, и если ты хочешь, чтоб я в тебе видел своего кента, о Нате ни слова. Это моё, понял? Только моё.

— Ладно, не заводись. Всё ясно. Пошли, Киту тоже обломаем, чтоб не обидно было, — уже со смехом воскликнул Бепо. — Он со своей красоткой вроде договорился, а?

— Не знаю, но похоже на то, — ответил Виталий, выходя вслед за Бепо из комнаты.

Из прихожей, расположенной напротив двери в комнату, в глаза им ударил свет. Марина и Светлана уже натягивали пальто, стараясь не глядеть на собравшихся ребят.

— Гуд бай, май лав, гуд бай, — прогнусавил Бепо и, раскинув руки, стал приближаться к Марине, делая вид, что хочет её обнять. Марина взглянула на него испуганно и, быстро схватив сумочку, ринулась к двери.

— А где же прощальный поцелуй, кошечки, — с фальшивой обидой в голосе протянул Бепо. Ответом ему прозвучал стук захлопнувшейся двери. Бепо быстро открыл дверь и крикнул в подъезд:

— А может, поймать их, пока эти «динамистки» далеко не ушли?

— Кончай, Бепо. Концерт окончен, — устало произнёс Кит, выходя из кухни. — Вит, зови Нату, выпьем шампанского, тут осталось немного.

Ната сидела в темноте у окна, задумчиво глядя на раскинувшиеся внизу огни фонарей и далёкие светящиеся окна соседних домов.

— Ушли девчонки? — оглянувшись на вошедшего Виталия, спросила она с улыбкой.

— Убежали, — усмехнувшись, ответил Виталий и, наклонившись к ней, поцеловал в шею за ушком. — А ты от меня не убежишь, моя прелесть?

— Мне это ни к чему, — весело объявила Ната, глянув на него озорными глазами. — Если я захочу, ты сам от меня убежишь.

— Ух, ты какая! — со смехом воскликнул Виталий, хватая её в охапку. — Страшная, прямо жуть! Пойдём на кухню, там осталось немного шампанского. А потом я тебя провожу домой, а то мамка тебя уже, наверное, потеряла. Ругать, небось, будет, а?

— Ещё как! — рассмеялась девушка, целуя его. — Пошли. Кстати, а где хозяева вашей берлоги?

— Не знаю. Один, кажется, уехал домой, в Абхазию, а второй где-то загулял, наверное.

На кухне царил обычный холостяцкий беспорядок. На плите стояли какие-то грязные сковородки, кастрюльки, чайник. Маленький столик у окна был заставлен бутылками, стаканами и кружками.

То юности стремительные годы...

— Ну, и бардачок тут у вас, ребятки, — со смехом воскликнула Ната, разглядывая всё это «хозяйство». — Стаканы-то хоть найдутся?

— Хрустала нет, мадам, но для Вас — саксонский фарфор, — Бепо торжественно поставил перед Натой чашку, расписанную розовыми цветочками.

— Во-первых, не мадам, а мадемуазель, а, во-вторых, в Ваши годы, молодой человек, пора бы научиться отличать фарфор от фаянса, — присаживаясь у столика, шутливо заметила Ната.

— Что ты, Ната, — воскликнул Кит, — он женщину от девочки отличить не может, а ты говоришь — фарфор! Устроил представление, баклан. Ни себе, ни людям.

— Я понимаю Ваше огорчение, мой юный друг, — усмехаясь, произнёс Бепо, — но кто же виноват, что Вы на подступах к крепости потратили так много времени. Надо было брать её штурмом, как я, тем более что Вы не первый для неё Суворов, да и крепость Ваша — совсем не Измаил. Вот у меня был твёрдый орешек, вернее, бутончик.

— Ладно, заткнись, «Суворов», — раздражённо бросил Кит, разливая шампанское. — Испортит весь вечер и ещё чирикает. Будем здоровы, братцы-кролики.

Они дружно выпили.

— Ну, мне пора, — сказала Ната, поднимаясь. — Всем пока, до завтра. Виталий встал и пошёл вслед за Натой.

— Кит, дай ключ, я пойду, провожу.

— Возьми у меня в пальто. Счастливо, Ната.

— Пока, мальчики, не горюйте. Какие ваши годы, — рассмеялась Ната, заглядывая напоследок в кухню, — ещё надоедят вам эти девочки.

— Никогда! — важно воскликнул Бепо, поднимая свой стакан. — Это нам не грозит. Слышь, Вит, ты давай недолго, а то мы с Китом теперь не уснём, представляя себе, как ты целуешься с Натой на автобусной остановке.

— Не волнуйся, мы поедем на такси, — усмехнувшись, ответил Виталий.

— Так это ещё круче, брат, — заржал во весь голос неугомонный Бепо.

На улице было ветрено. Мелкий снежок метался в синем свете фонарных огней, лёгким пухом покрывая тротуар и мостовые. Такси не было. Виталий и Ната медленно шли по пустынной ночной улице, скользя ногами на быстро подтаивающем снегу. Виталий время от времени оглядывался назад, высматривая такси. На чистом, белом и длинном листе тротуара, как строчки безмолвных стихов, чернели их следы. Миниатюрные пятнышки, оставленные дамскими сапожками на высоком каблуке, словно мелкие стремительные барашки волн, допол-

нялись широкими, медленно и тяжело плывущими рядом «лодками» мужских следов.

Ната не любила спешки, и поэтому никогда не ходила быстро. Виталий восхищался ее царственно-спокойной походкой, лишней раз подчеркивающей статную высокую фигуру и длинные точеные ножки. А медленное, как бы ленивое и потому завораживающее движение ее узких, но сильных бедер просто сводило его с ума. Вот и сейчас, когда он чуть отстал, высматривая далёкие огоньки какой-то машины, Виталий в который раз с восхищением смотрел на идущую впереди Нату, легко угадывая под приталенным тёмным пальто ее гибкое упругое тело. Чёрные замшевые сапожки четко печатали маленькие, величиной в ладонь, кругляшки следов. Сделав несколько больших стремительных шагов, он догнал Нату и, обняв за талию, прижал к себе.

— Я люблю тебя, — прошептал он, жадно целуя её в губы.

— Ты сумасшедший, разве так можно бросаться на женщин, тем более на улице, — слегка отталкивая его, с улыбкой воскликнула Ната.

— Я люблю тебя везде и всегда!

Вдали засветился зелёный огонек такси.

— Ну, отпусти меня. Вон такси едет.

— Я поеду с тобой.

— Не надо, здесь недалеко, и потом на такси я не боюсь.

Виталий поднял руку, и такси остановилось рядом с ними. Он ещё раз обнял Нату и нежно поцеловал её холодные щеки:

— Пока, мой сладостный.

— Пока. Ты позвони мне утром. У меня завтра выходной.

Она села в машину. Хлопнула дверца. Красные огоньки быстро поплыли вдаль, незаметно тая в заснеженной перспективе улицы.

Виталий и Ната встречались каждый вечер и уединялись в облюбованной ими маленькой комнате. Для Виталия это были самые счастливые дни его жизни. Его любимая, обожаемая, нежная, капризная, сладкая Ната была с ним, была в его объятиях — это было как сказочный сон, как мечта, которая вдруг, по волшебству, превратилась в реальность. Он не замечал окружающей их убогой обстановки комнатки, разговоров и шума в квартире, там за дверями, где по-своему развлекались его друзья. Никто из них, конечно, не лез к ним в комнату, хотя Виталий был уверен, что эти ежевечерние уединения, так или иначе, обсуждались в мужской компании, скучающей без женского общества. Он представлял себе недвусмысленную завистливо-похотливую ухмылочку Бепе и делано-равнодушную физиономию Кита и улыбался добродушной и счастливой улыбкой, заранее прощая им все их пошловатые шуточки.

Ната и та сексуальная пошлятина, с которой они все сталкивались в повседневной жизни, были для Виталия настолько несовместимы и безгранично далеки друг от друга, что он себе не мог и представить, чтобы кто-нибудь подумал о его Нате плохо. А мысль о том, что кто-нибудь посмеет оскорбить его Нату «грязным» словом, была настолько страшной по своим последствиям, что Вит, зная свой вспыльчивый крутой нрав, старался как можно меньше думать об этом.

Беззаботно, шумно и весело, и потому незаметно, пролетело время — «московское путешествие» заканчивалось. Настал день отъезда. На билеты друзья наскребли, буквально, из последних, и в поезд садились, имея в карманах жалкую мелочь. Хорошо ещё, что выручила Ната — дала на прокорм десять рублей. Она отпросилась пораньше с работы и приехала на вокзал проводить весёлую компанию.

Был холодный вечер. Шёл снег, потерян порхающий в свете перронных огней. Виталий и Ната стояли у вагона, неотрывно глядя друг на друга. Девушка грустно улыбалась и чуть смущенно поглядывала на окружающих.

— До свидания, Натулька. Я буду писать тебе, ладно? — горячо шептал Виталий, не сводя жадных глаз с лица девушки. — Я буду писать тебе стихи. Я люблю тебя...

Он притянул девушку к себе и, обняв, уткнулся лицом ей в шею, царапая щеку колючим холодным и мокрым воротником её пальто. Губы его искали тёплую полоску её нежной кожи под шарфиком, как бы желая напоследок приникнуть к этому живительному источнику любви и нежности. Сердце Виталия сжалось от тоски, которая, он знал это, ждёт его в родном южном городке. Там не будет Наты, а, значит, не будет жизни. Там будет тоска и скука — серая пелена дней без любви. Он ещё крепче прижал девушку к себе и прильнул к её губам долгим прощальным поцелуем.

— Пора садиться, отправляемся, — раздался рядом голос проводницы, в котором слышалась лёгкая усмешка.

Виталий оторвался от Наты и поднялся в вагон. Стоя в дверях тамбура, он продолжал смотреть на неё, стараясь впечатать её облик в своё сознание. Поезд дёрнулся и медленно пошёл. Ната стала уплывать назад. Она махала рукой в черной кожаной перчатке. Он тоже махал ей в ответ, пока проводница не отстранила его от двери:

— Пора закрывать, молодой человек. Пройдите в купе.

— С женой прощаюсь, — как бы извиняясь, сказал Виталий.

— С женами так не прощаются, — весело прощбетала проводница, с хитрой улыбкой глянув на парня.

— Да нет, я же говорю — жена. Точно!

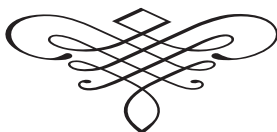

Их свадьба состоялась в Москве в мае следующего года.

Бепо, единственный из «кентов», приехал поздравить молодых и, конечно же, немного «погулять» в столице. Невезучий по жизни Тука, как на зло, сильно заболел и лежал тогда в больнице. Кит, всерьёз закрутившийся с «деловыми», уже мотал свой первый срок.

Октябрь 1986 — май 1987 г.

Москва

**ПОРХАЮЩАЯ
БАБОЧКА ОГНЯ**

Стихи разных лет

*О, Боже праведный, спаси мои святыни
От пошлости, вранья и глупости людской!
Не дай ожить кошмарной мне картине —
Свои стихи топчу своей ногой!*

Когда-то, наивненький мальчик,
О счастье далёком мечтал ...
Я верил в монетку удачи,
«Счастливый билетик» жевал.

Я верил и в море, и в звёзды,
Их вечностью душу крепил,
И думал: сомнений невзгоды
В поэзии я утопил.

Я думал: поэзии крылья
Меня вознесут до небес,
Я буду свободным и сильным,
И жизнь будет сказкой чудес!

С годами ж монетка удачи
Предстала помятым рублём ...
И тянем мы руку за сдачей,
И этой удачей живём.

«Счастливый билетик» всё реже
Мы держим усталой рукой —
Он выглядит как-то несвеже
И будничной пахнет тоской.

Лишь море и звёзды, как в детстве,
Нам в души вливают свой плеск ...
Их светом мы можем согреться
И снова взлететь до небес!

Взлететь, как тревожные птицы,
На поиски юной мечты,
Которая изредка снится
Сквозь годы пустой суеты ...

Хиросима

Поэма

Часть I

Память

*6 августа 1945 года Соединенные Штаты Америки
произвели первую в истории человечества атомную
бомбардировку японского города Хиросима.*

Слышите, знаете, помните,
мира потомки законные?
Нас тишина спросила,
в души врываясь с силой
Грозным набатом времени!
Помните, вы, современные?!

Помните?
Это святыня,
стоном звучащее имя —
Хиросима!

Атомный век.
Век совершенства?
Ц-и-в-и-л-и-з-а-ц-и-я —
рай и блаженство?
Век кибернетики, век электроники...
И лишь в музее пугает нас дротиком
Честный дикарь, предлагая сразиться.
Это не модно в век массового убийства!
Это не модно
в век водородных,
Ядерных,
межконтинентальных
И многих других, известных и тайных,
Бомб и ракет, что убьют моментально
Пол человечества шара земного...

Это не ново —
                                атомный век!
К этому тоже привык человек.

Атомный... Странное слово какое!
Нечеловеческое, полуземное,
Малопонятное и необъятное...
В нём — вся планета, на бомбе распятая
Новым Христом-мессией.
Имя ему — Хиросима.

Что ж вы не молитесь, супермены,
Богу, насквозь современному,
С нами живущему — Атому?
Вы позабыли распятого
Где-то в веках несчастного,
Чудом Любви вознесенного.
Это явление частное.
Он — не Вселенная.
Но забывать современного?!
В огненной буре воскресшего,
Может быть, грязного, грешного,
Может, к груди прислонённого,
В родах кричавшего или влюблённого...

Он был рожден мгновением —
                                Бог современный.
Как же не помнить?
                                Это невыносимо!
Хиросиму...

Потеря памяти — болезнь тяжёлая.
Атомная пустыня жжёная —
Ужас двадцатого века,
Проклятие человека!
Как им напомнить, нынешним?
Как закричать, чтоб услышали?
Как показать незримо
Стон Хиросимы?!

Арка стоит из бетона.
Памятник.
                                Нет, икона!

И поклоняются ей
Каждый год в чёрный день.
Молятся, плачут, кланут,
Стонут и Тех зовут...
Тех, что исчезли, сгорели
                                в августе сорок пятого,
В августе сорок проклятого!

Люди, что вы наделали?! —
Словно глазницы белые,
Мукой и смертью окрашенные,
Камушки-капли спрашивают.
Камушки — напоминанье.
Камушек — жизнь, страданья,
Страсти и мысли бег...
Камушек — человек!

Сколько их?
                                Тридцать с лишним тысяч только
Убитых мгновенно, без страха и боли.
Тридцать с лишним тысяч убитых мгновенно
Во имя нового века,
                                во имя атомной эры!
Святые «атомной веры» —
                                вот они, распятые в современность!
Что ж вы не молитесь им, супермены?..

Часть II

«Апостолы»

*Их было двенадцать.
Двенадцать американских летчиков составляли экипажи
самолета Б-29, сбросившего атомную бомбу на Хиросиму,
и двух самолётов сопровождения.
Их глаза — единственные глаза, которые видели всё...*

Двенадцать «апостолов» американского происхождения.
Это они возвестили рождение
Атомной эры.
                                Атомной смерти!
И не раскалялись в этом, поверьте.

Ночь...
    Безмятежное чёрное небо...
И океан...
    Он волнуется нежно,
Вечный любовник японской луны.
Светом её — его брызги полны...
Словно купаются
        нежно друг в друге
Вечно влюблённые,
        вечно супруги,
Вечно вдвоём —
        ночи тьма покрывалом...

Вдруг тишину о моторы порвало!
Ночь раскололась от гула, от рёва!
Это рычание напомнило снова,
Что не нужна тишина, не нужна —
В мире война!
В небе война, в море война,
        всюду она!

Ночью и днём
        смертью грозит
И дышит огнём!

Их глаза, покрасневшие от бессонницы,
Видели то, что не видел никто из японцев.
Их глаза, только их глаза...
В них не блеснула тогда слеза,
Ни жалости, ни стыда в их глазах.
От боли не сузились,
        не побелели от ужаса...
Они работали —
        «апостолы-труженики».

Выйти на цель — тоже труд,
Бомбу бросить — тоже искусство.
Им надо, чтобы попало прямо в грудь!
Чтобы попало туда, где густо...

А самолет назывался красиво:
Женское имя машина носила,
Женщины-матери — «Энола Гэй».
Эта машина убила детей!
Их стариков, их отцов, матерей...
Море смертей!

«Апостолы» современности,
Вознесённые в небеса самолётом!
Куда современнее?

Рожи покрыты потом,
На плечах — балахон Ку-Клукс-Клана.
Рана!

Кровавая рана
На худеньком теле Японии!
Пепельно-серый гриб!

Атомное зловоние ...
Жарко!

Горит распятие
В руках дикаря-идиота!
Город разорван на части
Прицелом-крестом бомбомёта!

Всё! Полетела!..

Сорок семь секунд,
Еще сорок семь секунд до момента
Превращения живого тела,
Превращения человека
В святыню века!
В проклятье века!
В распятие века!

Помните веки
и не забывайте, пока живые,
Вы, человеки!
Они — святые ...

Кончено.
Долетела!
Рёв огня!
Безмолвие пепла ...

А эти смеются —
«апостолы» с юмором:
«Души вьются
япошек умерших,
Улетают на небо
с дымом и пеплом ... »

Серый гриб с огненным сердцем ...

Что им раскаиваться?

За это не платят,

Чин не повысят, и босс не погладит.

«Апостолы» в норме:

дают интервью,

Бодро смеются, резинку жуют...

«Апостолы»-янки — «парни что надо!»,

Без предрассудков, и этому рады!

«Апостолы»-янки — они бизнесмены,

Торгуют памятью — воспоминания ценны!

Память — на доллары!

Совесь — на доллары!

Орут во всё горло:

«Мы — апостолы атомной эры!»

Кто породил вас, «апостолы»-звери?!

Часть III

Сегодня

*«В сегодняшней Хиросиме мало, что напоминает о страшном августе
сорок пятого года. Молодёжь уже начинает забывать этот кошмар...»*
(из интервью на улицах Хиросимы)

Стоят многоэтажные дома.

Модерн украшен зеленью газона

На месте, где оставила война

«Сплошного поражения зону».

Да, жизнь живуча,

что тут говорить?

Растёт и лезет, как цветок из камня.

Пусть солнце скрыла атомная туча,

Которая дождём старается убить,

Которая вокруг всё обращает в пламень ...

Но жизнь живуча,

что тут говорить?

И вновь она цветком украсит камень.

Да, жизнь сильна.

Не смог ее угробить
Всесильный Атом, что упал сюда.
Но смерть была!

Об этом надо помнить!

Да, смерть была ...
Уносит и сейчас, как внешняя вода,
Тех, кто отмечен был лучами страшной бомбы.
Им не забыть кошмара никогда,
Им не сорвать смертельной пломбы ...

Им не забыть.

А помнят ли другие —
Те, что родились через много лет?
Двадцатилетие, потомки, молодые ...
Вот эти помнят?

Да ...

А, может, — нет?..

Другая жизнь, другие интересы
у молодых:

Деньги, любовницы, «мерседесы»,
Особняки и дачи,
Цветные телепередачи,
Наркотиков дымный рай,
Рок музыки дикий лай ...
Где тут упомнить — столько забот! —
О жертвах каких-то,
каких-то бомб

Дремучей военной давности?
Тем более что отели, здравницы,
Универмаги и дансинги
Из стекла, бетона и пластика
Баистают комфортным шиком!
Проспекты наматывают на шины
«Тойоты», «опели», «форды» ...
Кругом — благородные морды:
Эта — леди, тот — джентльмен!
Истэблишмент.
Но присмотритесь:

в толпе супер-люксовой
Вдруг серая куртка мелькнёт —
«хибакуся»!

В глазах — пепелища,
хребты развалин...

Родные лица
углем стали!

Покрытые пеплом волосы,
Осколков кровавые полосы,
Дырявые пасти окон...
Стон!

Не слабый, чуть слышный, нет!
Немолчный, пронзительный стон,
Рвёт уши и душу он,
Рвёт вот уже много лет!

Многоголосый страданий гам
В ушах «хибакуси» рыдает вечно,
Как огромный, застрявший в мозгу орган!
Он из тех, кто вышел живым из атомной печи...

Он жизнь свою меряет не как мы — годами.
Нам что — родились и живем пока.
Кто занят бездельем, кто трудами,
Но, в общем-то, ровная жизнь, как доска.

«Хибакуся» родился два раза:
Первый раз, как и мы, — от природы.
В сорок пятом, обожжённый огнем,
Облучённый заразой,
Он снова родился.
Уже уродом.

Жизнь «хибакуси» измеряется в метрах,
Которые отделяли от эпицентра
Его в тот далёкий кошмарный день —
Чем больше метров, тем дольше жизнь!
Но всюду за ним, бесшумно как рысь,
Идёт неотвязная смерти тень.
И ей не скажешь, проклятой, — «брысь»,

Она не боится — ползёт и ждёт,
И скоро напрыгнет,
и скоро сожрёт!

Их скоро не будет,
людей, что помнят.
А эти — забудут
и Хиросиму, и бомбу...

Вместо эпилога

Сказал американский генерал,
Цинизма наждаком «проехался» по коже:
«Тот, кому выпало тогда, — тот умирал,
И нет напоминаний больше».

Да, генерал, напоминаний нет —
Развеян пепел атомный по свету...
Одни сгорели, от других скелет
Остался сохлый —
он не ждёт ответа.

Треть миллиона жизней!
Мало? Много?..

Не знаю.
Только знаю — эта бомба
Была малютка, крошка
и в сравненье
Нейдёт с тем супер-атомным твореньем,
Которое хранит Земля сейчас...

Нажмите только клавишу —
и Н-А-А-С!..

г. Сухуми,
1975 г.

Сказка детства

Давно — в волшебной сказке детства —
Явилось чудо — рай земной,
Где нет ни горестей, ни бедствий,
Где солнце, море, пляж и зной...

Там дом стоит старинный белый,
Преданья предков помнит он...
И виноград лозою смелой
Ползёт из сада на балкон,

И яблонь ветви лезут в окна,
Ждёт урожая мандарин,
Черешни гроздь в росах мокнут
И роз благоухает нимб...

Там улица крутой дорожкой
Петляет в гору меж домов,
По ней поднялся вверх немножко —
И вдруг коснулся облаков!

Здесь мама бегала девчонкой
К прозрачной речке за водой,
Мелькая выгоревшей чёлкой,
А позже — девичьей косой.

И дед мой на коня садился —
Блеснут черкески газыри...
Седой дымок над пацхой вился,
Коптил и мясо, и сыры...

Кукурузы зёрна золотые
Под жернова текли ручьём,
И бочки — к осени пустые —
Вновь терпким пенились вином...

Летят сквозь время дни как птицы...
Ушел в неведомое брат...
Прости, что не успел проститься,
Но годы встречу нам сулят.

Тогда вернётся сказка детства,
Вновь захлестнёт морской волной...
Звёзд неземное чародейство
Больной душе вернёт покой...

Побродить по Москве,
что в бульварном кольце,
Подышать стариною седой,
Поклониться крестам,
скорбным ликам в венце,
Вновь укрепнуть усталой душою...

Ты мой лекарь, Москва, —
мудрый маг-чародей,
Я давно околдован тобою.
Город правды и лжи,
сонм святых и чертей,
Твои улочки дышат любовью!

Москворечье, Таганка,
Покровка, Арбат...
Каждый дворик подарит легенды,
Что в корявых ветвях
древних лип шелестят
Тихим отзвуком мудрой беседы.

В том краю, где растут кипарисы,
Где над морем парят облака,
Где на пальмах качаются бризы,
И вершины глядят сквозь века,
Я бы жил беззаботно и честно,
Лишь Любовь и Искусство берёт —
Это в жизни единственно ценно,
Нас, людей, одарил этим Бог.

Бог, который зовётся «Природа»,
Ниспослал нам Любовь и Талант,
Но сомнений людских непогода
Обращает святыни в обман.

Может, любит, а может, — не любит...
Может, правда, а может быть, — ложь?..
Яд сомнений святое погубит,
И тогда, человек, ты умрёшь.

Потому что нет жизни без правды,
Жизни нет без сиянья любви!
Понимаем мы это однажды,
Только поздно — зови, не зови...

В том краю, где растут кипарисы,
Где над морем парят облака,
Где на пальмах качаются бризы,
И вершины глядят сквозь века,
Я бы жил беззаботно и смело,
Вдохновенья восславив полёт...
Но судьба жизни парус мой белый
Неизвестно, куда повернёт...

Забыл ли ты?..

Забыл ли ты те первые стихи,
Написанные ночью, без огня,
Когда мерцают звёзды-светлячки,
И лишь цикад несется стрекотня
Из тьмы ночной?..

Забыл ли ты надежды и мечты —
Их грёзами душа была полна...
Те яркие мгновенья красоты,
В которых жизни истина видна!
Забыл ли ты?

Забыл ли ты друзей весёлый круг,
Те радостные дни и вечера —
И музыка, и смех гремит вокруг,
И опьянение дружбы и вина,
Забыл ли, друг?

Забыл ли ты любви чудесный мир —
Очарованье женской наготы,
Из поцелуев сотворённый пир
И нежности сладчайшие цветы,
Забыл ли ты?

Не забывай, мой друг, навек запомни —
То юности стремительные годы...
Они сиянья солнечного полны,
То дар судьбы, счастливый дар природы.

В одиночестве

М Мне одиночество постыло —
Хочу тревоги, суеты,
Хочу любить! Мечты, мечты...
Мне ваша сладость не постыдна.

Хочу бежать к делам, заботам
И вдохновеньем расцветать —
Читать, писать и вновь читать,
И развлекаться по субботам.

Хочу в пирушке удалой
Вкушать пары вина и страсти,
И запивать шампанским сласти,
И в дружбу кануть с головой!

Хочу любить и быть любимым,
Читать стихи одной, другой,
Им изменяя лишь с тобой,
И ни одной не быть ранимым.

Нет, лгу, неправда, я мечтаю
Быть околдован красотой!
Одной, любимая, тобой,
Я сердца жажду утоляю!

Ты вдохновенье, ты звезда,
Ты нежность, ты очарованье,
Ты бесконечное страданье —
Такой люблю тебя всегда!

Мне одиночество постыло,
Но в одиночестве с тобой
Я жил бы счастлив век земной,
И время для меня б застыло...

Как я
Хоть :

Слова любви, слова печали...
Как много вас уже сказал.
Я не болтлив и не солгал —
Вы сердца музыкой звучали!

Себя мне не в чем упрекнуть:
Когда люблю, когда страдаю,
Тогда любви слова читаю
И на бумаге излагаю,
Чтоб снова в сердце их вернуть!

Зачем мне лгать? Коль нет причины,
Зачем мне вирши сочинять?
Любить притворно и страдать —
Нет, это всё не для мужчины!

Люблю тебя сейчас, люблю!
И одиночеством терзаюсь!..
А что пишу — я в том не каюсь,
Хоть сердца тайны выдаю.

Хочу, чтоб вечно вы звучали,
Слова любви, слова печали...

Тебе, о, Пушкин!

Ночь за окном осенняя, сырая,
А у окна — над пламенем свечи —
Сидит он, мыслью бойкой улета
К ней, — счастья очагу, что льёт свои лучи
Во все души его и сердца уголки!..
И милый образ, нежен и печален,
Вдруг оживёт в безмолвии тоски:
— О, где ты, где?..
Округ — молчанье...

Здесь, в тишине убогой сельской глуши,
Где лишь холодные дожди поля секли,
Он Музу одарил, и был подарок лучше
Тех многих, что к ногам её несли.

«Я помню чудное мгновенье...»
Что есть в поэзии прекрасней этих строк!
Какое сладкое они родят в душе томленье,
И мысли мчат к тебе, моя любовь, мой Бог!

О, если б у меня была такая осень,
Я б с именем твоим молился и писал!
О том, что нет тебя прекрасней рассказал,
И песни б пел любви у древних сосен!

Фотоэтюда

Моя жена — чудесная девчонка
Сидит на берегу морском ...
Подобна статуе изысканная поза
Античной девы — пленницы Нептуна,
Которую ей автор указал
Картинки этой, — старый друг-фотограф.

Сейчас её окутывает солнце,
И от песка исходит жаркий пар,
Что зыбкой рябью застилает камни
На золотом с лазурью побережье.
Она вдыхает свежий запах моря,
Плескающего звонко снопы брызг,
Блещающих как жемчуг в ожерелье
Волшебной Дамы, что зовут Природа.
А небо бирюзой сияет чистой,
И облака пушистые гоняет
И развевает волосы золотые моей любимой
Свежий летний ветер ...

Она прелестна в позе вдохновенной,
Придавшей столько чувства камню тела,
Лежавшего бездушно на песке,
Густой жары впивающего соки
В июльский полдень ...

Лишь вдохновенье мастера, Творца
Воссоздало пленительную сцену
Соединенья женщины с Природой,
Такой же светлой, чистой и прекрасной,
Как и она сама — моя богиня!

Я не люблю печаль в твоих глазах
И грустное подобие улыбки ...
Ищу спасенья в бодреньких словах
И рассмеяться делаю попытки ...

Но натолкнувшись вновь на этот взгляд,
Как рыба на невидимую сетку,
Я трепыханьям собственным не рад —
Я их стыжусь, как раб калёной метки.

Когда уже седеет голова,
Когда прошедший день уходит в вечность,
Не стоит «разлагаться» на слова —
Их водопад безумный бесконечен!

Верни улыбку в сердце и глаза,
Цветок души раскрой для наслажденья ...
Любви моей нежнейшая роса
Омоет сердце, унесёт сомненья!

Любовь подарит терпкий аромат,
Благих страстей и сладостных мгновений!..
Наш мир любви — благоуханный сад,
Пристанище мечты и вдохновенья!

Грёзы

М Мы часто мечтаем
и в грёзах летаем,
За счастьем летаем,
не зная того,
Что счастье, возможно,
идёт осторожно
По улице рядом — мы видим его.

То счастье — в платочке,
следы, словно точки,
Оно оставляет
на свежем снегу...
Снежинки летают
и медленно тают,
И эти глаза я забыть не могу.

Глаза, хоть чужие,
но очень родные,
Как будто смотрелся
в них целую жизнь!
Улыбка родная,
и сердцем я знаю:
Без этого счастья
мне трудно прожить.

Но мимо проходит
и в грёзы уходит,
Навеки уходит
её силуэт...
А я улыбаюсь
и снова мечтаю,
И в грёзах летаю —
влюбленный поэт!

В этой жизни — чем хуже, тем лучше:
Кто-то вывел порочный закон,
И проблемы всё круче и круче
Оплетают давящим узлом.

Коли честный, трудна твоя доля.
Хочешь жить — научись воровать,
Проходить мимо стонущей боли
И на ближнего злобно плевать.

Коли добрый, наплачешься, милый!
Доброта здесь не стоит гроша.
Лишь жестокой, решительной силой
Укрепляется ныне душа.

Коли умный, хлебнёшь ещё горя
От щедрот должностных дураков.
Лоб расколешь, об истине споря,
Натолкнувшись на стенку из слов.

Коль талантом Господь не обидел,
Понесёшь на Голгофу свой крест.
Иль в чужбине, как древний Овидий,
Схоронишь вдохновения блеск.

В этой жизни — чем хуже, тем лучше:
Кто-то вывел порочный закон.
Мы пол жизни сознание мучим,
Чтоб понять, — где он, тот «Рубикон»?

Порхающая бабочка огня
Трепещет обжигающим крылом,
Куда-то в небо чёрное маня,
Что искрится космическим шитьём
Над головой...

Но дремлет голова,
Отяжелев от горестей земных,
Где истина затеряна в словах,
И рвётся вопль из глоток у немых.

Где сильный бессердечен и жесток,
А доброта — младенчески слаба;
Где осквернён живительный исток,
И вместо сосен высится труба.

Где дело чести — денежный мешок,
А благородство — ценность барахла,
И жизни смысл — оторванный кусок,
Истерзанный в борьбе добра и зла.

Порхающая бабочка огня...

Долги

Наплевать бы на всю чехарду
С должностями, престижем, деньгами!
Мы и так в неоплатном долгу
Перед детством, летящим за нами.

Что оставим потомкам своим?
Изнасилованную природу,
Вредоносный «отечества дым»,
В чёрный яд обращённую воду?

Для чего он придет в этот мир?
Чтобы льстить власть имущим подонкам,
А потом, в душном чреве квартир,
Честь и гордость выплёскивать с водкой?

Или совесть упрятав в карман,
Жадно хапать рублишки и сотни,
Веря только в удачный обман,
В силу пальцев, сжимающих глотки?

Или, гордо вещая с трибун,
Будет правду душить закулисно,
Породив подхалимов табун,
За бумажкой не видящих жизни.

Будет снова продажным пером
Рисовать достижений «памигры»,
Храм Искусства крушить топором,
Поклоняться дешёвым кумирам...

Ты простишь ли нам, будущий мир,
Наших душ бесхребетную скуку,
Нашей совести грязный сортир
И сердец бессердечную муку?

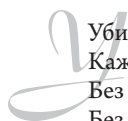
Не прощай, очищением горя!
Нашу мерзость простить невозможно!
Светом Правды из пепла воспряв,
Вознесемся над прожитой ложью!

Наплевать бы на всю чехарду
С должностями, престижем, деньгами ...
Мы и так в неоплатном долгу
Перед детством, летящим за нами!

Самоубийца

Убиваю в себе поэта
Каждый суетный божий день,
Без дуэльного пистолета,
Без петли и вскрывания вен.

Просто тратишь себя на службу,
Чтоб иметь кое-что на жизнь.
Вроде, это кому-то нужно,
Вроде, это имеет смысл...

Так и маюсь, душой боля,
В суете рассыпая дни,
Прахом ямба, золой хорея
«Удобряя» мечты свои...

Ни в одной из церквей столицы
Не отпустят мне груз грехов,
Мне, несчастному самоубийце
Не рождённых своих стихов.

*«... Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю...»
А.С. Пушкин*

Что в жизни этой упоенье?
Неужто добыванье благ,
Которых жаждем мы со рвением,
Как свой трофей коварный враг?

Неужто пачки ассигнаций
Для нас и вера и любовь,
И мы за рубль готовы драться,
Сограждан не щадя голов?

Неужто должность и карьера
Нам заменяют долг и честь,
И с подлым чувством браконьера
Готовы мы украсть, чтоб съесть?

Неужто связи деловые
Для нас превыше братских чувств,
И люди-добрые простые
Для нас забот излишний груз?

Мы все как будто потускнели —
Ни ярких пятен, ни искры,
Ни жажды той великой цели,
Ни вдохновенья той поры...

Мы не устали — мы погасли,
Не жжёт прекрасная мечта.
В комфорте благ нашли мы счастье
И «упоение» ... кота.

Но как же хочется порою
Отдать себя крылам ветров
И упиваться страстью боя,
Взметнувши стяг поверх голов!

И подвигом презрев преграды,
Ломиться грудью на копье,
И истекая кровью правды:
«Всё, что я мог...» — свершить своё!

Я гражданин

Я гражданин — один из миллионов,
По крайней мере, им стараюсь быть.
Нет, не «идейно-накалённым» словом,
А лишь стремленьем гражданином жить.

Страна Советов.

Путь у нас не лёгок,
История у нас не из простых.
Нам кровь пускал железный культ подонков,
Себя избрав в «народные отцы».

Народ с лихвой изведал тяжкой длани,
Что указала жизни «светлый путь» —
Конечным пунктом был колымский лагерь
Или стена, щербатая от пуль.

Была война — кровавей не бывало.
И грудью встал народ — и стар, и мал —
Собой страну родную прикрывая,
А после из разрухи подымал.

Пусть где-то победителей не судят,
Народ-герой был снова виноват —
Фашиста пленного мы записали в люди,
Своих давили, как слепых котят.

Потом как будто вспомнили о правде,
Отмыли кровь со сталинских оков,
И много лет, в космической браваре,
Терпели власть преступных дураков.

Да, их ума на подлое хватало —
Мы жертвы тех, теперь «застойных», лет,
Когда бесчестье бюстами блистало
И «тыщами» ценился партбилет.

Когда за слово честное душили,
А из Афгана шли в гробах мальцы...
Когда искусство ложью отравили,
И правдой торговали подлецы.

Крестьянин бросил нивы и поля
И стал плохим рабочим на заводе.
«Интеллигент», и может быть не зря,
Давно звучит позорной клички вроде.

А на трибунах — гордые вожди
В сиянье звёзд, как праздничные ёлки,
Нам открывали «светлые пути»,
В докладах соревнуясь без умолку.

И вот пришли — к позорному столбу
В веригах воровства, бюрократизма,
Неся, как крест, коррупции разгул,
Захлёбываясь в омуте цинизма ...

Но верю, а иначе пустота,
Что идеалы вечны и прекрасны,
Что мир добра — не глупая мечта,
Что жертвы наши были не напрасны!

Я гражданин — один из миллионов,
По крайней мере, им стараюсь быть.
Нет, не «идейно-накалённым» словом,
А лишь стремленьем гражданином жить.

Петрович

Осенним листом шелестит
Петрович — Петровский мой парк ...
Быть может, о давнем грустит
Московских былин патриарх?

Великого вспомнил Петра?..
Как жаль, что его с нами нет —
Хмельные пиры до утра
Во славу российских побед!

Твой замок стоит, государь,
Людей восхищая красотой,
Старинного зодчества дар,
Венец русской славы святой!

Покою тебе не даёт,
Петрович, дружок-стадион —
Вновь бурей трибуна ревёт
И топчут фанаты газон.

Но ты не в обиде, старик,
То праздник народный — футбол!
Здесь чудо в воротах творил
Лев Яшин. Он тоже ушёл...

В куртаге красавиц-берёз
Ты вёснами вальсы кружишь,
И дремлешь в пургу и мороз,
И золотом в осень соришь.

Тропинок магический знак
Вновь в кущи твои позовёт.
Душа моя — стынь да кабак —
Под сенью твоей оживёт,

Петрович, Петровский мой парк ...

Кто мы, пришедшие из ниоткуда?
Наши глаза хотят увидеть то,
Что увидеть невозможно.
Наш мозг рвётся на части,
Которые кое-как связывают обрывки мыслей.
Наша душа, трепещущая как ленточка на ветру,
Мается в бессмысленной попытке оторваться
И улететь в неизвестность,
Которую мы именуем «мечтой».
Наше тело — напоминание о боли и страхе,
Муках и страданиях,
О счастье любви и материнства.
Мы рассортированы годами и эпохами,
Языками и странами,
Цветом кожи и судьбами.
Мы ищем самих себя и друг друга,
И часто не находим ни того, ни другого,
Потратив на поиски всё отпущенное нам время.

И лишь немногие счастливицы
Выигрывают в лотерее под названием «жизнь»,
Которую дарит нам насмешница судьба.
Лишь они, поднявшись на вершину в конце пути,
Могут восхититься вдохновенным сияньем звезды,
О которой мечтаем мы все, называя её «Смысл Жизни».

Распятая Россия!
За что такая боль?
Идейный крест мессии
Влачит святая голь.

Разуты и раздеты,
В рубцах и ранах плоть...
Во славу комитетов
Молись, честной народ!

Молись на «серп и молот»,
На доблестный портрет,
Терпи и холод, и голод —
Другой дороги нет...

Лишь колеей разбитой,
В страданиях и борьбе,
Придёшь ты в ту обитель,
Что выбрали тебе.

Там «счастья» по горло
Хлебнёшь за честный труд...
Бессовестно и долго
Нам лжёт лукавый плут.

Терпи, надежды полон,
Всё будет у тебя! —
Воздаст кремлёвский Воланд
Что стоишь — до рубля.

А если не хватает,
Найдёшь еще двоих...
О, «троица святая» —
Российских бед триптих.

Святая Русь — ты свята!
Слеза — твоя юдоль...
За что такая плата,
За что такая боль?!

Моя Апсны*

Под солнцем вечным — в южном крае,
Прекрасная, всегда живая,
Цветёт у моря, близ вершин,
Моя Апсны — «Страна души»!
Там всё найдешь — садов цветенье
И птиц предутреннее пенье,
И моря свежесть и простор,
И белоснежны пики гор...

Восславив божий дар природы,
Потомки древнего народа
Живут здесь испокон веков.
Набеги злобные врагов
Они бесстрашно отражали
И гордо в битвах умирали,
Не покоровшись никому,
Лишь только Богу самому!

Абхаз, дитя вершин и моря,
О, сколько испытал ты горя
И сколько претерпел невзгод...
Но гордый маленький народ
Сберег в душе любви струны,
И вот — цветёт моя Апсны
Под небом мудрым и прекрасным,
Под той звездой, что светит ясно,
Ночной волной мечту маня...

Твоей судьбой живу и я...

* Абхазия (абх.)

Как поэт, я родился в Абхазии,
Есть на свете такая страна —
На пороге Европы и Азии,
Но такая на свете — одна!

Уникальное чудо природы!
Богом созданный рай на земле...
Гумистинская линия фронта
Рваной раной зияет во мне!

Плещет море, и солнце сияет,
Пальмы шепчут стихи о любви...
Боевой вертолёт залпом цель поражает,
Красный мост обагрился в крови!

Санатории сказочной Гагры,
И Пицунда, и Новый Афон...
Завывают в субтропиках «грады» —
Взрыв! — Сухума расстрелянный сон...

Здесь — любить, отдыхать, веселиться,
Пить вино, что нам дарит лоза...
Снова матери ночью не спится:
Павший сын заглянул ей в глаза!

Мушни Хвѣрцкия, добрый товарищ,
С кем делили тепло школьных лет,
И за дружбу братались и дрались,
Стал Героем абхазских побед!

А́псуа а́ламыс* — вот наша сила,
А́псуа а́ламыс — наш щит и меч!
Будут дети умны и красивы!..
Наш завет им — и внуков беречь!

* В буквальном смысле — «абхазская совесть» (абх.). Свод моральных, нравственных законов и традиций абхазского народа, включающий, например, особо почтительное, почти священное, отношение к гостю в доме.

Мой Сухумчик

А Люблю я солнечный Кавказ —
Цветенье пышное природы!
Московской жизни дни и годы
Надолго разлучили нас.

Но вот я, слава Богу, здесь —
В краях Апсны моей любимой,
Душою с ней нерасторжимо
Вновь обретаю рай чудес!

Искрит волной морской закат,
И пальмы шепчут что-то нежно,
И речка плещется неспешно,
И зелень восхищает взгляд!

Я вновь с тобой, родной Сухум,
Мой город юности весёлой,
Где я познал величье Слова
И сладкий трепет грёз и дум...

И здесь явилась мне Она,
Даруя мир любви без края!..
И пусть я не достоин рая,
Мне рай Сухумчик дал познать.

Мой город сквозь златые сны
Несёт печаль войны кровавой.
Он сохранит навеки славу,
Что обрели его сыны!

Ты расцветёшь, Сухумчик мой,
Приедут гости, как бывало,
Коль вдруг вина им будет мало,
Согреешь всех своей душой!

Беседка

Войдя в чертог беседки виноградной,
Что дарит тень в палящий южный зной,
Найдёшь там вдалеке приют души отрадный
И вечной юности блаженство и покой.

Все вихри жизни — пагубны ли, святы,
Прозреют сном божественной лозы,
Когда поддержишь тост в застолье — третий... пятый...
Вкусив «in vine verities» азы.

Тогда лишь ты, «варяг» земли московской,
Лозы древнейшей прикоснёшься тайн,
Узришь, сквозь сон, красоты «дев милосских»,
И пав меж их колен, познаешь рай!

Женщина в красном —
Фигура «секс-бомбы»!
Взгляды — напрасны,
Желанья — бесплодны...

Кто-то другой обнимает такую!
Вот он подходит, вот он целует!
Ах, эта талия! Ах, эти ножки!
Алчущих глаз оторвать невозможно!

Женщина в красном!
Миг — наша встреча,
Но это прекрасно,
Что Вы есть на свете!

Маме

*Д*орогая моя, я плачу,
Вспоминая твою печаль ...
Год разлуки судьбою назначен —
Не откинешь её вуаль.

Почему же так грустно вышло,
Что встречаемся раз в году,
Как с цветами своими вишня,
Что растёт не у нас в саду.

Для меня ты — всего дороже,
Для тебя я — как солнца свет!
Я судьбу прокляну, быть может,
Но тебя не обижу, нет.

Исцеляюсь твоей улыбкой,
В синеву окунаюсь глаз,
И душою, как нежной скрипкой,
Восхищаюсь в который раз.

Я целую родные руки,
Загрубевшие от работ ...
Ты прости мне прощаний муки,
Что поделаешь, — жизнь зовёт.

Но ты верь, я вернусь, родная,
Не такой уж я блудный сын.
Ты дождёшься меня, я знаю,
Не обманут златые сны ...

Почему же так грустно вышло,
Что встречаемся раз в году,
Как с цветами своими вишня,
Что растёт не у нас в саду ...

Поэма об обманутой любви

(Быль)

Где это было, точно я не знаю,
Но знаю — летом, в яркий тёплый день,
Когда жара всех чувств не убивает,
И благотно освежает тень.

Огромный сад, земли краса и диво,
Благоухал на берегу морском,
И ветерок в листве шептал игриво,
И пели пташки божьим голоском...

Короче, рай, каких теперь уж мало
На этой грешной пагубной земле.
И я там отдыхал, бывало,
Но здесь веду я речь не о себе.

Где встретились они, не знаю я,
Но всё же встретились, я это подтверждаю,
Её не знаю, честно говоря,
А с ним знаком, его, представьте, знаю.

И так, они гуляли в этом рае
Как Ева и Адам текущих лет...
Простите, но других сравнений нет,
А может, есть, но я о них не знаю.

А впрочем, их от предков отличало
Лишь то, что были те обнажены,
А этих одеянье прикрывало,
Присущее для солнечной поры.

Она была свежа и молода,
И расцветала прелестью природной,
И привлекала взоры без труда
Той красотой, что зовут «дородной».

А он был тоже парень ничего,
Уже мужчина, но немножко мальчик,
Поскольку знаю, что обманывал его
Кой-кто из грешных, но, отнюдь, не каждый.

О чем болтала парочка в саду,
Я расскажу вам под большим секретом —
Я слово дал молчать о том ему,
Но разве можно доверять поэтам?

Он ей вещал, представьте, в основном,
Она, ему послушная, внимала.
Шёл разговор их призрачным путём,
Но и намеки крошка понимала.

Он говорил, ей, что прекрасно жить
В таком раю, но скучно, одиноко,
И сердцу, дескать, хочется любить ...
И незаметно в чашу вёл глубокую.

Потом слегка обнял её за плечи ...
(Он действовал как дьявол-искуситель,
Который разливает сладки речи
Пока храпит подвыпивший Спаситель).

Потом её попробовал прижать,
Поцеловал просительно и нежно ...
Тогда она дала ему понять,
Что это всё постыдно, небезгрешно,

Сказала, что «не надо», что «нельзя»,
Что у неё любимый где-то парень,
Что он вообще задумал это зря,
И что она его сейчас ударит.

Все эти «штучки» многие слышали,
И нового в них мало, вам скажу.
Он и она прекрасно это знали,
Её за это строго не сужу.

Она не плакала, хвалю её за это —
Не выношу пустячных женских слёз.
Он был настойчив, но не груб при этом,
Хотя в среде довольно дикой рос.

И он добился мира и согласия,
Используя все способы свои:
Немного чувства, дерзости и ласки —
Вот то, что нужно, юношам в подсказку,
Чтобы добиться девичьей любви.

Подавшись уговорам надоедным,
Она, бедняжка, трусики сняла,
И на него с лицом устало бледным
Стояла и смотрела, и ждала...

Чего ждала, я расскажу попозже —
Все думают страданий и любви...
Никто не ведал, что у этой крошки
Совсем другие мысли быть могли.

Он не заставил долго ждать и смело
Ремень на брюках быстро расстегнул
(Его душа в мгновение это пела!)
И, наклонившись, брючину стянул.

Но тут произошло, друзья такое,
Чего не ждали здесь ни вы, ни я —
Придерживая платице рукою,
Домой помчалась девочка моя!

Он бросился за ней — запутался в штанинах,
Упал, вскочил, кляня весь белый свет,
Спешил, в штаны не лез — всё время мимо,
Ну, а её давно простыл уж след.

Смешно, не правда ли, я тоже посмеялся!
И поучителен, как жизнь, сюжет такой —
Уж если до любви, дружок, дорвался,
Не упускай её — держи рукой.

Толпа производителей дерьма!
Мы все хотим от жизни что-то получить:
Конечно, чтобы денег было — «тьма»,
И чтоб на свете весело пожить!

А нам твердят с экранов и газет,
Твердят, чтобы набрались мы ума,
Что без Труда на свете счастья нет
Для нас, производителей дерьма.

И мы идем трудиться каждый день,
Набив собой автобусы, метро,
Сокрыв в душе беспомощность и лень,
И проклиная мерзкое житьё!

Зарплаты не хватает — как всегда!
Так, воровать не всем дано уметь.
Те, кто умеет, ходят в «господах»,
Всем остальным — хоть лечь и умереть.

Нас учит жизнь на ближнего плевать
И рвать своё, забыв про Божий гнев,
Чтоб веселиться, сладко пить и жрать,
А совесть, так, — старорежимный блеф.

Нас будущего омут не страшит —
Влечёт добычи сладостный дурман!
Уверились, что доллар всё решит
За нас, производителей дерьма.

Но доллар создан, чтоб отправить в ад
Всех, променявших совесть на карман.
Чем больше денег, тем сильнее смрад
От нас, производителей дерьма.

Золото

(кампания по распродаже золотого запаса США в 1975 г.)

Покупайте золото! Покупайте!
Всё и всех для этого забывайте!
Сыпь в карманы песок драгоценный,
Перед ним сама жизнь — бесценнок.

Всё свободно в свободном мире!
Продаём золотые гири,
Золотые кастрюли, вазы,
Утюги, топоры, унитазы...

Покупайте! В золоте счастье!
Лишь оно вас согреет в ненастье,
Лишь оно принесет вам радость,
С ним вы молоды даже в старость!

Покупайте! Гоните доллар!
Хочешь жить — наступай на горло,
Бей по морде, топчи ногами!
Будешь близок тогда с богами,
Будешь жить и красиво и молодо!

Покупайте золото, золото!

Компромиссы

Мы так привыкли к компромиссам,
Что просто строим жизнь на них.
Мы подставляем ветру лица,
Несмело опуская ниц.

Идём вперед — глядим под ноги,
Взлетаем ввысь — на поводке,
Мы ищем трудные дороги,
Чтоб тихо топтать налегке.

Мы дружбу ценим, но для пользы,
Мы ищем правду, пряча ложь.
Порой с небес срываем звёзды,
Чтоб осветить их светом... вошь.

Мы о любви стихи читаем
И даже пишем их «с душой»,
Но мчимся, лиц не замечая,
Сквозь жизнь бездушною толпой.

Мы верим светлым идеалам,
Служа им краткой строчкой виз,
И маемся душой усталой,
Когда не найден компромисс.

Люди разбитого племени,
Маемся, жизнь не любя.
Пасынки лживого времени,
Мы потеряли себя.

Верим в отсутствие верности,
Плюнув в святой идеал.
Терпим привычные мерзости —
Кто-то нам так приказал.

Злимся, дерёмся, толкаемся,
Силу на склоки губя.
Не лицезреем, а заримся:
«Чем же я хуже тебя!».

Взгляды под жизнь приспособили,
Делаем вид, что живём.
Без толку время угробили,
Так же бесславно уйдём.

Метро

Метро — змеиное нутро,
Темно и душно.
Ты хуже всех звериных троп,
Но ты нам — нужно.

Как дьявол из глубин пещер
Ты светишь глазом.
Завоеет поезд — дикий зверь —
Все вздрогнут разом!

Вагонов пасти день-деньской
Глотают жадно
Людей, задушенных толпой,
И дышат смрадно.

В тоннеле гулком свет и мрак,
Мелькают тени,
Стучат колеса «так-раз-так»
В подземном плене.

И эскалатор-людопад
Нам тянет жилы —
Все морда к морде едут в ряд,
И все — чужие!

Спешу увидеть белый свет —
Там солнце блещет!
Метро, как вынужденный бред,
И чёт и нечет.

Я почти ничего не успел
И, наверно, уже не успею.
То ли в выборе был несмел,
То ли подличать не умею...

Говорят, что не те времена
Были, дескать, чтоб честно и смело.
Изменились пока имена,
И не очень меняется дело.

Я сумел слово правды сказать
И, поверьте, о том не жалею.
Рад, что жизнь не заставила лгать,
Но свершенным гордиться не смею.

Мало смелости просто сказать,
Даже если открыто и громко,
Надо жизнью самой побеждать
То, что мерзостно в ней и подло.

Революция — это порыв!
Это страсть, порожденная болью.
Революция — это взрыв!
Это рана, сожжённая солью.

Только так — через боль и крик,
Очищая от скверны души,
Мы прорвёмся сквозь тот тупик,
Что нас долгие годы душит.

Море

*М*оря бурлящая сила
Катит волну за волной,
Чтоб она яростно билась
В грудь мощной тверди земной!

Море, как зеркало жизни,
Всё отразит в глубине —
Радости звонкие брызги,
Злобы бушующий гнев...

Море мечтами искрится,
Парус надежды летит...
Счастье свободною птицей
За горизонты спешит...

Море мечты разбивает —
Бьётся о скалы прибой,
Пеной пустой уплывает
Сила с ленивой волной.

Море штормами грозитя,
Тайною бездной влечёт...
Чтобы грядущему сбыться,
Много воды утечёт...

Много дерзнувших погибнет,
Мужеством бури смилив.
И вознесет и отринет
Моря прилив и отлив.

Ж На миг забыв сомненья и тревоги,
Лежу «в нирване» на песке морском,
И целый день мне море лижет ноги
Своим солёным нежным языком...

На пляже

Серый песок, камни россыпью,
Пляж, море, небо простыню
Бледно-голубой,
Полдень, зной...
На песке — люди
Жарят телеса,
Зады и груди
Уперши в небеса.
Цвета различные —
От розового до коричневого.
Купальники — радугой многоцветной,
В глазах рябит от радуги этой.
Море — просторище голубое!
Режут лодки его, ему не больно.
Дышит грудью прохладной и нежной,
Парус птицею белоснежной
Улетает мечтой в лазурь...
Ты курортник сегодня, море,
Отдохни от ветров и бурь.

Тот рассвет...

В который раз я вижу тот рассвет —
Прекрасный и невинный, как невеста.
И матери моей всего семнадцать лет,
И дышат жизнью все солдаты Бреста.

В который раз я вижу тот рассвет
В кино, с телеэкрана, в строгой книге...
Меня тогда «в проекте» даже нет,
Но жизнь моя сокрыта в этом миге.

В который раз я вижу тот рассвет,
Расстрелянный стервятником кровавым.
О, сколько в нём истерзанных невест,
Вовек не названных священным словом «мама»!

Память о моём доме

Вновь возвращаюсь памятью в свой дом ...
Он дорог мне как в прошлом, так и ныне.
Там старики мои давно живут вдвоём,
Тоскуя обо мне, о их ушедшем сыне.

Там мать моя, вздыхая по ночам,
Молитвы шепчет вечные как небо,
И мне понятно материнства кредо,
Как кредо хлеба всем понятно нам.

И я молюсь, родная, о тебе,
Единственной и дорогой навеки ...
Я огонёк в лихой твоей судьбе,
А ты — луч солнца, что горяч и светел!

И вглядываясь в лики всех мадонн,
И на полотнах, и в реальном мире,
Я ощущаю чуткую ладонь
На голове,
как будто мне четыре ...

О, неприкаянность души,
Познавшей и любовь, и траты,
Опять влечёшь меня куда-то,
Но я устал.
Ты не спеши.

Та, что люблю, живёт, не греет,
И тянем лямку день за днём ...
Душа, на счастье, не стареет
И жжёт негаснущим огнем.

Всё также жаждет вдохновенья,
«И слёз, и жизни, и любви!..».
О, где ты, «чудное мгновенье»?
Явись же, «гений красоты»!

Отчего мне в жизни не везёт
На людей достойных и хороших?
Скрыл под маской нравственный урод
Язвы совести и подлости пороки.

Я устал от злобного вранья,
От бесстыжей честности «на вырост»,
От «признаний» лживых: вот, мол, я
Не ищу каких-нибудь там выгод.

Я не верю сытым крикунам,
Породившим совесть на шарнирах,
Заставлявшим думать будто сам
Ты одним «измазан» с ними мирром.

Извиваясь щупальцами лжи,
Душат тех, кто всё же верит в правду.
И попробуй ты её скажи —
Зарычат как бешеное стадо!

Сколько их, затоптанных уже,
Тех, кто вдруг осмелился однажды
Запахать наперекор меже
Целину запретов и поблажек.

Но уже просыпалось зерно,
И взойдёт когда-нибудь, я верю,
Колос чести и правдивых слов,
Тех, которых ложью не изверить.

Нет любви!

Это горькое чувство
Ветром гонит меня в ночи...
На московских проспектах пусто —
Хоть кричи ты, хоть ты свищи!

Театр теней.

Блики уличной ramпы
Пляшут в стёклах домов-кулис.
Здесь не ценят души таланты,
И за доблесть не дарят приз.

Арлекины на «мерседесах»
Покупают нагих мальвин
Для похабного «снятия стресса».
Смрад грехов...

Балаган картин...

Все актеры имеют цену,
Каждый знает своё амплуа:
За «сто грамм» — вся шваль на арену,
За сто «баксов» — секс до утра.

В кабаке ты залижешь раны,
И халдей промурлычет: «please»...
Прёшь, как в юности, на таран ты,
Может, в омут — башкою вниз.

Рождаясь неожиданно на свет,
По сути, жалким и беспомощным созданием,
Взрослея, тщимся, искупая сумму лет,
Познать пути и вехи мироздания.

Нас детство манит сказкой бытия,
Непознанного в мерзости и страхе,
Когда есть солнце, звёзды и лишь Я,
Несведущий судьбу свою во мраке.

Нам дарит юность прелести любви,
Безумных поцелуев откровенье
И плоти обнажённой «ви-за-ви»,
И творчества мечту и вдохновенье!

И вот ты стар и мудр, и даже сед,
И всё равно дурак по жизни этой —
Пусть внуки величают тебя «дед»,
Всё ждёшь любви счастливые приметы...

Руки

Ты посмотри, порой, на руки,
Да, на свои, друг, посмотри...
Увидишь жизнь — труды и муки,
Недомоганье серой скуки,
Любви свиданья и разлуки,
Судьбы узоры и штрихи...

Рука в грязи, в крови, в мученьях
Крылом подраненным дрожит...
Креста распятие вознесеньем,
Души растерзанной спасеньем
Сердца заблудших поколений
От новых бед охоронит.

Пьеса без названия

То ли я родиться опоздал,
То ли я родился раньше срока?..
Будто в пьесу не свою попал
И стою на сцене одиноко.

В этой пьесе каждый говорлив,
Пышным фразам нет, порой, предела.
В голом виде ходят короли,
Словесами прикрывая тело.

В звоне опереточных фанфар
Лже-герои скачут горделиво,
Принимая славословий дар
И глазами зырякая блудливо.

Есть и хор продажных мудрецов,
Что поют гнусаво: «Мно-о-га лета ...»,
Заглушая громом голосов
Голос тех, кто требует ответа.

На галёрке — пёстрая толпа
Равнодушно смотрит эту пьесу,
Выражая чувства не попад
И в ладошки хлопая не к месту.

Роли розданы. Какая у меня?
Я герой, паяц иль «кушать подано»?
Не могу из фабулы понять,
Что судьбой свершить мне уготовано.

Может, я безвестный персонаж
В череде событий и явлений?
Может, я влюбленный верный паж,
Пред Мадонной павший на колени?

Может быть, я странник, Вечный Жид,
Ищущий свой Философский камень?
Может, бессердечный я бандит,
Что гроша сиротке не оставит?

Или я неведомый поэт,
Отдававший душу на закланье,
И проживший много горьких лет
Нашей жизни — пьесы без названия.

Бушует пламя золотое!
Я в нем лечу, закрыв глаза ...
Пусть пламя грешное и злое,
Растает горьких дум слеза.

Забывшись веком настоящим,
Сегодняшним забывшись днем,
Не помню я о предстоящем
И не скорблю о прожитом.

Мгновенье счастья — тоже счастье!
На миг забыть, пускай на миг,
О жизни сумрачном ненастье
И подавить душевный крик.

Мне хорошо сейчас — и только.
А завтра снова серый день
И, прикусив губу до боли,
Опять мешай с тоскою лень.

Бушует пламя золотое
И за собой уносит ввысь ...
Пусть пламя грешное и злое,
Но если пламя, значит, — жизнь!

Я пьян сегодня...

Жаль, что не всегда...

Бредя стезёй неласковой по жизни,
Горошинами дней хрустят года,
Чтоб иногда вином бодрящим брызнуть!

Целую женщину, неведомую мне,
Вновь утопая в нежности, как в море,
В безумстве страсти, как в лихой волне,
Презрев сомненья, тяготы и горе.

Да, я Сатир, я Фавн, я вновь Кентавр,
Ворующий плод девственности рая,
Чтоб обрести любви священный дар,
Мучений ада жизни избегая.

Сумерки

Ранние сумерки осени серой...
Ранние сумерки искренней веры...
Первого снега легла седина,
Серая осень — моя ли вина?..

Серые люди и серые чувства,
Павшее слово бессмысленно пусто...
Сердце, как лужица, сковано льдом —
Осени серой тоскливый закон...

Ярко сквозь сумерки окна искрятся!
Осени серой мне ли бояться?
Там — за окном — мне поверят, поймут,
Там — за окном — меня любят и ждут.

Секунды жизни

Секундной стрелкой пронзило Время!
Секунды жизни — частицы веков —
Бегут бесшумно, растаяли тренья,
Чтобы застыть в жернова эпох.

Секунды жизни — ничто, мгновенья...
Движенье, скорость немыслима их,
Но вдруг приходит веков прозренье,
Эпох — застывших секунд былых.

Как странно всё, непонятно, сложно...
Где логика? Время всегда бежит,
Несётся, мчится, чтоб осторожно
Затормозить?..

Память людей — застывшее время,
Личный музей улетевших секунд.
И хорошо, если он не бремя,
Не давит мёртвостью восковых фигур.

Как хорошо, если в светлых залах
Памяти нашей нет мертвецов,
На чьих щеках, усохших и впалых,
Стоит клеймо: «из живых подлецов».

Счастливы те, чей музей сокрытый
Полон любви, вдохновенья, идей...
И не найдёшь в нем углов забытых,
Забитых скукой и ленью дверей.

Как мы завидуем тем счастливым,
У кого — материален и смел —
Возвышается горделиво
В памяти «Памятник совершённых дел».

Вот где правда!
Жизненность времени —
Отражённость в людях, делах.
Мчат секунды в вечном стремлении
Обратить всё живое в прах,

Но всеильной рукой человека,
Что стремится вперёд и ввысь,
Вы, секунды — атомы века, —
Превращаетесь, строитесь в Жизнь!

Что-то жить невесело, ребята ...
Словно ждём предсказанной беды,
Волоча ярмо судьбы проклятой
И с надеждой глядя на кресты.

Только крест нам веры не добавит,
Нам, продавшим совесть за пятак —
Сатана давно в России правит,
И неважно, чей над нами знак.

Поглумились над своей Победой,
Наплевали в души старикам,
И прельстившись западной монетой,
Лижем зад богатым чужакам.

Терпим власть барыг и казнокрадов,
Слышим речи лживых болтунов,
Расплодили свору клептократов —
Подлых, обожравшихся котов.

Но куда деваться — жить-то надо,
Хоть с крестом на шее, хоть с петлёй...
Ожидает всех одна награда —
Ящик деревянный под землёй.

Вот тогда душой освободишься,
Воспаришь над брэнной суетой...
Может, с Господом в раю возвеселишься!
Может чёрт тебя утащит за собой...

Трамвайное окно

Слеза дождя стекала по стеклу...
Небритое лицо в окне трамвая,
Морщины — данью и добру и злу,
Усмешка на губах висит кривая.

В глазах потухших — серая земля,
Замызганы и галстук, и сорочка ...
Где молодость? Где дом, жена, семья?
Давно ушло, забыто всё — и точка.

Что жизнь? Надежды, хлопоты, мечты?..
Конечная вот скоро остановка.
Продребезжал по рельсам долгим ты
Как тот трамвай — стремительно и звонко.

Безжалостна стальная колея,
И жизни колея не легче тоже.
Но изменить маршрут, увы, нельзя,
А с рельс слететь — себе сойдёт дороже.

Так и тащил свой дребезжащий груз
По рельсам многолетнего маршрута —
Работа, женщины, вино, пиковый туз,
Ненастье холостяцкого уюта.

Да ... были остановки, но на миг,
И вновь к «конечной» катятся колеса ...
И вот уже перевалил за «пик»,
И нет в душе о будущем вопроса...

Слеза дождя стекала по стеклу...
Небритое лицо в окне трамвая...
В своём не согреваемом углу
Картина жизни сгорбилась живая.

Чёрный город
(за тенью Достоевского)

Чёрный город. Свинцовые тучи.
Мокрых каменных улиц клинки.
Фонаря одинокий лучик.
Воют щели, как ветра щенки.

Грязный сумрачный рот подъезда,
Он зловонием дышит в ночь.
Слышны пьяные крики соседа —
Снова бьёт проститутку-дочь.

В полутёмном гробу подвала
Тянет плесенью из углов.
На окошке — лоскут покрывала.
От тоски леденеет кровь...

Снова нет ни гроша в кармане.
Где-то спрятан, забыт сухарь.
Бред голодный уже не странен,
Не пугает «перина» нар.

Жизнь давно о тебе забыла,
Нищета, голодранец, рвань,
Растоптала и в кровь избила...
Старость сушит коросту ран.

Смерти ждёшь, как небесной манны,
Проклиная и день, и ночь!
И надежд голубые обманы
Изгоняешь навеки прочь.

Я верю — в этой жизни всё не зря...
Судьба дарует нам свои расклады,
Чтоб мы, в своих мечтаниях паря,
Стремилась к звёздам, презирая взгляды,

Политику, законы, гнев богов,
Терпя лишения в поисках свободы,
В надежде обрести Любви блаженный кров,
Спасаящий средь бурь и непогоды!

Современная Мадонна

Мадонна юная с небесными глазами
В вагоне суетливого метро...
Что шепчешь тихо пухлыми губами —
Святое славить, иль клянёшь порок?

Порхает взгляд застенчиво-призывный,
Трепещут крылья крашенных ресниц...
Фигурку тонкую скрывает свитер длинный
И грубая кора потёртых синих джинс.

Чего ты жаждешь девственной душою?
Куда летишь беспечною мечтой?
Быть может, гонишься за славою грошовой,
Сверкающей бесстыдной наготой

С подмостков конкурсов закупленных красавиц,
Подставивших фортуне голый зад?
А впрочем, стоит ли о временах и нравах,
Когда весь мир продать друг друга рад.

Так хочется, чтоб ты жила мечтами
О чистоте и святости любви
И целовала нежными губами
Лицо младенца-ангела...

Аминь.

Странные чувства

Какое-то странное чувство
Гнетёт и тревожит меня:
То вдруг без причины мне грустно,
То радость затопит, пьяня.

Причина во мне или в мире?
Пока не могу разобрать ...
Тоска стопудовою гирей
Мне душу придавит опять,

Чтоб выдавить буйные чувства,
На дозы-глоточки разлить,
Заклеить сургучиком густо,
И в сеточку — чтоб не разбить.

Но буйные чувства бунтуют,
Как то молодое вино,
Что дыбится в ярость крутую,
Взрывая дубовое дно!

Взрывает и пенится шумно,
Искрящейся хлещет струей ...
Так счастье вдруг вспыхнет безумно,
Без мер завладеет душой!..

Тогда всё и просто и ярко,
И жизнь — не совсем суета —
Вновь дарит надежду подарком,
И правдой блистает мечта!

Так сильно расправил ты крылья,
Что вдруг зацепил провода ...
И снова пугающей были
Натянута крепко узда.

Летай, но не выше предела.
Стремись, но чтоб знали — куда.
И можешь беспечно и смело
По жизни ты топать тогда.

Дойдешь, Бог поможет, до цели,
Усталые ноги — в ручей,
И будет чистейшие трели
Тебе заливать соловей ...

Мне никогда не быть уже трехлетним,
Не бегать с криком в солнечном дворе,
Не окунать лицо в листву пахучей ветви
Густых кустов, уснувших на жаре.

Я не смогу поверить добрым сказкам,
Не испугаюсь мрачных колдунов,
Не рассмеюсь, узнав под снятой маской
Лицо, вполне знакомое давно.

Уже не быть мне в глупости невинным —
Я потерял дозволенность «не знать»,
И, в общем-то, последнюю скотину
Я почему-то *должен* уважать.

А хочется, порою, как когда-то,
Свой кулачок мерзавцам показать
И зло сказать: «Дождётесь вы, ребята,
Что буду из рогатки в вас стрелять!»

Опять рассвет и гаснут злые звёзды...
И утро хмурится похмельем алкаша.
Сквозь мрак — метро, чей ясный глаз тверёзый
Влечет тебя, заблудшая душа,

Туда, где будешь вкалывать до пота
Иль протирать по должности штаны...
Пусть это называется «работа»,
А, в общем-то, — проделки сатаны.

Да, это он — хозяин, жизнью данный,
За деньги норовит тебя подмять.
И, слава Богу, если вдруг не жадный:
Постыдно «раком» задарма стоять!

Вот если доллар-бакс прилип на жопу,
Тогда прогнёмся лишний раз — не грех,
Пусть даже этим рассмешим Европу
И в Азии услышим дикий смех!

Мужская честь

Из сокрытых глубин веков —
Было, не было — не узнать,
Предок мой, презирая зло,
Сделал шаг, чтоб к барьеру стать.

Ты извечна — мужская честь,
Даже смертью не отобрать!
Это тот легендарный крест,
На котором должны распять.

И несут этот тяжкий крест
Благородные мужики —
Нёс и воин его, и жнец
До своей гробовой доски.

Нёс его через жизнь поэт,
Не свернув с роковой тропы,
Прорываясь сквозь мутный бред
Кровожадной тупой толпы.

Как в полёт — у барьера стать,
Чтобы там, за спиною — высь!
Только так нам дано познать,
Что такое, по сути, жизнь.

Только сделав последний шаг,
Преступая себя в себе,
Ты поймёшь, что твой верный враг
Был и вправду врагом тебе.

И как преданный честный друг,
С поцелуем дарящий смерть,
Верный враг твой подымет врут
Благородной перчатки честь!

В стране воров и идиотов,
И беспробудных алкашей
Так трудно сохранить хоть что-то
Святое, чистое в душе.

Душа, душа, тебя забыли,
Как тряпку грязную в углу.
Ведь нам важней, чтоб «бабки» были,
А честь — «видали мы в гробу».

Пришла эпоха «перестройки» ...
Гуляй, кремлёвская братва!
На всесоюзные разборки
Со страхом смотрит голытьба:

Родную землю рвут на клочья
Шакалы брежневских времен —
Война то здесь, то там грохочет,
Нам души опалив огнём.

Качают доллары ребята
На крови, нефти, нищете ...
Россия в лапах «демократов»,
Как шлюха на пиру чертей.

«Гудит» похабная пирушка!
Забыты дети, старики ...
Жирует подлая верхушка —
И голосуют... чмудаки.

У нас хапуги Храмы строят,
Чтоб смыть поганые грехи,
Бандиты крестным ходом ходят,
И бьют поклоны «петухи».

Их гладкий поп благословляет,
Целуют твари крест святой.
Ужель Господь им всё прощает,
И жить нам в мерзости такой?

Мы глушим водку стаканами
И проклинаям всех и вся!
Злой рок, сквозь ночь, летит за нами...
Рассея — грешная земля.

*Памяти поэта и певца
Игоря Талькова*

Убит ещё один поэт!
Россия, ты страна традиций —
Всегда найдётся пистолет,
Всегда верна рука убийцы!

Как видно, ты сама пророк,
Сама себе поёшь и веришь...
Своих певцов недолгий срок
Своим бессмертием измеришь.

Твоя душа — их дерзкий стих,
Что рвётся из хрипящей глотки!
Твоя судьба — их боль и крик,
Глушённые стаканом водки.

Спасенье нам — правдивый слог,
Как дар Любви, Добра и Света...
Пусть даже отвернётся Бог,
Россия, не губи поэтов!

Разговор с Есениным

С утра иду к Есенину Серёже
Бульваром старым, шепчущим листвою ...
Московский сон — он вечно длиться должен,
И Пушкин сверху смотрит за спиной.

Шумит Москва — народ, автомобили,
Рекламой разукрасилась цветной ...
Но как когда-то на Тверском любили,
Так и сегодня мы гуляем здесь с тобой.

Присядем на скамеечку у МХАТа,
Поговорим о жизни, о любви ...
Есенин, чуть хмельной, качнёт главой лохматой,
Ты нас с собой, Серёжа, позови!

Пойдём в кабак, а, может, лучше в гости?
Катаев Валя угостит винцом ...
Но с Маяковским вы бодаться бросьте —
Уж оба классики и призваны Творцом.

Там, на Суде, видать, и помирились
На том, что жизнь и страсть, и суета,
И строки светлые живой слезой пролились,
В них не умрёт надежда и мечта!

Прости, Есенин, мало вас читаем,
Всё больше — детективчики, кино ...
Порой в застолье «Клён» твой напеваем,
Но «не жалею, не зовём» уже давно.

О чем жалеть — всё продано, что свято,
И звать нас некуда — над пропастью кружим ...
Россия-матушка скорбит душой распятой,
А мы, делиаги, долларом шуршим.

Твой конь, Есенин, розовый, крылатый,
Не скачет ранью по родным полям ...
Как видно, улетел золотой мечтой куда-то,
Лишь отголосок песни бросив нам.

Но не грусти, мы песен не забудем,
И пусть «тоской мятежной» давит грудь,
Ты вновь споёшь, Есенин, добрым людям,
С тобой не пропадём, уж как-нибудь!

Читая В. Высоцкого

Я ненавижу

Я ненавижу цвет коричневый и чёрный,
Я ненавижу лик страданий и смертей,
Я ненавижу взгляд, на муки обречённый,
Я ненавижу крик испуганных детей!

Я ненавижу смех злорадного подонка,
Ломающего судьбы, как цветы.
Я ненавижу то, что сильному угодно,
Я ненавижу стон раздавленной мечты.

Я ненавижу жлобства гаденькую глупость,
С хихиканьем марающую жизнь.
Я ненавижу визы должностную тупость,
Перечеркнуть стремящуюся мысль.

Я ненавижу гвалт купеческий в искусстве,
Мошной звенящий в унисон гитар,
Я ненавижу маски хрюкающих с чувством,
Чтоб отработать жирный гонорар.

Я ненавижу ложь во всех её обличьях,
Дурачащую жизнь, как пошлый фарс.
Я ненавижу лик, собой сменивший личность,
Я ненавижу мрак пустых бездушных глаз.

Русский мужик

Известна русских мужиков судьба:
Семья, война, работа, бабы, водка ...
И бесконечная за светлый мир борьба,
Пусть даже кость уже застряла в глотке.

Великая Россия — велика!
Когда ни сил, ни сил души не хватит,
Вновь оплетёт дорогой дурака —
Дорогою судьбы, и пусть он там лопатит.

Магнитка, Днепрогэс, Кузбасс, Гулаг...
Портянки, ватники, пила, кайло, лопата ...
И Беломорканал нам подарил дурак,
И шлюзы, и мосты — видать, Руси так надо.

И до Берлина шёл он под огнём,
Фашистскому орлу отсёк в сраженьях крылья!
Двуглавый наш орёл, как в старь, прикрыл крылом
Святое воинство в простых пилотках пыльных.

Да, были и медали, и салют...
Наш День Победы — славный праздник мая!
И ждёт старик, когда ему нальют
Уже не боевые, но «сто грамм» до края.

Вдруг — «перестройка», и опять дурак
Пошёл крушить, что раньше наворочал,
Решив с похмелья: всё, что в прошлом — брак,
И только доллар знаменит и прочен.

Да, русский мой Иван всегда дурак,
Поскольку верит горячо и свято
И подлому кликуше, что России враг,
И прочим нехристям земли своей распятой!

Сложил, продавшись, крылья наш орёл,
И Запад, и Восток отдал, не споря ...
Потомков-подлецов в истории обрёл,
Державе — на порух, и дуракам — на горе.

 Березка стройная, московскою блондинкой,
Стоит в кузьминском скромненьком дворе.
Златой каштан, не молодой, но пылкий,
К ней тянет ветви в сером ноябре...

К ногам бросает драгоценность листьев,
Звнящих золотом осенней красоты...
Ноябрь уж скоро мокрым снегом брызнет,
А он лее дерзкие мечты...

 От любви — любви не ищут...
Где искать?
Злобный ветер в поле рыщет
Словно тать.
Пролегли межою серой
Трын-слова,
Стебелёк любви и веры
Обломав.

Где напиться той водицы
Ключевой,
Что вернёт душе-синице
Крик живой?
Может там — за горизонтом,
Где восход,
Призывая песней звонкой,
Счастье ждёт?

Может за морем далёким
Та страна,
Где любовь не одинока,
Не грустна?..
От любви — любви не ищут...
Что искать?
Лучше милой губы-вишни
Целовать!..

Пейзаж

Чайки летят над безлюдным песком
В сторону моря.
Низко летят и ослабшим крылом
С ветром не спорят.

Ветер рычит, рвётся, терзает,
Мчит на просторе,
Скоро свирепую силу его море узнает,
Мрачное море.

Он здесь хозяин — всех победил!
Мечется, гордый!
Море и чайки, песок и ковыль
Сникли.

И горы

Только глядят, как глядели века,
Строго, надменно.
Царской короной сверкают снега:
«Жизнь неизменна», —
Словно собою они говорят.
Это неверно.

Жизни порывы всё рвут и сметают.
Жизни ветрило
Прахом года и века засыпает,
Много их было...

Годы летят, подгоняемы жизнью,
Кружится век ...
Как же ты мал, беззащитен и низмен,
Ты — человек.

Но ты велик — в дерзкой разума власти
Вечности пламень.
Ввысь улетишь ты, и, может быть, схватишь
Солнце руками!

Бокал желаний

 Дрожит в руке моей бокал желаний...
Боюсь оттуда каплю расплескать —
И страшно и пленительно мечтать
И верить в радужность счастливых предсказаний.

Желания, мечты — пьяней вина любого,
И даже если в том бокале яд,
Кто осушить его не будет рад
И кто потребует взамен вина другого?

Я многого хочу, но бóльшим дорожу:
Я счастлив тем, что по земле хожу,
Могу мечтать, стихи писать, смеяться...
Тем, что люблю и, может быть, любим,
А если это всё соединим, —
Тем, что живу.

Ну, а мечтам — сбываться!

 Вот вечер...
Вновь наступит ночь.
Родится утро радостным известьем...
И думы чёрные мои умчатся прочь,
Утонут в роднике любви чудесной!

Мечтаю о любви, о сладостных волнениях,
Пью поцелуи будущих стихов,
Шепчу извечные слова ночных молений
И слышу нежный смех пленительных грехов...

Два встретившихся взгляда,
Две дальние судьбы ...
О, если б слов не надо,
О, если б взгляд — как был!

Твой взгляд не прячет правду:
Не встретившись, прости ...
Два неразлучных взгляда,
А между ними — жизнь.

Зима, рассвет...

Азурь застуженных небес
Вновь расцвела зарёй несмелой ...
Зарозовел продрогший лес,
И снег вдруг перестал быть белым.

Он ожил — весь в полутонах
Прозрачной нежной акварели,
И пышной рамой полотна
Застыли вдоль опушки ели.

Природа — матушка-краса,
Ты божество любви и света!
Запели флейтой небеса
В волшебной музыке рассвета!

Раздумья

Где ты, Любовь, поэзия всех дней?
Лишь проза жизни есть и не поёт Орфей
в душе людей.

Лишь деньги, власть иль мелочная слава
Волнуют нас — а это скука, право.
Чем мы живём, что любим — всё не ясно,
Всё пошло, грубо, безобразно.
Смеёмся друг над другом или плачем —
Всё маска, всё игра.

А как же жить иначе?

Нет, нет, друзья, секрета не открою я этого для вас,
И то сказать, где и какой в нём толк?
Как Магомет не сходится с горою,
Так не сойдётся серых жизнью полк
С Великою Любовью и порою
Мне кажется, что сей фонтан умолк ...

Сиреневый закат...

Лазоревое море

Катает камушки устало на волне.
Ночь близится, и звёздный полог вскоре
Раскинется, даруя сказку мне.
Ту сказку о любви расскажет южной ночью
Красавица младая,
но потом ...

Вся в брызгах звёздных серебристых точек
Ты в море плещешься, как рыбка, нагишом.

Новогодняя сказка

Ух, Морозец, зимний, звонкий,
Заковал мне руки-ноги
И свистит протяжно тонко,
Как бандит с большой дороги.

Сам-то в шубе! Пухом белым
Воротник сверкает чистым,
Шарф — позёмка, шапка — ели,
А сугробы — рукавицы.

— Слушай, что ты привязался?!
Видишь, — нет бобровой шубы.
Я б с тобою поигрался,
Да уже застыли губы.

Руки в тоненьких перчатках
Онемели — деревяшки.
Мне б с тобою не встречаться,
Мне бы встретиться с милашкой!

Я б согрел ледышки-руки
Жар-огнём девичьей груди,
Я б любви святые звуки
Лил в трепещущие губы...

Слушай, где твоя Снегурка,
Дочь-красавица? Я знаю,
Что другой такой фигурки
Не найдешь в подлунном крае.

Лик — снега белее света,
А в глазах — озёр пучина.
Солнце северного лета
В волосах её почило!

Голос тайны полон вьюжной,
Смех, как льдинок звон весенний...
— «Зрить тебе её не нужно,
И кончай пустое пенье!»

— До чего ж ты зол, Морозец!
Позови девчонку, право.
Что же, зря меня морозил,
За страдания, где ж награда?

Пусть меня обнимет нежно,
Поцелует сладко в губы,
И на ложе мягком, снежном
Засыпать усталый буду...

Боже мой! Виденье, грёзы?
Кто ко мне прижался с лаской?!
На ресницах — льдинки-слёзы
И любовь сияет в глазках!

— Ты Снегурка? Правду молви!
— «Да, мой милый, дочь Мороза...»
Голос вьюжной тайны полон,
А в устах раскрылась роза!

— «Я любить тебя явилась,
Мне твои по нраву песни,
Сердце девичье забилося,
Буду петь с тобою вместе!

Буду гладить твои кудри
И ласкать родные плечи,
И в алмазной снежной пудре
Мы уснём под вьюги речи...»

— Эй, уснём да не проснёмся!
Спать в снегу — комфорт для волка.
Вон — избушка, заберёмся
И погреемся недолго.

— «Ты не бойся, мой родимый,
Я тебя согрею лаской!
Ночь, как сон, прольётся мимо
Новогодней синей сказкой...»

Рассвет...

Рождение дня...

Прохладное дыханье,
И шелест листьев у окна,
И сердца трепыханье...

Кто разбудил меня тогда?..
Какой-то дух неясный
Иль уходящая звезда,
А может Демон страстный?!

Да, это он витал всю ночь
Над нами, дорогая!
Со светом лишь убрался прочь,
Исчез, куда не знаю...

Какую ночь нам подарил
Сей страстный искунитель!
Я никогда так не любил
И сладости такой не пил!..
О, Демон, — мой властитель!

Пыльная зелень июльского лета
Вновь омывается свежим дождём...
Лужи даруют нам проблески света,
Их обходя, мы до дома бредём.

Молния высветит пагубность жизни,
Грома раскаты нам плечи согнут...
Звонкими каплями выбрызнут мысли,
Тут же по куполу зонта текут...

Грозной стихии, беспечные судьбы,
Мы на закланье в веках отданы.
Верим, надеемся, любим как будто,
Но перед громом небесным смешны...

 Роскошной осени волшебная краса —
Всё буйство красок на палитре леса!
Лазурью тонкою сияют небеса,
Презрев все ужасы прогресса.

Возри, ничтожный человек,
Лик вдохновения природы!
Ветра, дожди и первый снег
Вновь смоят буйной непогодой
Звонящий золотистый лист,
И клёнов пламенный багрянец...

Кружит — пронзительно лучист —
Прощальный листопада танец...

Сиреневое утро

 Сиреневое утро —дохнул в окно мороз...
На акварели будто вязь графики берёз.
Оранжевым туманом расплылись фонари,
Сиреневым обманом до проблесков зари.

Уже шумит дорога и гаснет свет в домах,
И люди от порога бредут на жизни шлях...
Чернеют силуэты на снежном полотне
В серебряном багете —предутреннем окне...

Целую руки твои, целую,
Целую губы твои опять...
Я нежным словом тебя балую,
Хочу и буду тебя баловать!

Растаял в нежности, я невесомен —
Счастливый миг, восхищенный вздох!..
О, как любви океан огромен!
Я в нём пьянею — души восторг!..

Мне сплетен не страшна язвительная сеть!
Моя любовь превыше этой грязи,
Не смогут чёрные слова меня задеть,
Глупцам ответчу я короткой фразой!

Что для меня слова и мнение ваше?
Бездушная толпа, не знаешь ты любовь.
Лишь зависть чёрная и обладанья жадность —
Твои «святости» испокон веков.

«Вниманием» своим зачатки чувства губишь,
Равняешь всех обычая чертой,
О нежной страсти ты с насмешкой судишь,
Не понимая истины простой,
Что для Любви нет правил и законов,
Она свободна в творчестве своём!
Бессмысленно советовать влюблённым,
Судьбу любви своей они решат вдвоём.

Тихая грусть

Обложили тучи,
Ветер злится ...
Кроме тихой грусти,
Ничего не снится,

Ничего не сладко
И ничто не жжёт —
На душу заплатка
Грустью упадет.

Там протянет нити
Скуки и тоски
До сердечной ныти —
Горестной реки.

Побегут потоки
Бледно-серых дней
И потянут соки
Из груди моей.

И душа иссохнет,
И умрёт цветок,
Тихой-тихой грусти
Испуская сок ...

ГИМН РОССИИ

*Музыка И. Александрова
Стихи В. Архангельского*

Россия родная, ты — мать народов,
Чьи судьбы Отчизна навеки свела!
От древней Руси, величавой и гордой,
Бессмертную славу в веках обрела!

Так славься, Родина благословенная,
Сынов великих кровью освященная!
Нас вера святая хранит и спасёт!
Сила державная, воля народная
Мать-Россию к победам ведёт!

В трудах и сраженьях народ закалённый
Тебя возвеличит, Россия-страна!
Двуглавым орлом золотым окрылёна,
Заветам Свободы и Братства верна!

Так славься, Родина благословенная,
Сынов великих кровью освященная!
Нас вера святая хранит и спасёт!
Сила державная, воля народная
Мать-Россию к победам ведёт!

*Декабрь 2000 г.
Москва*

Расплата

Спешим мы следом за душой,
Согласно повеленью сердца...
Порой, обижены судьбой,
Но от судьбы куда нам деться?

Нам юность дарит счастья миг —
Любовь, надежды и мечтанья...
Вдруг спросит в зеркале старик:
Ужель не тяжек груз желаний?

И груз грехов не тяжек нам?
Всё Богу принесем иль чёрту,
Заплатим жизнью по счетам
Своим достатком и комфортом,

Своей гордыней и красой,
Тщеславьем, подлостью и лестью,
Словес блудливой чехардой
И должностей престижных спесью...

Заплатим золотом души —
Надеждой, Верою, Любовью...
Грехов несчастные гроши
На небеса возьмём с собою.

Поговорим

Говорим, говорим, говорим...
На страницах газет и журналов,
Телесловом бесстрашно гремим,
Упиваясь явлением — «гласность».

Все спешат своё слово сказать,
«Приобщиться» к крутым переменам.
Разве можно в «эпоху» молчать —
Вдруг объявят «застойщиком» вредным!

Торопись объяснить, почему
Ты вчера говорил под диктовку,
Поклоняясь кому-то Ему,
Выполняя Его установку.

Почему ты нам радостно врал,
Восторгаясь, что вдруг «приобщили»,
Честь и совесть, и правду топтал,
Потому что прилично платили.

Расскажи, что разнюхал-узнал,
Копошась на державной помолке —
Это ценный теперь капитал,
Квота «гласности и перестройки».

Много «честных» теперь развелось.
Очищают поганую душу,
Смело топчут поникшее зло
И ушедших молотят, как «грушу».

Но когда появилось письмо
На страницах «Советской России»,
Сжалось сердце гнилое в комок —
Может, зря с этой правдой носились?

Правда, правдой, а жизнь дорога,
Дороги и квартиры, и дачи...
И Сибири таёжной снега
Белым саваном стали маячить.

Ладно, братцы, помойте штаны,
Прибодрите продажные души,
Кройте дальше на благо страны —
Мы вас будем внимательно слушать.

 Ты устал от жизни, мальчик,
Не звенит в душе струна...
Лживых масок балаганчик,
Глупой сказке — грош цена.

Злые клоуны резвятся,
Сник оплётанный Пьеро,
За кулисой — блуд и пьянство,
И партер свистит давно.

Где любви святы звуки?
Свет надежды и добра?
Травят души яд чернухи
И пошлятины мура.

Вспомни юность золотую —
Море, звёзды, блеск мечты!..
И красавицу младую,
Что любил когда-то ты!..
Сказка прошлого прекрасной
Светлой музыкой плыла...

Не терзай себя напрасно,
Добрый мальчик, жизнь прошла...

Что-то ноет душа ...
Вроде всё хорошо,
Дети, внуки — все живы-здоровы.
Жизнь идёт не спеша,
Год к концу подошёл,
Новый встретим с весельем мы снова!

И чего тут грустить?
Будем петь и плясать,
Водки выпьем с Азовское море!
Будет после мутить,
Ну, да не привыкать —
Заливаем и счастье, и горе ...
Только я не о том ...
Что же ноет душа?
Чем ты, старче, опять недоволен?
Будто в стане чужом
Я притих, не дыша,
Ни сказать, и ни крикнуть не волен.

Вроде, наша земля,
И родились мы здесь,
Помню, вместе и пили, и пели ...
Тучей чёрная тля,
Злобной карой небес,
Налетела в родные пределы.

Жадно жрёт нашу жизнь,
Травит соки души,
Раздуваясь от лёгкой добычи ...
Эй, мужик, ты очнись,
Хватит водку глушить,
И по пьяни бессмысленно «бычить».

Ты уже не у дел,
Добрый Ванька-дурак,
Провалился поленом на печке ...
А «кто смел, тот и съел»,
Лишь наивный простак
Возжигает для боженьки свечки.

Что-то ноет душа,
И не греет свеча,
И Христос грустно смотрит с иконы...
Всё святое круша
Топором палача,
Древних вед нарушаем законы.

Звезда моя, шепчу, моля:
Не покидай того, кто верит,
Не повергай в пучину зла,
Не обращай в тупого зверя!

Я верю в твой волшебный блеск,
Как верю в горы, лес и море...
Храня в душе их гул и плеск,
Не устращусь лихого горя.

Пусть не всегда гладка стезя,
Что уготована судьбою,
Молю тебя, звезда моя,
Не разлучай меня с собою!

Свой ясный свет дари душе,
Навек любовью окрылённой,
Блистай в безмолвии ночей,
Огнём надежды сердце полня!

